

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Arc 1020.140

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

РИМСКІЯ КАТАКОМБЫ

И

ПАМЯТНИКИ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ХРИСТИАНСКАГО ИСКУССТВА.

Соч. А. фонъ ФРИКЕНЪ.

..... miro sempre al fine ultimo dell'archeologia, che è di
confermare, rischiarare, arricchire, spesso anche creare la storia
e ricostruirne l'ordine de'tempi coll'ajuto de'monumenti.

Bull. di Arch. Crist. G. B. de Rossi.

Часть первая.

РИМСКІЯ КАТАКОМБЫ.

ЦѢНА 1 РУБ.

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ В. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

1872.

Arc 1020. 140 (1-2)

✓

Доволено цензурою. Москва. 16 Августа. 1872 г.

Коллекция

ТИПОГРАФИЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРИБОРИНСКИХ ВОР., Д. ШИЛОВЫЙ.

ПОСВЯЩАЮ ПАМЯТИ
ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА
БОТКИНА.

Посвящаю мой трудъ дорогой для меня памяти челоуѣка, который далъ направленіе моимъ занятіямъ, пробудилъ во мнѣ любовь къ изученію памятниковъ искусства и помогъ своими совѣтами въ составленіи этого сочиненія.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Немногія историческія эпохи могутъ представить большій интересъ, тѣмъ тѣ времена, когда христіанское ученіе начало распространяться въ римской имперіи и находить послѣдователей въ ея столицѣ. Переворотъ, произведенный новымъ вѣрованіемъ въ жизни и нравахъ римскаго общества, тѣ особенности, которыя выразились въ пониманіи имъ христіанскихъ идей и принциповъ, все это факты и явленія громаднаго значенія, и памятники, уцѣлѣвшіе отъ этой необыкновенной эпохи, должны быть для насъ особенно драгоцѣнны. Число ихъ притомъ очень ограничено; памятники литературы немногочисленны; въ первые вѣла христіане писали мало, а языческіе историки, не предугадывая великой будущности вѣры въ Спасителя, выразились объ этой новой, по ихъ мнѣнію восточной сектѣ, съ презрительною краткостью. Все, что тѣ и другіе сказали о первыхъ временахъ распространенія христіанства, не можетъ разоблачить намъ скрытое броженіе, вызванное имъ въ языческомъ обществѣ, ни представить его тайный ходъ, его постепенное развитіе. Это было бы намъ не извѣстно, если бы первые христіане не оставили послѣ себя катакомбъ и въ нихъ произведеній своего искусства. Потому то эти гигантскія подземныя кладбища, и все, что еще сохранилось въ нихъ, начиная отъ стѣнной живописи и мраморныхъ саркофаговъ до глиняныхъ лампъ и стеклянныхъ сосудовъ, до самыхъ ничтожныхъ повидимому вещей найденныхъ въ гробахъ, достойны подробнаго изученія. Подобно тому какъ въ Помпѣи мы возстановляемъ нравы и понятія Римлянъ по произведеніямъ ихъ искусства, по тѣмъ предметамъ, на которыхъ, можно сказать, еще теплы слѣды ихъ жизни, — точно также въ римскихъ катакомбахъ—христіанской подземной Помпѣи — первобыт-

ное христіанское общество воскресает для насъ въ своихъ памятникахъ.

Въ устройствѣ и расположеніи этихъ кладбищъ, въ искусствѣ первыхъ послѣдователей новаго вѣрованія, въ манерѣ выраженія чувствъ и религиозныхъ идей, въ украшеніяхъ и надписяхъ гробницъ, въ вызваніяхъ начерченныхъ на стѣнахъ, въ малѣйшей чертѣ или знамѣ оставленныхъ ими въ этихъ подземельяхъ, которыя были имъ такъ дороги, проявляется характеръ ихъ вѣрованій, надеждъ и стремленій, открываются самыя современныя стороны, самыя задушевныя особенности ихъ необыкновеннаго нравственнаго состоянія.

Памятники катакомбъ можетъ быть очень мало удовлетворяютъ нашъ эстетическій вкусъ, но исторія искусства касается художественнаго достоинства произведенія лишь на столько, на сколько это можетъ опредѣлить его характеръ и объяснить условія, подѣ влияніемъ которыхъ оно создано. Одна эстетическая оцѣнка уважаетъ насъ красоту памятника, такъ какъ мы ее понимаемъ, или отсутствіе ея, но не всегда опредѣляетъ его историческое значеніе, и не всегда способна увидѣть въ немъ выраженіе склада понятій современнаго ему общества. Въ красотѣ произведенія искусства однако, точно также какъ и въ его уродливости, которую эстетическая критика осудитъ, не входя въ ея дальнѣйшій разборъ и разсмотрѣніе, проявляется часть народнаго характера. Прекрасныя греческія статуи на столько-же объясняютъ намъ жизнь и вкусы древнихъ Грековъ, на сколько безжизненныя, противоестественныя и часто безобразныя фигуры египетскаго искусства разоблачаютъ намъ нравственное положеніе общества во времена фараоновъ; самый упадокъ искусствъ является такимъ-же вѣрнымъ помощникомъ опредѣленія моральнаго состоянія народа, какъ и высшая степень процвѣтанія ихъ.

Потому-то произведенія превосходныя въ эстетическомъ отношеніи такъ же важны для исторіи искусства, какъ и тѣ, которыя не выдерживаютъ никакой художественной критики. Эстетическая оцѣнка дѣлается такимъ образомъ отраслью исторіи искусства, вовсе не ея главною цѣлью.

Вообще одно отвлеченное, безусловное опредѣленіе законовъ прекраснаго едвали можетъ привести къ какому нибудь результату. Каждый народъ создаетъ себѣ свой идеалъ прекраснаго согласно со своими мыслительными способностями, нравственнымъ состояніемъ и подѣ влияніемъ тѣхъ условій, которыя даютъ направленіе, формируютъ его жизнь, его

развитіе, и не преувеличивая можно сказать, что сколько было народовъ на землѣ, сколько образованій, столько же различныхъ понятій, или по крайней мѣрѣ оттѣнковъ въ понятіи о прекрасномъ. Конечно между этими различными идеалами прекраснаго есть степени, — одни ближе стоятъ къ нашимъ понятіямъ, другіе дальше; одни выражаютъ больше общечеловѣческихъ разумныхъ началъ, другіе меньше; прекрасное одного народа болѣе удовлетворяетъ нашимъ стремленіямъ, болѣе нравится намъ, чѣмъ прекрасное другаго народа; но какъ бы близко оно не подходило къ складу нашихъ идей, въ немъ мы все-таки не найдемъ выраженія всѣхъ оттѣнковъ, всѣхъ особенностей чувствъ и мысли, которыя мы, сообразно съ нашей натурой и нашими понятіями, ищемъ въ своемъ идеалѣ прекраснаго. Мы постоянно будемъ удивляться красотѣ произведеній классическаго искусства. Всѣ благородныя способности челоуѣка, все разумное его природы никогда не развивалось съ такой гармонической полнотой, никогда не достигало такихъ богатыхъ результатовъ и никогда не выражалось въ болѣе прекрасной формѣ, какъ въ древней Греціи. Пока на землѣ будетъ существовать хотя одинъ образованный челоуѣкъ, изученіе всего, что оставили послѣ себя Греки, что выработали они для жизни, не можетъ прекратиться. Но выражаетъ ли прекраснострогий и разумно-холодный классическій идеалъ искусства всѣ наши идеи, всѣ наши чувства и стремленія, отвѣчаетъ ли онъ вполне всѣмъ требованіямъ нашей нравственной натуры?... Я не думаю, чтобы можно было отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Новые принципы вошли въ жизнь со временъ греческихъ республикъ, горизонтъ знаній расширился, многія понятія измѣнились, новые элементы вошли въ нашъ моральный міръ, и нашъ взглядъ на прекрасное и на нравственное получилъ другое направленіе. Да и едвали мы можемъ теперь вполне понимать, классическое прекрасное, и извѣстно ли оно намъ по лучшимъ его образцамъ. Посредствомъ изученія мы поддѣлываемся подъ складъ понятій древнихъ Грековъ, приближаемся къ нему, но чувствовать и думать какъ они, намъ не возможно. Мы догадываемся, что они ощущали при видѣ изображеній своихъ боговъ и героевъ; но тысячи тонкостей, тысячи оттѣнковъ ихъ пониманія, ихъ оцѣнки ускользаютъ отъ насъ, и остаются намъ неизвѣстны. Одна часть ихъ идеаловъ для насъ умерла.

Потому-то такъ холодны, такъ безжизненны кажутся намъ произведенія искусствъ нашего времени, сюжеты которыхъ взяты изъ греческой мифологіи. Все, что художники могутъ теперь выразить, изображая гре-

ческих боговъ, будетъ столько же пусто, столько же безцвѣтно для насъ, сколько и далеко отъ понятій древнихъ Грековъ. Мы проходимъ равнодушно мимо подобныхъ картинъ и статуй и принимаемъ живѣйшій интересъ въ тѣхъ созданіяхъ современныхъ мастеровъ, которые выражаютъ мысли, стремленія и наклонности нашего общества, нашего времени.

Но если нельзя себѣ представить существованіе одного прекраснаго на всѣ вѣка, народы и образованія, и постановить ему безусловныя законы, то по различнымъ понятіямъ о прекрасномъ и по памятникамъ искусства, въ которыхъ это всего живѣе и оцутительнѣе выражено, дѣлается возможнымъ возстановить характеръ народа, опредѣлить степень его развитія, указать на его самобытныя силы и на вліяніе на него образованія другихъ народовъ.

Искусства идутъ неразрывно съ умственнымъ движеніемъ жизни общества и выражаютъ съ большею полнотою, чѣмъ другія проявленія его дѣятельности, всѣ особенности его характера и подробности его жизни. Сооруженіе монумента, постройки храма, собора, амфитеатра могутъ иногда дать болѣе опредѣленное, болѣе ясное понятіе о нравственномъ развитіи народа, о складѣ его идей, о его способностяхъ, стремленіяхъ и творческихъ силахъ, чѣмъ его войны и завоеванія. Потому-то памятники искусства, которые вообще гораздо труднѣе впоследствии измѣнить или поддѣлать съ какою бы то ни было цѣлью, чѣмъ памятники литературы, остаются самыми надежными свидѣтелями, самыми вѣрными представителями времени и общества, которое ихъ создало. Какою значительною помощью дѣлаются, напримѣръ, памятники искусства древнихъ Римлянъ для познанія и оцѣнки характера этого народа, и какъ не полно было бы наше понятіе о немъ, если бы не дошли до насъ произведенія его скульптуры, въ которыхъ чувственность и сила съ оттѣнкомъ суровости заглушаютъ иногда идеальную, преисполненную разумности и благородства красоту искусства Грековъ, перенятую у нихъ вмѣстѣ съ ихъ культурой; если бы не сохранились развалины величественныхъ римскихъ построекъ, гдѣ самые камни, плотно сплоченные, которыхъ не могли оторвать другъ отъ друга столѣтія, гдѣ каждый пиластръ, упорно стоящій, презирая невзгоды времени, гдѣ каждый смѣлый взмахъ ари или свода дышать тою грандіозностью, тою любовью къ порядку, тѣмъ здоровымъ практическимъ смысломъ и упорнымъ терпѣніемъ въ достиженіи цѣли, которые лежали въ основаніи гражданскаго строя

этихъ великихъ завоевателей, превратившихъ весь извѣстный тогда свѣтъ въ римскую провинцію. И развѣ мы не видѣли, какъ въ послѣднее время эпохи доисторическа дѣлались историческими, какъ цѣлыя народы съ ихъ иногда богатымъ и разностороннимъ образованіемъ, давно погибшіе, какъ казалось безъ слѣда, отъ которыхъ до насъ не дошло ни одного живаго слова, снова воскресли, снова явились на свѣтъ со своими религиозными идеями, со своими нравами и социальными началами, со всѣми подробностями ихъ жизни, послѣ открытія памятниковъ ихъ искусства, или только обломковъ и остатковъ этихъ памятниковъ.

Исторія искусства, важность которой въ этомъ отношеніи была опѣнена только въ послѣднее время, имѣетъ слѣдовательно главной цѣлью разъясненіе, обогащеніе и, при скудости или отсутствіи другихъ источниковъ, созданіе исторіи нравственнаго и умственнаго развитія извѣстнаго народа, общества, среды по памятникамъ ихъ искусства; она разсматриваетъ потому произведенія скульптуры, живописи, архитектуры не со стороны ихъ художественнаго достоинства, а по значительности характера эпохи, выраженнаго въ нихъ, и по болѣе или менѣе полному его представленію. Такъ напримѣръ, образъ Богородицы IV-го столѣтія (фреска въ катакомбахъ св. Агнии въ Римѣ), въ которомъ замѣтно начинаетъ выражаться складъ религиозныхъ понятій восточныхъ народовъ и элементы ихъ искусства, который потому изображаетъ первое появленіе вліянія идей Востока въ Римѣ христіанскомъ, первый шагъ преобразованія классическаго христіанстаго искусства въ стиль византійскій, для исторіи искусства имѣетъ столько же значенія, сколько и любая изъ Мадоннъ Рафаэля, не смотря на то, что въ художественномъ достоинствѣ ихъ, какъ легко себѣ можно представить, неизмѣримая разница. Равномѣрно многія фрески и скульптурныя работы, оставленныя христіанами въ катакомбахъ, не выдерживаютъ художественной критики; онѣ исполнены по большей части неискусною рукою посредственнаго мастера; но не смотря на это, для насъ онѣ столько же важны, сколько и современныя имъ произведенія римскаго языческаго искусства, которыя создавались не въ нѣдрахъ земли, а при свѣтѣ солнца, хотя послѣднія обыкновенно представляютъ красивыя формы и отличаются своею оконченностью, тогда какъ о первыхъ нельзя сказать того же самаго.

Но въ художественной нищетѣ первыхъ христіанъ, въ ихъ робкихъ и неискусныхъ попыткахъ выразить новое чувство, новое вѣрованіе старыми формами видны слѣды тайной работы перерожденія общества,

видишь всё особенности нравственного состоянія этой необыкновенной эпохи, которая по своему значенію, по своимъ послѣдствіямъ едва ли имѣетъ себѣ подобную въ извѣстной намъ истор. и рода человѣческаго.

Но не взирая на свои несовершенства, работы художниковъ катакомбъ обладаютъ своего рода красотой и подобно тому, какъ произведенія первыхъ итальянскихъ мастеровъ періода возрожденія, не смотря на ихъ техническія погрѣшности, на неправильность рисунка, на отсутствіе перспективы, нравятся намъ своею искренностію, своею безыскусственною наивною и болѣе трогаютъ насъ, чѣмъ блѣднатыя по колориту, но побѣжденнымъ трудностямъ рисунка и освѣщенія, но холодныя, напыщенныя и пустыя по содержанію картины мастеровъ эпохи упадка искусства въ Италиі. Точно также памятники первыхъ временъ христіанскаго искусства иногда неудовлетворительныя по формѣ, но вдохновенныя и глубоко прочувствованныя имѣютъ для насъ невыразимую прелесть.

Мы постоянно будемъ встрѣчать элементы римскаго языческаго искусства въ памятникахъ катакомбъ, и періодъ классическій продолжается въ христіанскомъ искусствѣ до Константина. Въ эти три столѣтія въ немъ проявляется постепенный упадокъ. Исполненіе дѣлается менѣе тщательно, менѣе правильно, фигуры теряютъ выраженіе, жизнь и принимаютъ условное положеніе. Но въ четвертомъ столѣтіи христіанское искусство въ Римѣ и уже въ катакомбахъ начинаетъ измѣняться подъ вліяніемъ элементовъ до тѣхъ поръ совершенно чуждыхъ ему. Съ небрежностію въ исполненіи, съ постепенно возрастающею безжизненностію фигуръ и неумѣніемъ представлять ихъ, соединяется и измѣненіе въ самой натурѣ религиозныхъ изображеній, въ пониманіи ихъ характера, измѣненіе въ идеяхъ и чувствахъ, которыя имъ придаютъ, и которыя стараются выразить, представляя ихъ. Не трудно замѣтить, что эта перемѣна происходитъ подъ вліяніемъ религиозныхъ идей и понятій о Божествѣ восточныхъ народовъ, равно какъ и элементовъ ихъ искусства. Тутъ необходимо сдѣлать слѣдующее поясненіе.

Боренное различіе въ пониманіи божества, и слѣдовательно въ образѣ представленія его фигуративно, постоянно существовало до христіанства между Востокомъ и Греціей или, лучше сказать, между греко-римскимъ міромъ съ одной стороны и симетическими народами съ другой; развитіе послѣднихъ основывалось на совершенно другихъ началахъ и шло изъ иныхъ источниковъ. Боги эллинической мифологіи замѣствуютъ многое изъ природы человѣка, стоятъ ближе къ смертнымъ, болѣе способны по-

нимать их и быть постигнуты ими, въ идеѣ о нихъ входитъ больше философскихъ началъ; вообще они не такъ страшны для людей и не такъ произвольны съ ними, какъ божества Востока симетическаго и Египта. Различіе это могутъ объяснить слѣдующія причины.

Одно изъ главныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ составлялись и въ послѣдствіи преобразовывались вѣрованія древняго міра, это—дѣйствіе климата, видъ и феномены окружающей природы, въ которыхъ богъ первобытнаго человѣка проявляется ему; и если филологія доказываетъ намъ, что божества многихъ мѣологіѣй не что иное, какъ олицетвореніе явленій природы, то самое свойство послѣднихъ благопріятныхъ или враждебныхъ человѣку, большая или меньшая сила, съ которой они поражаютъ его разумомъ и дѣйствуютъ на его чувство, опредѣляютъ характеръ самаго божества и обуславливаютъ понятіе составляющееся о немъ. Все необъяснимое для человѣка, котораго умъ невооруженъ знаніями и наукой, имѣетъ чудесный характеръ, такъ напримѣръ смѣняющіяся времена года, появленіе свѣта (восходъ солнца) и наступленіе тмы (ночи), жаръ и холодъ облечены въ божественные образы, враждующіе между собою почти во всѣхъ религіяхъ античнаго міра. Физическія явленія лежатъ потому въ основаніи мѣологическихъ идеѣй, а послѣднія составляютъ согласно впечатлѣнію производимому на человѣка феноменами природы. Слѣды этого вліянія не трудно найти во всѣхъ религіяхъ древнихъ народовъ, и оно не теряетъ своей силы при ихъ дальнѣйшемъ развитіи. Языческіе боги мѣняли въ главныхъ чертахъ свой характеръ и свои атрибуты, при дѣйствіи новыхъ климатическихъ условій, въ слѣдствіе переселеній тѣхъ людей, которые имъ поклонялись.

Умственные способности каждаго племени и ихъ особенное направленіе являлись также главными дѣятелями въ составленіи вѣрованій и опредѣляли характеръ переменъ, совершавшихся въ послѣднихъ съ теченіемъ времени при движеніи жизни, образованія и при дѣйствіи постороннихъ вліаній. Одинъ и тотъ же феноменъ природы, одно и то-же явленіе изъ моральнаго или матеріальнаго міра, поражая людей разныхъ племенъ, различнаго склада ума и свойствъ языка, одаренныхъ не въ одной степени способностію къ умственному соображенію, къ философскому размысленію, вызывали разумѣется разные результаты. Безъ сомнѣнія много другихъ причинъ участвовало въ форманціи античныхъ поклоненій, но нельзя не согласиться, что сумма впечатлѣній окружающей природы, внѣшняго міра, и складъ мыслящихъ способностей человѣка, его спекулатив-

ныя силы главныхъ образомъ опредѣляютъ характеръ его религиозныхъ идей, которыя постоянно имѣютъ такое значительное вліяніе на направленіе моральнаго развитія, на гражданскій строй и на социальную жизнь общества.

Природа сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря, преимущественно Греціи и южной Италіи, т. е. тѣхъ странъ, гдѣ при исключительно благоприятныхъ климатическихъ условіяхъ и столько-же необыкновенной даровитости племени, населявшаго ихъ, развилась и процвѣтала классическая культура, прекрасная природа эта, богатая изящными формами, разнообразіемъ и нѣжными оттѣнками колоритовъ, проявленія которой почти постоянно умѣренны и преисполнены гармоніи, рѣдко страшатъ и пугаютъ человѣка, должна была возбуждать въ немъ свѣтлое понятіе о божествѣ, благосклонно расположенномъ къ смертнымъ, заставляла его весело смотрѣть на небо, освобождало его мысль, вызывала его энергію и самостоятельность, создавала въ воображеніи людей бога красивыхъ формъ, близкаго къ нимъ, щедрого расточителя земныхъ благъ побуждала ихъ видѣть въ каждомъ своемъ проявленіи, въ своихъ пластическихъ формахъ такъ легко поддающихся, вызывающихъ на олицетвореніе, божественные образы. Этими свойствами, этими атрибутами обладаютъ боги классической мѣологіи съ человѣческими прекрасными формами, сущность которыхъ постигается разумомъ людей, раздѣляющіе страсти и слабости смертныхъ, иногда грозные въ слѣдствіе дерзости и безрасудства послѣднихъ, но не постоянно ужасающіе, не постоянно притѣвляющіе ихъ къ землѣ. Если мы и встрѣчаемъ у древнихъ Грековъ мѣны удаляющіеся отъ этого характера, — то это раннее вліяніе симетическаго Востока и Египта, или можетъ быть наслѣдство прежнихъ поклоненій, составившихся въ Греціи во времена переселеній, послѣ оставленія центральной Азіи, общей колыбели всѣхъ арійскихъ народовъ, скоро сглаживается, пропадаетъ и такъ сказать остается побѣжденнымъ болѣе гуманными принципами, болѣе человѣческими образами мѣологіи, развилшейся на эллинической почвѣ.

Напротивъ природа Востока симетическаго, Египта, Индіи, представляла человѣку однообразныя, безжизненныя пустыни, или высокія горы, широкія рѣки, поражая его рассудокъ своими громадными размѣрами или своимъ монотоннымъ видомъ, всепоглощающею растительностію или загадочнымъ періодическимъ возвращеніемъ явленій, ужасая его силою своихъ феноменовъ, часто принимающихъ характеръ катаклизмовъ, без-

престанно повторяющимися наводнениями, засухами, ураганами или страшнымъ зноемъ, должна была пригибать смертнаго къ землѣ, убивать его силы, заставлять его смотрѣть на жизнь какъ на испытаніе и считать счастьемъ освобожденіе отъ нея, жаждать уничтоженія; или представляла ему божество какъ власть неумолимую, произвольную по преимуществу, часто губительную для людей, какъ существо строгое, грозное, загадочное, таинственное, не имѣющее ничего общаго съ человѣкомъ, не допускающее соперничества, требующее великихъ жертвований со стороны людей, раздѣленное отъ нихъ непроницаемою далью, какъ силу невидимую, всеобъемлющую, всепоглощающую, абстрактную, образъ которой нельзя ни вообразить себѣ, ни представить, въ сущности которой пропадаетъ, уничтожается человѣкъ. Съ такимъ характеромъ является божество въ воображеніи Египтянъ, Смитовъ, которые отличаются отъ племенъ арійскихъ инымъ складомъ ума, иными свойствами языка, инымъ направленіемъ нравственнаго развитія и иными основаніями гражданскаго устройства. Подобной-же натурой обладали иногда боги древнихъ Индѣйцевъ, особенно что касается религіи Брамъ въ дальнѣйшемъ ея развитіи, чему не мало способствовали климатическія вліянія необыкновенной силы.

Спекулятивныя способности двухъ древнихъ народовъ, Индѣйцевъ и Персовъ, очень близкихъ между собою по происхожденію и характеру, были постоянно направлены на составленіе метафизическихъ религіозныхъ системъ, которыя иногда, особенно въ минуту первоначальнаго ихъ развитія, приводили къ очень возвышенному и идеальному понятію о божествѣ, приближаясь къ свѣтымъ религіознымъ идеямъ праотцевъ всѣхъ Индо-Европейскихъ племенъ, когда они жили нераздѣльно въ центральной Азіи. Религіи Зороастра и Буды во многихъ отношеніяхъ стоятъ выше греко-римскаго политеизма; но отличительной чертой культуры древнихъ Грековъ было проявленіе въ каждомъ движеніи нравственной жизни, въ каждомъ дѣйствіи этого народа философскихъ идей вытекавшихъ не изъ религіозныхъ понятій, а изъ свободныхъ выводовъ челоѳическаго разума, основанныхъ на наблюденіи и анализѣ. Можно сказать, что мораль эллиническаго міра была менѣе результатомъ религіозныхъ стремленій, чѣмъ философскихъ идей. Боги греческаго политеизма являлись иногда передъ судомъ смертныхъ, но если божество у древнихъ Грековъ не стояло на той высотѣ, какъ въ нѣкоторыхъ религіяхъ Персовъ и Индѣйцевъ, то челоѳикъ стоялъ выше.

Точно такое-же различіе, какъ и въ религіозныхъ идеяхъ, постоянно существовало въ мірѣ античномъ, въ слѣдствіе тѣхъ-же причинъ, въ общемъ пониманіи прекраснаго и высокаго, между тѣми народами, тѣми центрами образованія, которые мы обозначили выше. На Востокахъ синетическомъ, въ Индіи, Египтѣ, въ области искусства никогда не могли представить красоту безъ преобладающаго чувственнаго, слабаго, изнѣженнаго характера; сильное и энергическое, но прибѣгая къ неестественному, тяжелому, массивному; величественное, но создавая неподвижное, громадное, напыщенное; граціозное, не впадая въ манерное, переукрашенное. Характеръ божества при его изображеніи въ искусствѣ народовъ этихъ странъ не передавался моральнымъ образомъ, проявленіемъ его мудрости и силы въ разумномъ выраженіи красиваго лица и въ прекрасныхъ формахъ человѣческаго тѣла во всей благородной простотѣ ихъ, какъ въ классическомъ искусствѣ, а выражался болѣе матеріальнымъ способомъ, прибѣгая къ ненатуральнымъ, ужащающимъ фигурамъ, къ колоссальнымъ размѣрамъ, умножая человѣческіе члены, какъ напримѣръ руки для представленія силы, глаза для выраженія всевидѣнія, или соединяя еще болѣе противуестественнымъ образомъ людскіе и звѣринные члены для изображенія свѣшечеловѣческой хитрости, прозорливости, могущества и т. д.

Произведеніе искусства въ хорошее его время въ Греціи выражало гармоніей размѣровъ и изящными формами оживлявшую его идею; напротивъ внѣ классическаго міра у древнихъ народовъ богатство украшеній и самаго вещества, роскошная внѣшность придавали моральное значеніе художественному созданію, а артистическое достоинство его опредѣлялось дороговизной матеріала, техническою трудностію обработыванія его, препятствіями побужденными при этомъ, или рабскимъ подражаніемъ природѣ, повтореніемъ каждой ея мелочи, всего, что она представляетъ второстепеннаго и незначительнаго; тогда какъ тѣло человѣческое часто уродовали, давая ему положенія, при которыхъ жизнь невозможна.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ первую минуту своего проявленія искусство въ Греціи имѣло нѣсколько восточный характеръ, но при самостоятельномъ развитіи оно скоро отъ него удалилось. Неподвижныя фигуры, условныя позы, стереотипическія лица оживляются и вдохновляются подъ рукою греческихъ мастеровъ. Будучи отброшены въ хорошее время классическаго искусства, элементы искусства синетическихъ народовъ стояли, такъ сказать, у дверей странъ эллинической культуры и выража-

лись въ послѣднихъ при пониженіи артистическаго вкуса, обозначая этотъ упадокъ своимъ появленіемъ. Если мы разберемъ свойства, особенности, лишившія искусство Греціи чистоты и благородства и опредѣлившія его упадокъ, то не трудно будетъ увидѣть въ той извѣженности, чувственности, въ томъ стремленіи производить громадныя образы, предпочитая массы красотѣ формъ и гармоніи линий, той наклонности къ пестротѣ, къ богатымъ украшеніямъ и матеріалу, которыя начинаютъ обозначаться въ эллиническомъ искусствѣ со временъ Александра Великаго, — элементы постоянно преобладавшіе въ искусствѣ народовъ Востока симетическаго и Египта.

Мы находимъ колоссальныя фигуры, употребленіе красокъ, разноцвѣтнаго дорогаго матеріала въ скульптурѣ почти постоянно во всѣ періоды греческаго искусства, однако меньше въ цвѣтущую его эпоху. Но есть различіе между той легкой раскраской барельефовъ и статуй, къ которой иногда прибѣгали художники Греціи, есть также различіе между изображеніемъ боговъ больше натуральной величины человѣка, изъ золота и слоновой кости, обыкновеніе по всей вѣроятности перенятое Греками въ очень раннюю пору у народовъ Востока, и тою склонностію къ колоссальнымъ фигурамъ безъ соотвѣствующаго выраженія моральной силы, къ украшеніямъ пересыщеннымъ, къ дорогимъ прикрасамъ, къ пестротѣ и къ богатому матеріалу, которая проявляется въ классическомъ искусствѣ при его упадкѣ. Однажды принятое обыкновеніе представлять высшія существа въ сверхъ-естественныхъ размѣрахъ изъ золота и слоновой кости продолжалось по традиціи; его нельзя было измѣнить изъ уваженія къ богамъ, — только въ этомъ случаѣ и то не постоянно употребляли эти драгоценныя матеріалы; людей изображали изъ мрамора и бронзы. Первый человѣкъ, котораго въ эллиническомъ искусствѣ начали изображать изъ золота и слоновой кости, придавая ему видъ и атрибуты божества, былъ Александръ Великій; и это обоготвореніе человѣка имѣеть вполне восточный характеръ, не согласный съ идеями классическаго міра, въ которомъ скорѣе очеловѣчивали бога.

Все это можно сказать не только про одно искусство. Элементы симетической цивилизаціи, идей, обычаевъ проявляются въ древнемъ мірѣ въ культурѣ и жизни арійскихъ народовъ, которые входили въ сношенія съ Симидами, преимущественно въ минуту ранней юности или старчества первыхъ, и почти всегда дѣйствовали не въ пользу нравственности и свободы арійскаго общества. Это уже произошло съ древними

Персами, когда они въ слѣдствіе завоеваній облизались съ симетическими племенами, наслѣдовавъ имъ во владычествѣ надъ западною Азіей. Подъ этимъ вліяніемъ національное вѣрованіе Персовъ утрачиваетъ свой возвышенный характеръ, (что дѣлается особенно замѣтно въ эпоху Сассанидовъ), нравы—свою первобытную чистоту, власть одного замѣняетъ личную самостоятельность каждаго, полигамія—моногамію и т. д. Неоспоримо также, что встрѣчаются въ очень раннія времена слѣды вліяній вышедшихъ изъ симетическихъ центровъ въ мисологію и гражданскія учрежденія древнихъ Грековъ, народа болѣе юнаго, чѣмъ симетическія племена. Но эти чуждыя начала были отброшены, удалены на второй планъ, или преобразовались при первыхъ шагахъ самостоятельнаго развитія элленической жизни и культуры, представлявшей какъ нельзя болѣе совершенный и возвышенный типъ арійской цивилизаціи во всей ея чистотѣ безъ примѣся чуждыхъ элементовъ, типъ, который съ тѣхъ поръ едва ли еще разъ повторился.

Снова элементы Востока проявляются въ Греціи при первыхъ признакахъ разложенія общества и уже дѣйствуютъ неблагоприятно на послѣднее. Извѣстно, до какой степени въ вѣка, предшествовавшіе паденію элленическаго міра, чуждыя ему обычаи, понятія и религіозныя идеи наводнили его, измѣнивъ даже характеръ греческихъ боговъ, придавъ имъ свойства и качества, которыхъ они не имѣли прежде, что заставляетъ иногда при поверхностномъ знаніи классической мисологіи судить о нихъ чрезвычайно ошибочно. Завоеванія Александра Македонскаго и особенно его политика, главная цѣль которой было сближеніе, или лучше сказать сплавленіе уже сильно осимитизированныхъ Персовъ съ Греціей, имѣли результатомъ не столько элленизацію Востока, сколько наводненіе Греціи восточными нравами и понятіями.

Строгий и правильный гражданскій строй Рима республиканскаго, въ тѣсной связи съ которымъ находились его религіозныя учрежденія, его официальное поклоненіе, удерживавъ нѣкоторое время наплывъ восточныхъ идей и суевѣрій, но послѣднія не замедлили одолѣть эти препятствія. Сближеніе съ Востокомъ въ слѣдствіе его покоренія оказалось пагубнымъ и для общества античнаго Рима; его соціальное устройство, его вѣрованіе, его искусство окончили свое существованіе, наводненныя элементами Востока. Пересаженное на римскую почву элленическое искусство получило нѣсколько матеріальный оттѣнокъ и приняло не столь возвышенный характеръ; въ послѣдніе дни своей жизни оно далеко удали-

лось отъ тѣхъ идеаловъ, которое стремилось осуществить въ свою цѣ-
тущую эпоху.

Приблизительно то же самое, разумѣется съ извѣстными ограниченіями, произошло въ области христіанскаго искусства; но если въ религіоз-
ныхъ идеяхъ западныхъ и восточныхъ христіанъ опредѣлились и вы-
разились въ искусствѣ тѣ различныя понятія о характерѣ божества,
составившіяся прежде среди народовъ арійскихъ и симетическихъ, то
безъ сомнѣнія обозначилось въ новой вѣрѣ только то, что непротиворѣ-
чить ея принципамъ, что совмѣстно съ христіанскимъ ученіемъ, которое
вообще столь отлично отъ прежнихъ религій. Я еще разъ повторяю, что
если въ произведеніяхъ художниковъ катакомбъ, равно какъ и въ
искусствѣ восточныхъ христіанъ, просвѣчиваютъ идеи и элементы,
преобладавшія до тѣхъ поръ въ мірѣ классическомъ и симетиче-
скомъ, то это дѣлается въ христіанскихъ предѣлахъ, нисколько не
уменьшая религіознаго значенія тѣхъ или другихъ изображеній. Нельзя
сказать, что первыя имѣютъ болѣе христіанскій характеръ, чѣмъ вторыя,
и наоборотъ, но въ каждомъ изъ нихъ выражены и развиты тѣ дог-
маты и идеи вѣры Спасителя, которыя были болѣе понятны, встрѣчали
болѣе сочувствія въ томъ обществѣ, и соответствовали больше натурѣ то-
го народа, среди котораго она распространялась.

Въ катакомбахъ мы постоянно встрѣчаемъ элементы римскаго языче-
скаго искусства; иначе и быть не можетъ,—первыя христіане въ Римѣ по
своимъ художественнымъ инстинктамъ, по своей природѣ, по складу своихъ
понятій, по своему моральному развитію принадлежали къ міру классическо-
му; притомъ религія не могутъ рождаться съ готовой формой выраженія сво-
ихъ идей; изображенія ихъ принимаютъ формы уже существовавшія прежде,
а послѣднія мѣняютъ въ извѣстной степени нѣкоторыя стороны своего ха-
рактера подъ вліяніемъ новыхъ принциповъ явившейся религіи. Когда хри-
стіане Рима, повинувшись влеченію врожденному вообще жителямъ южныхъ
странъ Европы къ фигуративнымъ изображеніямъ, которое не пропадаетъ у
нихъ съ переменю вѣрованія, хотѣли украшать свои гробницы предст-
авленіемъ христіанскихъ символовъ и священныхъ событій, гдѣ могли они
занимствовать формы для этого, какъ не въ сродномъ имъ классическомъ
художествѣ? Не удивительно потому, что въ живописи и скульптурѣ ката-
комбъ преобладаетъ та-же любовь къ природѣ, къ жизни, та-же наклон-
ность къ украшеніямъ живаго, веселаго, игриваго характера, занимающе-

ваннѣмъ изъ цвѣтущей южной природы, то-же понятіе объ изящномъ и прекрасномъ, какъ и въ классическомъ искусствѣ. Справедливо, что многія изъ тѣхъ понятій и чувствъ, которыя представляли или желали представить первые христіане въ своихъ фрескахъ и барельефахъ, были совершенно новы. Ученіе Спасителя внесло въ языческой міръ принципы и идеи до тѣхъ поръ чуждые ему, они выражаются и преобладаютъ въ христіанскомъ искусствѣ, одушевляя его особеннымъ образомъ, придавая ему особенный характеръ. Можно сказать, что въ классическихъ формахъ у христіанъ этого времени свѣтятся иногда чувства незнакомыя обществу Рима античнаго. Эти группы мужчинъ и женщинъ написанные на стѣнахъ катакомбъ, съ поднятыми руками, въ положеніи молящихся, проникнутые необыкновенной вѣрой и преисполненные таинственного ожиданія, эти трогательные милосердые пастыри, пастухи, несущіе агненка на плечахъ, (первоначальное изображеніе Спасителя), эти изображенія Богородицы, любящія матери съ ребенкомъ у груди или на рукахъ, эти вдохновленные пророки возвѣщающіе волю Бога и исполняющіе его повелѣнія, всѣ эти изображенія, хотя и сродныя міру классическому, одушевлены незнакомыми до того времени теплыми и нѣжными чувствами новаго вѣрованія. Христіанскія идеи не утѣщаются въ прекрасной, но холодной классической оболочкѣ и, если можно такъ выразиться, разрываютъ ее.

При всемъ этомъ однако нельзя незамѣтить, что въ христіанскомъ идеалѣ римскіе христіане увидѣли и развили преимущественно тѣ стороны, которыя были болѣе согласны съ стремленіями ихъ души, болѣе въ гармоніи съ ихъ нравственной натурой. Это проявляется не только въ одномъ перенесеніи формъ стараго искусства въ новое, но и въ задушевномъ характерѣ религиозныхъ изображеній, въ выборѣ сюжетовъ ихъ и въ манерѣ представлять божественныя лица.

Спаситель изображенъ въ катакомбахъ то молодымъ пастыремъ, добрымъ и милостивымъ, въ пастушеской одеждѣ, во всей классической простотѣ, среди прекрасной природы, цвѣтущихъ деревьевъ, зеленыхъ луговъ, свѣтлыхъ источниковъ, несущій на плечахъ заблудшую овцу; то Орфеемъ играющимъ на лирѣ и окруженнымъ звѣрьми, которыхъ онъ привлекаетъ къ себѣ, укрощая ихъ свирѣпость своимъ гармоническимъ пѣніемъ; то красивымъ юношею, задрапированнымъ въ тогу, съ сверткомъ пергамента въ рукѣ, какъ законодатель; это образъ идеальный,

не близкій къ человѣку, взятый изъ окружающей природы, болѣе созданіе заимствованное изъ жизни, чѣмъ идея абстрактная и явленіе удаленное, небесное.

Богородица представлена въ катакомбахъ римскою матроною, любящею матерью, съ ребенкомъ у груди или на рукахъ; другія религиозныя изображенія подземнаго христіанскаго Рима имѣютъ тотъ-же характеръ.

Каково было искусство христіанъ при его появленіи на Востокѣ эллиническомъ, равно какъ и на Востокѣ сиетическомъ, сказать положительно пока трудно. *) Произведенія христіанскаго художества этихъ странъ, дошедшія до насъ и время созданія которыхъ можно опредѣлить, принадлежатъ не къ первымъ вѣкамъ распространенія новой вѣры, а къ четвертому, пятому, шестому и послѣдующимъ столѣтіямъ. Но въ Греціи, въ Малой Азій, въ Сиріи, въ Египтѣ до Константина у христіанъ безъ сомнѣнія было фигуративное искусство. Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго: многіе писатели церкви говорятъ о символическихъ изображеніяхъ, употребляемыхъ восточными христіанами еще до торжества церкви; притомъ по памятникамъ христіанскаго искусства Востока болѣе позднихъ вѣвовъ можно заключить, что оно уже сформировалось прежде, имѣло предшествующее развитіе и потому должно было существовать раньше. **)

*) Созданія христіанскаго искусства первыхъ трехъ вѣвовъ, открытыя до сихъ поръ, находятся, особенно что касается живописи, почти исключительно въ римскихъ катакомбахъ. Надписи, саркофаги и другіе христіанскіе памятники втораго вѣка, третьяго, но больше четвертаго и послѣдующихъ, сохранились также въ остальной Италіи, въ южной Франціи, въ Испаніи, въ Малой Азій и въ сѣверной Аеріи. Въ послѣдней изъ этихъ странъ открыты развалины церквей, построенныя еще предпологають—до Диоклеціана.

**) Слѣдуетъ однако не упускать изъ вида, что искусство первыхъ Христіанъ, можно принять нѣкоторое развитіе только тамъ, гдѣ были катакомбы; въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ грунтъ земли не позволялъ выкапывать ихъ, гдѣ потому религиозныя изображенія не были скрыты отъ глазъ язычниковъ, тамъ христіане должны были ограничиваться символическими знаками, болѣе или менѣе тайнаго значенія. Катакомбы Востока, наиримѣръ Астіохіи, вѣроятно были украшены живописью. Изображеніе добраго пастыря совершенно подобное тѣмъ, которое видишь въ Римѣ, нашли въ Киренадѣ въ погребальныхъ пещерахъ. Около города Александріи въ Египтѣ открыты христіанскія катакомбы и въ нихъ ересня, по мнѣнію G. B. de Rossi, начала четвертаго столѣтія, и можетъ быть даже раньше, но частями реставрированными въ мѣстохъ. На Кавказѣ и въ Крыму также открыты большое количество христіанскихъ пещеръ и подземныхъ комнатъ, иногда расписанныхъ стѣнною живописью, изукрашенныхъ гробницами и надписями, и хотя нѣтъ достаточно основаній отнести

Въ Греціи и въ тѣхъ странахъ Востока, гдѣ въ большей или въ меньшей чистотѣ своей отразилось классическое искусство, религиозныя изображенія Христіанъ вѣроятно немногими отличались отъ тѣхъ, которыя мы видимъ въ катакомбахъ Рима. Если въ Италіи, странѣ классическаго искусства, христіанское художество приняло его направленіе, то въ Греціи, гдѣ первое проявилось и разцвѣло, второе при своемъ появленіи должно было получить тотъ-же классическій характеръ.

Но также не безъ основанія можно предположить, что христіанское искусство среди народовъ Востока симетическаго уже заключало въ себѣ тѣ начала, тѣ элементы, которые вошли въ составъ, изъ которыхъ впоследствии образовался особенный стиль искусства; сохранившійся до нашихъ дней во многихъ странахъ и преобладавшій нѣскольکو столѣтій во всемъ христіанскомъ мірѣ; я говорю о стилѣ византійскомъ, который сформировался въ слѣдствіе новаго сближенія греко-римскаго міра съ Востокомъ симетическимъ, на ихъ границѣ. Памятники его начинаютъ появляться вскорѣ послѣ перенесенія столицы Имперіи Константинумъ въ Византію; въ нихъ соединились и дошли до полнаго своего выраженія формы, внѣшность классическаго искусства вмѣстѣ съ восточными идеями о Божествѣ. Христіане Востока подобно западнымъ замѣтили тѣ стороны идеала христіанскаго, которыя были болѣе въ характерѣ ихъ моральной натуры и религиозныхъ мечтаній и изобразили эти особенности въ искусствѣ по своему понятію о прекрасномъ. Подъ этимъ вліаніемъ создались колоссальные и грандіозные образы Христа, Богородицы и Святыхъ представленныя мозаикой въ абсидахъ, въ куполахъ и на стѣ-

происхожденіе самыхъ древнихъ между ними ко временамъ гоненій, однако нѣкоторыя изъ нихъ должны принадлежать къ первымъ столѣтіямъ торжества церкви. Въ Константинополѣ нашли въ 1870-мъ году небольшую статую (52 сантиметромъ вышины) изъ бѣлаго мрамора, изображающую добраго пастыря, по житію G. V. de Rossi 3-го столѣтія. Она находится теперь въ древней церкви Св. Ирины, гдѣ собранъ небольшой музей древностей. Все это можетъ служить доказательствомъ, что на Востокѣ у христіанъ было свое искусство въ первые вѣла распространенія новой вѣры. Не нужно прибавить, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ жители не имѣли наклонностей, не чувствовали влеченія къ скульптурному искусству, гдѣ оно было запрещено законами прежнихъ религій, какъ напримѣръ, въ Иудей, христіанское художество не могло принять такое развитіе, какъ въ Италіи. Если до окончанія изданія остальныхъ частей этого труда будутъ открыты другіе памятники христіанскаго искусства первыхъ вѣковъ на Востокѣ, то описаніе ихъ войдетъ въ послѣдній отдѣлъ всего сочиненія, гдѣ мы снова возвратимся къ этому предмету, и будемъ говорить о немъ съ болѣею подробностію.

нах византійскихъ церквей и базиликъ, преисполненные высокой торжественности, царскаго величія, на золотомъ фонѣ, или окруженные золотыми нитями, сіяющіе украшеніями, въ классической драпировкѣ, въ драгоценныхъ одеждахъ, внушающіе невольный страхъ и уваженіе, фигуры выразительныя, изображающія божество могущественное, удаленное отъ человѣка, недоступное ему, на которыя трудно смотрѣть равнодушно и въ которыхъ нельзя также не видѣть выраженіе идей о Божествѣ согласно понятіямъ народовъ Востока.

Въ тѣ продолжительные вѣка, когда весь христіанскій міръ былъ погруженъ въ варварство, въ одной Византіи продолжалась художественная дѣятельность; въ ея искусствѣ сохранились христіанскіе типы и сбереглись традиціи техническаго исполненія. Величественные и колоссальные образы византійскаго стиля, производя глубокое впечатлѣніе на первобытные народы, входившіе въ сношенія съ образованнымъ тогда міромъ, и поражая ихъ воображеніе, не разъ способствовали ихъ обращенію въ христіанство, и слѣдовательно цивилизаціи. Византійское искусство въ продолжительное свое существованіе, никогда не мѣняя своего внутреннего, душевнаго характера, имѣло различныя фазы цвѣтущаго состоянія и упадка. Судить о немъ невозможно только по произведеніямъ одной эпохи или страны, какъ напримѣръ по памятникамъ отдаленныхъ отъ Константинополя провинцій имперіи, или по тому, что сохранилось въ Италіи отъ періода преобладанія византійскаго стиля. Точно также мнѣніе о послѣднемъ, основанное единственно на мозаикахъ и фрескахъ, оставляя въ сторонѣ мелкія произведенія какъ напримѣръ, миниатюры рукописей, эмали, работы изъ слоновой кости, изъ металловъ, шитьё церковныхъ одѣяній и т. д., должно привести къ ошибочнымъ выводамъ. Религіозныя изображенія византійскаго искусства значительныхъ размѣровъ достигаютъ иногда необыкновеннаго величія и грандіозности, а въ фигурахъ встрѣчающихся на небольшихъ барельефахъ изъ слоновой кости и металловъ, на эмаляхъ и преимущественно въ книжной живописи проявляются иногда та благородная простота формъ, тѣ преисполненные достоинства и спокойствія позы, та чистота и гармонія линий, особенно что касается драпировки одѣждъ, которыя напоминаютъ произведенія классическаго искусства Греціи въ его цвѣтущее время, и какъ бы указываютъ на рядъ непрерывныхъ традицій, идущихъ отъ эллинскаго художества къ византійскому.

Понятіе о Божествѣ и элементы искусства народовъ Востока обозначаются въ христіанскихъ памятникахъ Рима, какъ мы уже сказали, еще въ катакомбахъ. Первые слѣды ихъ проявленія уже замѣтны въ 4-мъ столѣтіи и можно предположить, что они одновременны съ образованіемъ византійскаго стиля. Подъ вліяніемъ ихъ, религіозныя изображенія римскихъ христіанъ постепенно преобразовываются, мѣняя типъ и характеръ. Богородица представляется величественной Царицей небесной, часто съ короной на головѣ, въ восточномъ одѣяніи, въ великолѣпныхъ тканяхъ, покрытая драгоцѣнными украшеніями, въ условныхъ позахъ; между младенцемъ, который также принимаетъ какъ бы оффиціальныи видъ, и ею мало общаго, ея материнскія чувства уступаютъ мѣсто ея представительному царственному характеру.

Спаситель изъ добраго пастыря также мало по малу превращается въ небеснаго владыку, царящаго въ облакахъ, въ славѣ, пренесполненнаго торжества и достоинства, характера болѣе побѣдоноснаго и величественнаго, чѣмъ умильтельнаго; сидящаго на богатомъ тронѣ, подобно восточному властелину, и окруженнаго ангелами какъ стражей готовою исполнять его повелѣнія. Природа, все, что приближаетъ къ жизни и къ земному существованію, пропадаетъ въ этихъ небесныхъ, внушающихъ страхъ и благоговѣніе образахъ.

Вліяніе элементовъ Востока на искусство римскихъ христіанъ идетъ постоянно возрастая и наконецъ, когда въ Италіи гаснутъ традиціи прежняго развитія и замираетъ самостоятельная жизнь, совершенно превращаетъ классическій стиль искусства катакомбъ въ стиль византійскій. Преобладаніе послѣдняго въ Римѣ, въ Италіи, во всемъ Западѣ продолжается съ рѣдкими исключеніями до возрожденія искусствъ. По памятникамъ катакомбъ, которые стали извѣстны публикѣ только въ послѣднее время, и по мозаикомъ римскихъ церквей можно прослѣдить шагъ за шагомъ это постепенное преобразование и борьбу двухъ различныхъ элементовъ римско-классическаго и восточнаго, борьбу, продолжавшуюся нѣсколькими столѣтіями.

Языческое искусство въ Римѣ одновременно съ христіанскимъ идетъ къ упадку, въ немъ также отражается вліяніе вкуса восточныхъ народовъ; наводненное имъ оно умираетъ вмѣстѣ съ языческимъ міромъ, чтобы болѣе не воскреснуть, тогда какъ христіанское классическое искусство воскресаетъ вмѣстѣ съ Италіей въ эпоху возрожденія, и можетъ быть даже раньше того періода, которому обыкновенно даютъ это названіе.

Всегда и всюду, гдѣ проявлялась самостоятельная жизнь въ Италіи въ средніе вѣка, гдѣ пробуждалась итальянская мысль, — начиналось также и возрожденіе искусства, т. е. выражалось возвращеніе къ классическому вкусу и создавались религиозные образы болѣе согласные съ природой Итальянцевъ, съ складомъ ихъ идей. Нѣчто подобное можно сказать происходило и внѣ Италіи среди франко-германскихъ племенъ, принявшихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ религиозныя изображенія византійскаго стиля. По мѣрѣ того какъ эти народы достигали известной степени умственнаго и художественнаго развитія, у нихъ разрабатывался свой артистическій вкусъ и они представляли божество по своимъ понятіямъ, удаляясь отъ восточныхъ идеаловъ и типовъ.

• Это выказалось уже въ нѣкоторой степени въ эпоху Карла Великаго, но гораздо полнѣе нѣсколько столѣтій спустя въ франко-германскихъ странахъ въ періодъ готическаго полувозрожденія: статуи Спасителя, Мадонны, святыхъ и т. д. украшающія входы, т. е. порталы готическихъ соборовъ этой эпохи, имѣютъ иной характеръ, чѣмъ византійскія фигуры, и хотя нѣсколько грубую, но сильную и живую натуру, взятую изъ окружающаго міра.

Самобытное созданіе религиозныхъ изображеній, изученіе природы, жизни при представленіи ихъ, началось вѣроятно въ нѣкоторыхъ франко-германскихъ странахъ раньше чѣмъ въ Италіи; но среди Итальянцевъ, народа болѣе способнаго къ передачѣ своихъ идей и стремленій фигуративнымъ искусствомъ, чѣмъ жители сѣвера, возрожденіе получало болѣе полное развитіе и увлекло за собой, давъ ему свой отпечатокъ, художественное движеніе, проявившееся въ средніе вѣка не въ столь значительныхъ размѣрахъ въ сѣверныхъ странахъ.

Въ то долгое время, когда византійскій стиль преобладалъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, встрѣчаешь иногда въ искусствѣ Италіи, равно какъ и въ другихъ странахъ, фигуры народнаго типа, въ національныхъ одеждахъ, которыя нѣсколько удаляются своимъ наружнымъ видомъ отъ византійскихъ изображеній; но эта переиѣна была совершенно внѣшняя, поверхностная; внутренняя сторона ихъ не теряла своего характера и оставалась по прежнему вполне византійская. Возрожденіе проявляется не столько въ измѣненіи формъ религиозныхъ изображеній, сколько въ переобразованіи идей, которыя ихъ оживляютъ.

Первые лучи восходящаго солнца возрожденія въ Италіи освѣтили южныя части этой страны, и въ неаполитанскихъ провинціяхъ, гдѣ пре-

жде чѣмъ на остальномъ полуостровѣ начинается разцвѣтать итальянская цивилизація, формируется итальянскій языкъ и проявляется самобытное моральное и гражданское развитіе, возрождается также и искусство.

Несомѣнно, что на югѣ Италіи, въ эпоху, начинающуюся образованіемъ муниципальных республикъ и кончающуюся паденіемъ Суабскаго дома, было своего рода художественное возрожденіе. Оно всего больше выразилось въ архитектурѣ; но и немногіе памятники фигуративнаго искусства, дошедшіе до насъ отъ этого періода, нельзя въ этомъ не согласиться, одушевлены новою жизнію. Водвореніе Французовъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ вскорѣ приостановило это нравственное и художественное пробужденіе, въ то самое время, когда въ центральной Италіи началась та артистическая самостоятельная дѣятельность, которая должна была принести столь богатые результаты.

Всего полнѣе развились въ способности, въ стороны жизни народа итальянскаго въ муниципальных средневѣковыхъ республикахъ. Въстѣ съ ними начинается возрожденіе искусствъ, и упадокъ послѣднихъ наступаетъ въ то самое время, когда первыя утрачиваютъ свободу. Флоренція дала инициативу художественному развитію этой эпохи. Ея мастера съ конца 13-го вѣка постепенно освобождаются отъ традиціи византійскаго стиля; и въ слѣдующія два столѣтія монастыри, соборы, церкви и общественныя зданія Италіи покрываются фресками, изображающими сцены изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, изъ жизни святыхъ и т. д. Въ этихъ произведеніяхъ нисколько не уменьшается, напротивъ возрастаетъ и увеличивается релігіозное чувство, но вмѣстѣ проявляется изученіе человѣческой души, природы; лица дѣйствующія оживляются, отгнѣняются различныя свойства ихъ нравственной натуры; они представлены окруженными земною жизнію и ея предметами.

Этотъ характеръ неизмѣнно преобладаетъ въ художественныхъ созданіяхъ возрожденія. Различіе между ними и памятниками византійскаго искусства замѣтно особенно въ выборѣ релігіозныхъ сюжетовъ. Въ послѣднихъ преимущественно изображаютъ Христа, Богородицу, святыхъ или въ славѣ на небѣ, внѣ земной жизни, внѣ дѣйствія, какъ напримѣръ, рядомъ фигуръ въ облакахъ безъ отношенія другъ къ другу, въ повелительной позѣ, въ церемоніальномъ шествіи, или въ сюжетахъ торжества и величія. Въ первыхъ, т. е. въ живописи и скульптурѣ возрожденія, всего чаще встрѣчаешь сцены страданій и земной жизни Спасителя, Богоматери среди мірскаго обстановки, какъ напримѣръ тайная вечера, мо-

леніе о чашѣ, бичеваніе, шествіе на Голгоуе, снятіе со креста и положеніе во гробъ, эпизодъ Самаритянки, блудницы, вопрошающаго съ мотетой, рожденіе Богородицы, посѣщеніе ею Св. Елизаветы, Благовѣщеніе, въ которомъ ангель является Св. Дѣвѣ пораженной и испуганной ея избраніемъ; или-же самыя сюжеты эти понаты различными образомъ въ искусствѣ Византіи и возрожденіи; и если невозможно не видѣть разницы между добрыми пастырями катакомбъ и изображеніями Спасителя абсидъ византійскихъ базиликъ, то точно также нельзя не замѣтить различія между византійскими изображеніями распятія, въ которыхъ Христосъ представленъ часто торжествующимъ, не страдающимъ, и представленіями Спасителя испивающаго горькую чашу до дна; на крестѣ въ искусствѣ возрожденія, между преобращеніемъ такъ, какъ его понялъ Рафаэль въ известной своей картинѣ, и изображеніемъ того-же сюжета въ абсидѣ базилики S. Apollinare in Classe около Равенны; послѣднее прешсполнено символизма, постоянно болѣе преобладавшаго въ византійскомъ искусствѣ, чѣмъ въ искусствѣ возрожденія; не возможно также не видѣть различія въ характерѣ, въ идеяхъ выраженныхъ въ Тайной вечери Леонардо да Винчи (всѣмъ известная по гравюрамъ фреска трапезной монастыря S. Maria delle Grazie въ Миланѣ), въ которой проявляется глубочайшій анализъ человѣческой души и тонкое опредѣленіе разнообразныхъ чувствъ, возбужденныхъ словами Спасителя въ апостолахъ, и вполне мистической Тайной вечери Фра Беато Анжелино, гдѣ Христосъ разноситъ причастіе апостоламъ помѣщеннымъ вокругъ стола, въ положеніи молящихся, или стоящимъ на колѣнахъ (фреска въ монастырѣ св. Марка во Флоренціи)*. Религіозное чувство столь-же искренно и столь-же сильно въ томъ и другомъ художественномъ произведеніи, но только одинъ изъ лучшихъ талантовъ возрожденія и доминиканскій

* В византійскихъ мозаикахъ и въ итальянской живописи до возрожденія есть много изображеній Тайной вечери подобнаго мистическаго характера, какъ напримеръ въ соборѣ св. Марка въ Венеціи, въ соборѣ Монреале около Палермо и въ другихъ итальянскихъ церквяхъ. Имъ приваждъ ересь Беато Анжелино, потому что она извѣстна болѣе другихъ. Интересно прослѣдить, какъ церемониальная церемониальности и мистицизма византійская Тайная вечеря, постепенно развиваясь въ эпоху возрожденія, превращается въ ту драматическую сцену, которую представилъ Леонардо да Винчи на стѣнѣ монастыря Santa Maria delle Grazie. Надо замѣтить, что изображение Тайной вечери встрѣчается чаще въ живописи возрожденія, чѣмъ въ искусствѣ Византіи.

монахъ представили этотъ сюжетъ согласно своимъ понятіямъ, каждый съ своей точки зрѣнія.

Византійскія идеи выражаются въ живописи Беато Анжелико, но онѣ облечены въ прекрасныя итальянскія формы; божественные свѣтлые образы Христа, Мадонны, Ангеловъ идеальной чистоты, представленны имъ часто на золотомъ фонѣ, чужды всего земнаго и удалены въ небесныя пространства. Традиціи византійскаго искусства никогда, можно сказать, не угасли совершенно въ монастыряхъ Италіи, строй которыхъ составилъ въ эпоху полного преобладанія въ этой странѣ восточныхъ началъ. Это однако не вызывало антагонизма между искусствомъ свѣтскимъ и монастырскимъ, — лучшіе образчики послѣдняго составляютъ миниатюры, написанныя монахами и украшающія церковныя книги. Духовенство Италіи не только не смотрѣло враждебно на искусство возрожденія, но даже во многомъ способствовало его развитію; иначе и быть не могло, потому что оно было слишкомъ въ характерѣ итальянскаго народа, слишкомъ присуще его натурѣ.

Въ итальянской живописи возрожденія никогда не проявлялся въ такой степени мистическій характеръ, какъ въ картинахъ испанской школы, которая развилась на почвѣ проникнутой религіозной фанатической страстью, въ странѣ, гдѣ католицизмъ принялъ направленіе чисто восточной симметрической нетерпимости. Только съ упадкомъ искусства возрожденія въ произведеніяхъ итальянскихъ мастеровъ, подъ вліяніемъ реакціи, вызванной въ католицизмѣ реформаціей, начинаютъ выражаться ими порывы, и изображенія необыкновенныхъ чудесъ и видѣній святыхъ предпочитаютъ сюжетамъ земнымъ, религіозно-гражданскимъ.

Христіанскіе идеалы искусства каталомъ воскресаютъ въ созданіяхъ художниковъ возрожденія въ Италіи. Абсиды, стѣны церквей и ихъ придѣлы, гдѣ прежде обыкновенно въ колоссальномъ видѣ изображали Христа, апостоловъ и т. д., въ церквахъ возрожденія раздѣляются на части какъ потолки и стѣны въ каталомбныхъ комнатахъ, и въ нихъ представляютъ сцены изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, изъ жизни святыхъ и т. д. Спаситель снова изображается съ милосерднымъ и трогательнымъ характеромъ добраго пастыря, со всей его простотой, въ скромной одеждѣ, среди прекрасной природы, преисполненнымъ попеченія о людяхъ, которыми онъ окруженъ, страдающимъ для ихъ блага и заботящимся о ихъ спасеніи.

Богоматерь вновь изображена съ младенцемъ у груди или на рукахъ, какъ Мадонны въ катакомбахъ, съ преобладающими материнскими чувствами, безъ пышныхъ облаченій и царскаго вида. Этогь я не хочу сказать, что по византійскому представленію Богородица не можетъ быть одушевлена нѣжными чувствами и любовью къ младенцу Спасителю, съ которыми иногда представляется. Есть Мадонны византійскаго стиля, выражающія большое состраданіе къ людямъ, глубокую скорбь о ихъ печаляхъ вмѣстѣ съ невыразимой грустью о ихъ паденіи и грѣхахъ, или съ ребенкомъ у груди; но въ нихъ преобладаетъ прежде всего царственный характеръ и онѣ постоянно удалены отъ всего свѣтскаго. Сравните изображенія Богоматери византійскаго стиля съ Мадоннами возрожденія; первыя преисполнены достоинства и величія, нѣсто ихъ на небѣ, ничто земное лично не касается ихъ, титулъ Царицы небесной никогда нельзя отнять у нихъ. Вторыя часто изображены среди веселыхъ ландшафтовъ, прекрасной природы, оживленной присутствіемъ постороннихъ людей, или въ домахъ среди земной обстановки, окруженныя проявленіями обыкновенной жизни и предметами, которые услаждаютъ ее; онѣ одѣты въ простое платье средневѣковыхъ Итальянокъ и относятся къ Спасителю младенцу совершенно какъ каждая мать къ своему ребенку. Онѣ иногда находятся въ объятіяхъ Мадонны, прижать къ ея сердцу, иногда играютъ съ нею или въ ея рукахъ различными предметами, забавляется младенческими играми, увеселяя ее своею дѣтскою рѣзвостію. Легкая тѣнь задумчивости и тихой безмолвной грусти, намекающая на предназначеніе и будущую участь Спасителя, заброшена на эти живыя, граціозныя семейныя сцены, взятая изъ близкаго намъ міра. Даже и тѣ Мадонны возрожденія, которыя представлены окруженныя ангелами, святыми, на небесахъ, не приближаются къ Мадоннамъ византійскимъ; но въ славѣ, торжествѣ сохраняютъ свою простоту и продолжаютъ выражать чувства одушевлявшія ихъ на землѣ, нѣжную любовь къ младенцу, печаль о судьбѣ ожидающей его, испугъ своего забранія, скромное недовѣріе своимъ силамъ вмѣстѣ съ восторгомъ участвовать въ спасеніи людей своею жертвой. Точно также ангелы возрожденія представляются не вооруженные и съ мечами, какъ часто въ византійскомъ искусствѣ, а безоружные съ цвѣтами въ рукахъ, или съ музыкальными инструментами, на которыхъ они иногда играютъ. Не слѣдуетъ предполагать, что Мадонны возрожденія, большинство которыхъ мы видимъ теперь въ музеяхъ Европы, нѣдѣли въ Италіи мало религіознаго значенія, а были созданы для украшенія

свѣтскихъ зданій; напротивъ всѣ произведенія лучшихъ мастеровъ этого періода, фрески, картины, статуи, барельефы украшали алтари и святилища, были назначены для монастырей, церквей, часовень и часто до сихъ поръ еще находятся въ нихъ. Мадонна della Seggiola Рафаэля и Христось отвѣчающій вопросителю съ монетой Тиціана, — картины одушевленные идеями возрожденія, выражающія какъ нельзя полнѣе характеръ придаваемый Спасителю и Богородицѣ въ эту эпоху, — были бы столько же на своемъ мѣстѣ надъ престолами итальянскихъ церквей, сколько и на стѣнахъ Palazzo Pitti и въ картинной галереѣ Дрездена, гдѣ мы теперь ихъ видимъ. Народъ молился подобнымъ религіознымъ изображеніямъ, какъ у насъ молится Богородицѣ, какъ въ катакомбахъ молился Мадоннаѣ классическаго стиля, какъ до сихъ поръ молится безчисленнымъ изображеніямъ Спасителя, Богородицы, Святыхъ того же характера возрожденія, изъ мрамора, дерева, обожженной глины, написанныхъ красками на стѣнѣ, на полотнѣ, на доскахъ, которые безпрестанно встрѣчаешь въ Италіи на всѣхъ углахъ и перекрѣсткахъ, передъ которыми не рѣдко горятъ еще лампы.

Разумѣется, памятники катакомбнаго искусства не имѣютъ артистическаго достоинства произведеній искусства лучшаго времени эпохи возрожденія и не встрѣчаются въ такомъ значительномъ количествѣ, какъ эти послѣдніе; но при сравненіи тѣхъ и другихъ, не нельзя незамѣтить, сколько вообще точекъ соприкосновенія въ задушевномъ характерѣ созданныхъ мастеровъ возрожденія и неизвѣстныхъ художниковъ первыхъ вѣговъ Христіанства; сколько сходства въ ихъ взглядѣ на жизнь, на искусство, на прекрасное, сколько тождества въ складѣ ихъ понятій. Первымъ было неизвѣстно существованіе и работы послѣднихъ, но какъ наследники ихъ развитія, какъ жители той же природы, какъ братья ихъ по племени, они встрѣтились въ своихъ наклонностяхъ, въ своихъ вкусахъ, въ общемъ своихъ религіозныхъ идей и выразили въ изображеніяхъ Христа, Богородицы, пророковъ и т. д. одни чувства, однѣ мысли преимущественно передъ другими.

Эпоха возрожденія становится непонятною, про нее больше нельзя говорить, если оставить въ сторонѣ; безъ вниманія памятники христіанскаго искусства въ катакомбахъ.

Мы видимъ слѣдовательно, что если каждый народъ создаетъ себѣ свой идеалъ прекраснаго согласно со своими моральными способностями и подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыя формируютъ его понятія и даютъ

направленіе его развитію, то въ пониманіи и усвоеніи христіанскихъ идей проявилась натура, выказался характеръ народовъ, сдѣлавшихся христіанами, и это мы всего яснѣе видимъ въ ихъ искусствѣ.

Напрасно потому было бы говорить, что такой то идеалъ искусства болѣе христіанскій, чѣмъ какой либо другой, что эта архитектура, этотъ стиль живописи имѣютъ болѣе христіанскій характеръ, чѣмъ остальные, — каждый изъ нихъ удовлетворялъ наклонностямъ и понятіямъ извѣстнаго народа, извѣстнаго общества. Религіозное настроеніе жителей Сѣвера чувствуетъ влеченіе къ полусвѣту, къ сидетающимся подъ острыми углами и убѣгающимъ вверхъ линіямъ готическихъ соборовъ, къ ихъ мистически-мечтательной архитектурѣ, а ясно выведенныя линіи, смѣлыя своды и арки, ширина и пространства наводненныя свѣтомъ и красками церквей и соборовъ эпохи возрожденія отвѣчаютъ характеру религіозныхъ чувствъ южныхъ народовъ; перенная готическій стиль послѣдніе преобразовывали его по своему вкусу. Обѣ эти архитектуры между тѣмъ христіанскія, и каждая изъ нихъ произвела въ своемъ родѣ прекрасныя памятники, которымъ мы никогда не перестанемъ удивляться. Точно также каждый изъ стилей христіанской живописи: стиль классическій въ катакомбахъ, веселый, нѣжно-вдохновенный и умилятельный; стиль византійскій, преисполненный строгаго величія, высокой торжественности и божественнаго удаленія; стиль возрожденія блистательный по формамъ, выражающій болѣе земныя чувства и глубоко философскія мысли, изображаютъ одни христіанскіе принципы и идеи преимущественно передъ другими. Всѣ эти стили соотвѣтствовали своему времени, удовлетворяли религіознымъ потребностямъ различныхъ обществъ, въ средѣ которыхъ создались, и имѣютъ свою исторію, свое значеніе, свое достоинство, свои заслуги.

Первая часть этого сочиненія, которую читатель видитъ передъ собою, заключаетъ исторію происхожденія и постепеннаго образованія катакомбъ въ Римѣ, равно какъ и описаніе этихъ первобытныхъ христіанскихъ кладбищъ. Въ послѣдующія части войдетъ объясненіе религіозныхъ изображеній, символовъ и надписей первыхъ христіанъ, изслѣдованіе составленія главныхъ типовъ и исторія христіанскаго искусства съ появленія его въ катакомбахъ до окончательнаго преобразованія въ византійскій стиль.

II.

Исторію римскихъ катакомбъ можно раздѣлить на слѣдующіе четыре періода: періодъ ихъ постепеннаго образованія; періодъ посѣщенія богомольцами; періодъ забвенія, и наконецъ періодъ ихъ изученія. Последній продолжается до нашихъ дней.

О первыхъ двухъ періодахъ я буду говорить въ самомъ сочиненіи, но о двухъ послѣднихъ слѣдуетъ сказать тутъ нѣсколько словъ.

Забвеніе катакомбъ начинается съ IX столѣтія, — опустошенныя Готами, Вандалами, Лангобардами, Саррацинами, онѣ раздѣлили судьбу всѣхъ памятниковъ Рима. Тѣла мучениковъ, которые не могли болѣе похорониться въ своихъ первобытныхъ гробницахъ, не подвергаясь оскверненію варваровъ, уже съ седьмага столѣтія, и можетъ быть нѣсколько раньше, начали переносить въ церкви и базилики Рима. Богомольцы, стекавшіеся со всѣхъ концовъ свѣта, для поклоненія мощамъ святыхъ, перестали посѣщать катакомбы, мало по малу ихъ стали забывать.

Въ эти темныя, печальныя для Рима времена, феодальныя фамиліи въ междоусобныхъ войнахъ опустошали городъ и Кампанію, довершая начатое варварами. Памятники прежней столицы міра падали и разрушались; ихъ имена, воспоминанія, которые были съ ними связаны, забывались и потухали. Дорога заросла и къ катакомбамъ, входы ихъ засыпались землею и были потеряны.

Съ первыхъ годовъ девятаго столѣтія до пятнадцатаго не видно слѣдовъ ихъ посѣщенія. Только катакомбы св. Севастіана, въ которыя спустились изъ церкви того же имени, были постоянно открыты и извѣстны. Нужно также предположить, что небольшія части нѣкоторыхъ другихъ катакомбъ, находящіяся въ сообщеніи съ базиликами, построенными надъ ними, были по временамъ посѣщаемы богомольцами.

Но съ 1432 года въ катакомбы снова начинаютъ проникать монахи разныхъ орденовъ и странъ, какъ это видно по надписямъ оставленнымъ ими; за ними слѣдуютъ люди другаго рода, также начертившіе свои имена на стѣнахъ катакомбъ. Это были члены извѣстной римской Академіи *Romponio Leto*, которые въ царствованіе папы Павла II были обвинены, можетъ быть только въ слѣдствіе излишней для того времени любви къ древностямъ и къ классической культурѣ, въ вѣроотступничествѣ, въ составленіи секты враждебной христіанству и въ заговорѣ противъ

жизни св. отца. Процессъ ихъ не обошелся безъ пикетовъ, но кончился однако совершеннымъ оправданіемъ Ротроніо и его друзей. Вѣроятно, надежда найти въ катакомбахъ римскіе памятники привела этихъ любителей классическаго искусства въ христіанскія подземныя кладбища. Они посѣтили многія отдаленныя галереи и комнаты ихъ, и въ надписяхъ называли себя любителями и изслѣдователями древностей. Ротроніо Leto иногда даетъ себѣ титулъ pontifex maximus (первосвященникъ), а одинъ изъ его спутниковъ sacerdos (жрецъ) римской академіи. Доказываетъ ли это существованіе секты, выражаетъ ли иронію противъ папскаго сана, или есть только обыкновеніе совершенно невиннаго характера, которое имѣли въ тѣ времена президенты и члены академіи—давать себѣ подобныя титулы, сказать теперь довольно трудно. Во всякомъ случаѣ, появленіе членовъ гонимой академіи въ катакомбахъ фактъ довольно интересный. Какъ любители классической древности, они вѣроятно не обратили никакого вниманія на христіанскія памятники, по крайней мѣрѣ въ ихъ сочиненіяхъ ни разу не упоминается ни о катакомбахъ, ни объ искусствѣ первыхъ христіанъ.

Но если съ пятнадцатаго до конца шестнадцатаго столѣтія проникали въ катакомбы, отъ времени до времени, отдѣльныя лица, богомольцы и монахи, то вовсе не для изслѣдованія и описанія ихъ. Существованіе катакомбъ было извѣстно по памятникамъ церковной литературы, но мѣсто, гдѣ они находились, потеряно; предполагали даже, что время, варвары, обвалы и вода если не уничтожили ихъ совершенно, то сдѣлали доступъ къ нимъ невозможнымъ. Какъ часто бываетъ въ дѣлахъ подобнаго рода, случай помогъ открытію ихъ.

Тридцать перваго мая 1578 года нѣсколько работниковъ, копяя поцолану не далеко отъ дороги Salacia, приблизительно въ двухъ миляхъ отъ Рима, открыли входъ въ христіанское подземное кладбище, украшенное живописью, саркофагами, надписями; эта неожиданная находка обратила на себя всеобщее вниманіе; распространился въ Римѣ слухъ, что найденъ подземный городъ, и люди всѣхъ классовъ общества съѣхались удостовѣриться въ этомъ собственными глазами.

Ученый того времени, кардиналъ Вагоніо говоритъ о необыкновенномъ впечатлѣніи, которое видъ этого крипта производилъ на посѣтителей. Но такъ велика была въ тѣ времена небрежность обращенія съ христіанскими памятниками, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ совершенно опустошенъ и разрушенъ работниками въ коняхъ поцоланы.

Христіанскій Римъ воскресъ послѣ языческаго, и послѣдній, поглощая вниманіе ученыхъ и археологовъ того времени, заставлялъ ихъ пренебрегать памятниками искусства первыхъ послѣдователей ученія Спасителя. Нашлись однако люди, которые описали и сняли копии съ фресокъ, саркофаговъ и надписей этой катакомбы до ея опустошенія. Судя по пингъ, легко можно себѣ представить, какъ она была интересна и богато украшена. Надписи имѣли простой и трогательный характеръ эпитафическихъ памятниковъ первыхъ временъ христіанства, и были частью на латинскомъ, частью на греческомъ языкѣ; послѣднее почти всегда есть признакъ большой древности ихъ. Фрески были чрезвычайно разнообразны по содержанію и представляли почти всѣ первоначальныя христіанскія символическія фигуры: добраго пастыря, женщину въ положеніи молящейся (Огante *), Ноя въ ковчегѣ, Дэніла между львами, Моисея изсѣкающаго воду изъ скалы, Іону поглощеннаго и выброшеннаго чудовищемъ; жертвоприношеніе Исаака Авраамомъ, трехъ отроковъ въ огненной печи и т. д. На саркофагахъ были изображены религіозныя пиршества первыхъ христіанъ (агаре) и пастушескія сцены.

Можно сказать, что со дня открытія этой замѣчательной катакомбы начинается изученіе христіанскаго искусства. Памятники, вышедшіе такъ неожиданно изъ неизвѣстности и забвенія, заинтересовали нѣкоторыхъ археологовъ того времени; они начали проникать въ другія сосѣднія катакомбы и копировать въ нихъ фрески и надписи. Самые замѣчательные между этими учеными были: доминиканскій монахъ Сіассоніо, фланецъ Winghamle, также фланецъ L'Heureux, болѣе извѣстный подъ именемъ Масаріо, и Ромпео Угоніо, профессоръ литературы въ Римѣ. Сочиненія ихъ не представляютъ однако ничего полнаго; они видѣли только пять или шесть катакомбъ, и не могли опредѣлить ихъ прежнія названія. Величайшая заслуга этихъ людей, состоитъ въ томъ, что въ средѣ ихъ образовался Восіо, котораго справедливо называютъ Колумбомъ римскихъ катакомбъ.

Antonio Vossio родился около 1576, на островѣ Мальтѣ, и получилъ образованіе въ Римѣ, гдѣ впоследствии находился въ качествѣ агента мальтійскаго ордена. Почти ребенкомъ сопровождалъ онъ Ромпео Угоніо

*) Она представляетъ иногда Богородицу, иногда церковь, иногда просто молящуюся, или душу умершаго; о значеніи этого изображенія мы будемъ говорить въ отдѣлѣ исторіи христіанскаго искусства.

въ его прогулкахъ по катакомбамъ, и съ самой ранней молодости началъ изучать ихъ самостоятельно,—занятіе, къ которому, какъ онъ самъ говоритъ, чувствовалъ непреодолимое влеченіе. Всю свою жизнь и все свое состояніе посвящалъ Вовіо этому труду и положилъ основаніе методу изслѣдованія подземнаго христіанскаго Рима.

Не довольствуясь системою своихъ предшественниковъ, ихъ частными и случайными открытіями, онъ началъ дѣлать розыски съ цѣлью возстановить прежнее названіе, исторію и опредѣлить топографическое положеніе катакомбъ. Для этого Вовіо собралъ все свѣдѣнія о древнихъ христіанскихъ кладбищахъ, которыя заключались въ церковныхъ книгахъ, вѣдѣніяхъ мучениковъ, въ жизнеописаніи папъ, и старался примѣнить эти данныя въ памятникамъ. Послѣ опустошенія и забвенія катакомбъ, разумѣется, трудно было угадать ихъ положеніе и найти ихъ имена. Ученый шестнадцатаго столѣтія, августинскій монахъ Равніно, опредѣляя число катакомбъ только по литературнымъ памятникамъ, не входилъ въ топографическія изслѣдованія, насчитывалъ ихъ 43; но только розыски на мѣстѣ могли дать вѣрное понятіе о ихъ количествѣ и протяженіи.

Документы церковные были для Вовіо руководителями; узнавъ, напримеръ, изъ дѣяній мучениковъ, что многіе изъ нихъ были похоронены въ Римѣ, въ катакомбѣ, находящейся подъ Аппіевой дорогою, въ трехъ миляхъ отъ города, онъ старался открыть въ виноградникахъ этого мѣста входъ въ подземное кладбище. Иногда обвалъ, колодець или яма для добыванія попцоланы помогали его розыскамъ и указывали ему путь въ катакомбы.

Объясненіе всего, что Вовіо встрѣчалъ въ нихъ, живописи, скульптуры, надписей, символическихъ знаковъ и изображеній, гробницъ и другихъ памятниковъ, онъ искалъ въ твореніяхъ писателей церкви, въ литературѣ христіанской и языческой, въ сравненіи произведеній христіанскихъ художниковъ съ памятниками классическаго искусства.

Это былъ трудъ громаднѣйшій, требовавшій постоянной катакомбной и кабинетной работы, глубокаго знанія писателей церкви и римской литературы и искусства. Но только съ помощью подобной системы можно было достигнуть положительныхъ результатовъ. По мѣрѣ того, какъ дѣлается извѣстно имя, топографическое положеніе и исторія образованія каждой катакомбы, изученіе ея памятниковъ получаетъ хронологическій порядокъ и опредѣленную систему. Тридцать шесть лѣтъ посвятилъ Вовіо изслѣдованію катакомбъ, проводя въ нихъ дни и ночи, и не

разъ подвергаясь опасности быть задавленнымъ обвалами или заблудиться въ безконечномъ лабиринтѣ подземныхъ галерей и навсегда остаться въ нихъ. Онъ самъ рассказываетъ, какъ однажды, увлеченный изученіемъ въ обществѣ нѣсколькихъ друзей, удалился въ катакомбы, не принявъ должныхъ предосторожностей, такъ что потомъ былъ въ больномъ затрудненіи, и только послѣ долгихъ усилій и розысковъ успѣлъ найти выходъ. Но опасности и препятствія не останавливали его; онъ привязывалъ конецъ отъ ялубка веревокъ у входа въ катакомбы, разматывая ихъ по мѣрѣ того, какъ шелъ впередъ, и, взявъ съ собою инструменты, съѣстные припасы и большое количество свѣчей, удалился на нѣсколько дней въ эти подземелья, ползая въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обвалы преграждали ему путь, и руками разчищая себѣ дорогу.

Vosio занимался болѣе опредѣленіемъ топографическаго положенія катакомбъ и составленіемъ ихъ исторіи, тѣмъ описаніемъ памятниковъ христіанскаго искусства; но онъ ничего не пропускалъ безъ вниманія и копировалъ все, что попадалось ему на глаза. Только нѣкоторыя, небольшія части четырехъ или пяти подземныхъ кладбищъ были извѣстны до него, — онъ открылъ ихъ около тридцати и нѣкоторыя изслѣдовалъ довольно подробно. Vosio сдѣлалъ все, что было возможно въ его время и съ его средствами. Всѣ ученые, которые послѣ него писали о катакомбахъ, пользовались его трудами или документами, собранными и цитированными имъ; онъ далъ какъ нельзя болѣе правильное и вѣрное направленіе изслѣдованію христіанскихъ древностей; одніи приуготовительныя работы его изумляютъ своею колоссальностью. Но въ его время наука эта только что начиналась, многіе матеріалы, пока не открытыя, лежали въ различныхъ бібліотекахъ Европы, многіе другіе не были оцѣнены надлежащимъ образомъ. Потому результаты, достигнутыя Vosio, не вполне соответствуютъ его продолжительнымъ трудамъ, онъ успѣлъ опредѣлить только одну группу историческихъ гробницъ, и только двумъ или тремъ катакомбамъ возвратилъ ихъ первобытныя имена.

Vosio умеръ пятидесяти четырехъ лѣтъ, не доживъ до изданія своей книги. Мальтійскіе рыцари, которымъ онъ завѣщалъ свое имущество и манускрипты, приняли на себя издержки изданія его сочиненій и поручили P. G. Severano напечатать ихъ. Пять лѣтъ послѣ смерти Vosio была издана его книга на итальянскомъ языкѣ, съ гравюрами, подъ заглавіемъ *Roma Sotterranea*. Это первое полное сочиненіе о римскихъ катакомбахъ произвело впечатлѣніе въ ученое міръ того времени; на

латинскій языкъ онъ было переведено въ 1657 году, и хотя переводчикъ Aginghi назвалъ книгу *Roma Subterranea novissima*, но не помѣстилъ въ ней однако ничего новаго.

Противники *Vosio* не замедлили явиться; его открытія бросили новый свѣтъ на исторію первобытнаго христіанскаго общества, и были встрѣчены съ недовѣріемъ по ту сторону Альпъ, особенно между протестантскими учеными; они не вѣрили искренности и правдоподобію показаній Итальянца-католика и утверждали, что катакомбы—не что иное, какъ ямы выкапанныя Римлянами для погребенія рабовъ и бѣдныхъ людей, что только послѣ торжества церкви, въ четвертомъ столѣтіи, стали хоронить въ нихъ Христіанъ, что всѣ памятники этихъ кладбищъ подѣланы монахами, и тому подобныя нелѣпости.

Послѣ *Vosio* изученіе подземнаго Рима не прекращалось, но послѣдователи его, частью увлеченные полемикой съ иностранными писателями, частью испуганные громадностью знаній, какія требовались, чтобы идти по слѣдамъ *Volumba* римскихъ катакомбъ, оставили его ученую систему и начали отдѣльное описаніе памятниковъ, не рассматривая того мѣста, гдѣ они находились, и пренебрегая также изученіемъ самыхъ катакомбъ. Дальнѣйшія открытія дѣлались въ нихъ не столько съ археологической цѣлью, сколько для религіозной пропаганды и для опроверженія протестантовъ; надписи, остатки живописи и скульптуры собирали безъ всякой системы, при чемъ не всѣ фрески и эпитафій копировались, такъ что многія изъ нихъ безвозвратно пропали. Даже и эти частныя раскопыванія были оставлены, когда, по мнѣнію археологовъ того времени, набралось достаточное количество памятниковъ, чтобы дать понятіе объ искусствѣ первыхъ Христіанъ. Не всѣ исследователи подземнаго Рима придерживались этой системы, такъ напримѣръ: *Raffaele Fabretti*, издавшій въ 1700 году собраніе христіанскихъ надписей и описаніе двухъ катакомбъ, не открытыхъ *Vosio*, нѣсколько приблизился къ его методу; но труды *Fabretti* можно считать только какъ исключеніе. Въ его время, въ 1720 году, появилась въ Римѣ книга *Boldetti* о катакомбахъ, подъ заглавіемъ *Osservazioni Sopra i Sacri Cemiteri di Roma*; это сочиненіе плодъ тридцатилѣтней работы, заключаетъ въ себѣ много открытій, не смотря на то, что авторъ описалъ только малую часть памятниковъ, найденныхъ имъ, и содержитъ большое количество матеріаловъ собранныхъ однако безъ всякой системы. *Marangoni* сотрудникъ и помощникъ *Boldetti* пытался описывать открытія въ катакомбахъ по

порядку и принимать къ нимъ историческія числа и топографическія данныя. Нѣсколько сочиненій о памятникахъ христіанскаго искусства написали іезуиты Lupi и Buonagguoti; самое замѣчательное изъ нихъ: «*Osservazioni sopra alcuni frammenti di vasi antichi di vetro, ornati di figure trovati nei Cimiteri di Roma*», принадлежатъ послѣднему. Но въ серединѣ прошлаго столѣтія система Bosio пришла въ такое забвеніе, что Bottari, издавая въ 1754 году гравюры изъ его книги, не счёлъ необходимымъ приложить къ нимъ его текстъ. Подобное очень странное мнѣніе можно объяснить только тѣмъ, что археологи этого вѣка изучали катакомбы въ своемъ кабинетѣ, никогда не посѣщая ихъ; громадныя матеріалы, собранныя Bosio, казались потому ненужными.

Bottari издалъ его рисунки безъ системы и хронологическаго порядка, такъ что одинъ памятникъ не помогаетъ объясненію другаго, и не присоединилъ къ нимъ отдѣльнаго толкованія. Не спускаясь самъ въ катакомбы, чтобы осматривать предметы, которые описывалъ, онъ принялъ фрески послѣдователей восточныхъ сектъ (подземное кладбище которыхъ случайно соединилось съ катакомбами) за христіанскія символическія изображенія и помѣстилъ ихъ въ своемъ сочиненіи.

Seroux d'Agincourt, въ томъ отдѣлѣ своего замѣчательнаго труда: *Histoire de l'art par les monuments depuis le IV-me siècle jusqu'au XVI-me s.*, гдѣ онъ говоритъ о памятникахъ катакомбъ, издалъ нѣсколько неизвѣстныхъ еще фресокъ, и хотя немного увеличилъ этимъ матеріалы исторіи христіанскаго искусства, но, такъ какъ въ его время почти только онъ одинъ говорилъ о новыхъ открытіяхъ въ катакомбахъ, то каждое слово его получаетъ значеніе.

Подобное пренебреженіе изученія на мѣстѣ самыхъ катакомбъ давало о нихъ чрезвычайно ошибочное понятіе и привело ко многимъ фальшивымъ выводамъ, которые были обнаружены и опровергнуты только въ наши дни. Такъ напримѣръ, въ концѣ прошлаго и въ началѣ этого столѣтія казалось неоспоримою истинною, что катакомбы образовались постепенно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, съ самаго основанія Рима, по мѣрѣ того какъ Римляне добывали изъ земли камни и другія строительныя матеріалы, что потому эти оставленныя каменоломни и копи пощоланы, превращенныя въ кладбища, нельзя считать работою самихъ Христіанъ, тѣмъ болѣе, что они будто бы похоронены тамъ не одни, а въ смѣшеніи съ язычниками и послѣдователями другихъ сектъ. Даже сочи-

ненія, имѣющія большія достоинства, какъ напримеръ: «*Sinbilder und Kunstvorstellungen der alten Christen, Münter. Altona 1825*». — не совершенно свободны отъ подобныхъ заблужденій. Но въ то время, когда Münter издавалъ свою книгу, это неправильное объясненіе происхожденія катакомбъ, которое съ перваго взгляда кажется чрезвычайно правдоподобнымъ, уже было отчасти опровергнуто въ сочиненіяхъ математика и вмѣстѣ Археолога Settele, *Atti della pontificia Accademia d'Archeologia T. II*; въ статьѣ Rüstel'я о катакомбахъ, помѣщенной въ извѣстномъ описаніи Рима, *Beschreibung der Stadt Rom, von Platner und Bunsen*, и отчасти въ сочиненіи Bellermann'а о катакомбахъ Неаполя: «*Ueber die ältesten Christlichen Begräbnisstätten und besonders die katakomben zu Neapel*». Окончательно уничтожилъ это мнѣніе, и можно сказать возвратилъ христіанамъ изъ катакомбы P. Marchi въ своемъ сочиненіи *Monumenti delle arti cristiane primitive Roma 1844*.

Объясненіе христіанскихъ памятниковъ Raoul Rochette'а, въ его книгахъ: «*Tableaux des Catacombes de Rome 1853*», «*Sur les types imitatifs de l'art chrétien*» и въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 13 томѣ «*Memoires de l'Académie des inscriptions et belles lettres*,» о христіанской живописи, о вѣщахъ, найденныхъ въ катакомбахъ и т. д., заслуживаютъ вниманія, хотя не со всѣми мнѣніями и выводами автора можно согласиться.

Мы видимъ такимъ образомъ, что если со временъ Bosio и появлялись замѣчательныя сочиненія о христіанскомъ искусствѣ, и если изслѣдователи первобытныхъ христіанскихъ кладбищъ приближались иногда къ его системѣ, изучая ихъ на мѣстѣ, а не въ своемъ кабинетѣ, то никто изъ нихъ не думалъ продолжать работу Болумба римскихъ катакомбъ. Но въ наши дни ученый, имя котораго неразрывно связано съ катакомбами, Giovanni Battista de' Rossi, убѣдившись, что только слѣдуя системѣ Bosio можно достигнуть полнаго пониманія и оцѣнки христіанскихъ древностей, возвратился къ ней, и уже успѣлъ вполне доказать на дѣлѣ справедливость своего мнѣнія. Rossi можно назвать прямымъ наследникомъ Bosio, и между этими двумя учеными, не смотря на три столѣтія, которыя ихъ раздѣляютъ, невольно мысленно проводишь черту соединенія.

Собирая христіанскія надгробныя надписи *)), Rossi замѣтилъ, насколько онѣ дѣлаются понятнѣе и какую значительность приобретаютъ, лишь только дѣлается извѣстно мѣсто, гдѣ ихъ нашли. Онъ началъ съ того, что перечиталъ все написанное о древнихъ христіанскихъ кладбищахъ; всѣ церковныя и литературныя документы, которыми руководился Bosio, равно какъ и открытыя послѣ него подверглись изученію и оцѣнкѣ Rossi.

Не преувеличивая можно сказать, что нѣтъ библиотекъ Европы, въ которой Rossi или друзья римскаго археолога по его порученію не дѣлали розысковъ, собирая документы для исторіи подземнаго христіанскаго Рима.

Трудность добыванія матеріаловъ этого рода и ихъ необыкновенная рѣдкость объясняются тѣмъ, что въ послѣднее большое гоненіе Діоклеціана, столько-же губительное для самихъ христіанъ, сколько и для ихъ памятниковъ, было сожжено множество церковныхъ книгъ, и уничтожены христіанскіе архивы, такъ что изъ документовъ того времени, прямо касающихся римскихъ катакомбъ, почти ничего не дошло до насъ, и всѣ свѣдѣнія о нихъ приходится собирать въ дѣяніяхъ мучениковъ, въ жизнеописаніи папъ, въ указателѣ ихъ гробницъ, и въ другихъ сочиненіяхъ подобнаго рода, сохранившихся въ небольшомъ количествѣ, и принадлежащихъ преимущественно къ тѣмъ временамъ, когда гоненія прекратились и церковь торжествовала.

Большою помощію для изслѣдованій Rossi сдѣлались очень интересныя путеводители по святымъ мѣстамъ Рима, составленныя богомольцами, которые приходили иногда изъ отдаленныхъ странъ поклониться праху мучениковъ. Ихъ навѣные рассказы и описанія содержатъ часто драгоценныя свѣдѣнія о топографическомъ положеніи христіанскихъ кладбищъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ этихъ странствователей видѣли катакомбы до перенесенія мощей мучениковъ въ церкви и базилики Рима. Не довѣряясь популярнымъ названіямъ катакомбъ, Rossi дѣлаетъ розыски по указанію этихъ богомольцевъ, идя по ихъ слѣдамъ, и взявъ ихъ какъ бы въ путеводители. Если они соглашаются въ своихъ показаніяхъ, и говорятъ напримѣръ, что въ такомъ то мѣстѣ, въ такой то катакомбѣ видѣли что нибудь замѣчательное: гробницу мученика, папы,

*) Первымъ томъ этого собранія вышелъ въ 1861 году: *Inscriptiones Christianae urbis Romae Septimo saeculo antiquiores.*

подземную часовню и т. д., то Rossi старается найти указанный пункт и открыть остатки или развалины этих памятниковъ. Когда имя и положеніе катакомбы опредѣлены такимъ образомъ, онъ снимаетъ ее планъ, открывая тѣ пункты, съ которыхъ началась съѣзъ подземныхъ галерей, и если встрѣчаетъ памятникъ, то прежде всего восстанавливаетъ исторію того мѣста, гдѣ онъ былъ найденъ, и потому уже объясняетъ его.

Фрески, саркофаги и надгробныя надписи катакомбъ, взятые отдѣльно, изученныя порознь, безъ связи съ другими сосѣдними памятниками, безъ изслѣдованія мѣста, гдѣ они были открыты, и потому безъ точнаго опредѣленія времени ихъ созданія, способны дать только совершенно поверхностное понятіе о христіанскомъ искусствѣ, и имѣютъ для насъ очень мало значенія; идеи, выраженные въ нихъ, темны и непонятны, и постепенное развитіе символовъ ускользаетъ отъ насъ. Чтобы памятники эти заговорили живымъ понятнымъ языкомъ, необходимо знать положительно ихъ отношенія между собою и время ихъ появленія, что возможно только съ помощію метода G. V. de Rossi. Изученіе катакомбы можетъ объяснить намъ, подъ вліяніемъ какихъ условій, какихъ потребностей она началась и въ послѣдствіи разрослась; чего избѣгали и чего искали въ различныя времена христіане, устроивая подземныя кладбища; а опредѣленіе историческаго пункта, гробницы извѣстнаго мученика, замѣчательной часовни, надгробной надписи съ выставленнымъ числомъ и т. д. дѣлается свѣтящейся точкою, направляющей дальнѣйшіе розыски, указывающей путь къ новымъ открытіямъ; факеломъ, который разсвѣиваетъ историческую тьму, окружающую памятники первыхъ временъ христіанства. Разумѣется самый стиль живописи и скульптуры, шрифтъ и характеръ надписей, способъ выкапывать гробницы, формы и размѣры галерей и комнатъ указываютъ на эпоху ихъ созданія. Но если можно опредѣлить время памятника по тому, что сказано о немъ въ путеводителяхъ богомольцевъ, или по расположенію частей катакомбы, въ которой онъ находится, по историческимъ гробницамъ, или по числамъ сосѣднихъ эпитафій, если, напримѣръ, осматривая мѣстозанимаемыя фресками и гробницами, можно доказать, что такая то живопись, такая то надпись уже существовали, когда былъ погребенъ такой то мученикъ, или папа, — то эти точки опоры несравненно надежнѣе всякихъ другихъ предположеній. Изучая катакомбы, G. V. de Rossi пришелъ къ тому заключенію, что около уважаемыхъ могилъ мучениковъ, къ которымъ стекались богомольцы со всѣхъ христіанскихъ странъ,

напрямъно должны находиться развалины, или хотя только слѣды тѣхъ памятниковъ, которыми ихъ украшали, и что эти гробницы не могутъ быть до такой степени удалены отъ входовъ въ подземныя кладбища, потеряны въ лабиринтъ ихъ галерей, чтобы доступъ къ нимъ былъ совершенно невозможенъ. Предположеніе это вполнѣ оправдалось, — прежде только случайно и потому чрезвычайно рѣдко открывали историческія могилы, теперь почти каждый годъ находятъ въ катакомбахъ мѣсто, гдѣ покоился прахъ извѣстнаго мученика, папы или замѣчательнаго лица.

Такимъ образомъ Rossi идетъ впередъ и намѣренъ остановится только тогда, когда всѣ христіанскія катакомбы Рима будутъ открыты, опредѣлены и исследованы; всѣ памятники ихъ объяснены и скопированы. Какъ легко себѣ представить, это трудъ колоссальныхъ размѣровъ, ужасавшій своею громадностью ученыхъ предшественниковъ римскаго археолога, трудъ способный наполнить всю жизнь человѣка усерднаго и здороваго. Но понятно также, какъ важны для исторіи первыхъ временъ христіанства эти работы, и сколько онѣ открываютъ для насъ новаго. Подземный Римъ воскресаетъ уже не въ отдѣльныхъ своихъ памятникахъ, какъ прежде, а въ совершенной полнотѣ своей, и разоблачаются нравы, религиозныя идеи, стороны жизни первобытнаго христіанскаго общества, представляющія величайшій интересъ, и до сихъ поръ еще очень мало извѣстныя намъ.

Что касается собственно исторіи первоначальнаго христіанскаго искусства, то оно не составляетъ главной цѣли G. B. de Rossi; онъ собираетъ для нея матеріалы и говоритъ о ея памятникахъ по мѣрѣ того, какъ встрѣчается съ ними. Преимущественно онъ занятъ собраніемъ и объясненіемъ надписей, открытіемъ, раскопкой, подробнымъ описаніемъ катакомбъ и всего, что находитъ въ нихъ, равно какъ и исторіей образованія этихъ кладбищъ. Разумѣется, не всѣ памятники, погребенные въ подземномъ Римѣ, найдены и описаны; но уже по тому, что собрано Rossi и его предшественниками, сдѣлалось возможно составить себѣ очень ясное понятіе о раннемъ христіанскомъ искусствѣ; будущія открытія могутъ пополнить его, но никакъ нельзя предположить, что они измѣнятъ кореннымъ образомъ мнѣніе, уже составившееся объ этомъ предметѣ. Если-же до изданія слѣдующихъ частей этого труда будутъ сдѣланы открытія, касающіяся исторіи происхожденія катакомбъ, которой посвящена первая книга, то мы не забудемъ упомянуть о нихъ.

Rossi издалъ уже томъ собранія надписей и два тома своего сочиненія *Roma Sotterranea Cristiana*, въ которыхъ описаны главными частями катакомбы Валиста, замѣчательной многочисленностью и разнообразіемъ своихъ памятниковъ. Кроме этихъ трудовъ Rossi издалъ еще собраніе изображеній Богородицы и нѣсколько другихъ мелкихъ сочиненій. О новыхъ постепенныхъ открытіяхъ онъ отдаетъ отчетъ въ особенномъ журналѣ *Bullettino di Archeologia Cristiana* *). Рисунки, приложенные ко всѣмъ этимъ сочиненіямъ, отличаются вѣрностью, съ которою они передаютъ оригиналы.

Помощникомъ въ трудахъ Rossi, особенно что касается топографической части и подземныхъ съѣмокъ, сдѣлался братъ его *Michele Stefano de Rossi*; машина, изобрѣтенная имъ для измѣренія подземныхъ галерей, получила медаль на лондонской выставкѣ 1862 года. Въ концѣ обѣихъ томовъ *Roma Sotterranea Cristiana*, *Michele de' Rossi* присоединилъ замѣчательныя статьи о происхожденіи и постепенномъ развитіи катакомбъ.

Открытія *G. B. de' Rossi* получили права гражданства въ наукѣ и признаны по ту сторону Альпъ; но я буду постоянно приводить мнѣнія извѣстныхъ ученыхъ другихъ странъ, особенно если они не соглашаются съ мнѣніями и выводами римскаго археолога, дѣлая однако различіе между писателями, которые сами видѣли катакомбы, и тѣми, которые изучаютъ ихъ памятники по копіямъ, или со словъ другихъ, которые вовсе не бывали въ катакомбахъ, или знаютъ ихъ только поверхностно. Исключая вышепоименованныхъ сочиненій я пользовался еще слѣдующими: *Martigny, Dictionnaire des Antiquités Chrétiennes. Paris. 1865.* — *Le Blant, Inscriptions Chrétiennes de la Gaule antérieure au 8-me siècle 2. v.* — *Piper, Mythologie und symbolik der christlichen Kunst; Einleitung in die Monumentale Theologie*, того-же автора, и другими книгами, которыя я буду называть по мѣрѣ надобности.

Гравюры на деревѣ, приложенныя къ этой части, заимствованы изъ сочиненія *de Rossi*, *Martigny*, и изъ другихъ изданій. На гравюры съ оригинальныхъ рисунковъ я буду указывать. — Главными моими руководителями были матеріалы и свѣдѣнія, которыя я почерпнулъ изъ книгъ

Его переводить на французской языкъ *abbé Martigny*, авторъ очень полнаго сочиненія о христіанскихъ древностяхъ: *Dictionnaire des antiquités chrétiennes.*

G. B. de Rossi или слыжалъ отъ него лично. Талантливыя сочиненія его столько-же извѣстны всѣмъ изучающимъ христіанскія древности, сколько и его любезная готовность помогать совѣтомъ и дѣлиться своими знаніями съ тѣми, которые въ нему обращаются, и я не могу начать своей книги, не выразивъ ему моей благодарности, и не вспомнивъ съ удовольствіемъ тѣ прогулки по катакомбамъ и римскимъ музеямъ, въ которыя я, сопровождая его и слушая его объясненія, приобрѣлъ столько свѣдѣній для этого труда.

РИМСКІЯ КАТАКОМБЫ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

I.

Въ Римѣ, въ городѣ великихъ воспоминаній, имя котораго никто не произнесетъ равнодушно, гдѣ по словамъ поэта говорятъ камни, въ нѣдрахъ земли этой прежней столицы міра находятся памятники интересные не менѣе его величественныхъ развалинъ, грандіозные не менѣе тѣхъ триумфальныхъ арокъ, водопроводовъ, храмовъ, дворцовъ, мавзолеевъ, на которые мы до сихъ поръ не можемъ смотрѣть безъ грусти и удивленія, безъ особеннаго чувства, знакомаго всѣмъ, кто задумывался передъ этими разрушающимися и заброшенными теперь свидѣтелями послѣднихъ дней пышной и богатой жизни античнаго міра, преисполненнаго для насъ какою то особеннымъ очарованіемъ. Подъ этими величественными постройками находятся скромные, но столько же привлекательные памятники той вѣры, которая, начавшись въ презрѣніи и изгнаніи, должна была въ послѣдствіи охватить собою всю вселенную. Я говорю о неизмѣримомъ лабиринтѣ подземныхъ галерей, постепенно въ продолженіи трехъ столѣтій вырытыхъ римскими христіанами, гдѣ они хоронили своихъ умершихъ, молились, совершали религіозные обряды и иногда срывались во время преслѣдованій; гдѣ еще до сихъ поръ живы слѣды ихъ пребыванія.

Многіе изъ моихъ читателей вѣроятно были въ Римѣ и спускались въ катакомбы; но конечно очень немногіе осматривали подробно эти подземныя кладбища, представляющія съ перваго взгляда очень мало привлекательнаго. То, что обыкновенно показываютъ въ Римѣ путешест-

вспомогать въ трехъ доступныхъ публичъ катакомбахъ, дастъ о нихъ только самое поверхностное понятіе. Надо долго бродить въ этихъ подземныхъ галереяхъ, то высокихъ и относительно просторныхъ, то узкихъ и низкихъ, гдѣ едва можетъ пройти человѣкъ; надо проникать въ отдаленные углы катакомбъ, и спускаться въ ихъ послѣдніе этажи, чтобы получить полное понятіе о громадности этого подземнаго міра, и вмѣстѣ убѣдиться, что въ немъ мы еще можемъ узнать много новаго о тѣхъ людяхъ, которые его выкопали, оставили трогательное выраженіе своихъ чувствъ, вѣрованій, надеждъ и были въ немъ сторонены.

Катакомбы должны были начаться въ Римѣ съ распространеніемъ христіанскаго ученія; образованіе нѣкоторыхъ частей ихъ, по характеристикѣ памятниковъ и по именамъ, выставленнымъ на надгробныхъ надписяхъ, слѣдуетъ отнести къ первому столѣтію. Притомъ нѣтъ слѣдовъ существованія въ этомъ городѣ другаго христіанскаго кладбища древнѣе катакомбъ. Постоянной заботой первыхъ христіанъ было удаленіе своихъ гробницъ отъ мѣстъ погребенія язычниковъ и послѣдователей другихъ вѣрованій, равно какъ и приличное, по возможности, преданіе землѣ умершихъ братьевъ. Мѣста, гдѣ были похоронены мученики, сдѣлались особенно дороги христіанамъ; около этихъ уважаемыхъ могилъ они молились, совершали свои религіозные обряды, около ихъ сгруппировались гробницы другихъ вѣрующихъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что, какъ кажется, не было закона или правила, обязывающаго христіанъ хоронить въ извѣстномъ мѣстѣ, общія кладбища являются въ Римѣ въ первыя времена распространенія новой религіи; большая часть фамильныхъ христіанскихъ склеповъ (*cubicula*), т. е. комнатъ, вырытыхъ въ землѣ или высѣченныхъ въ туфѣ, въ которыхъ были устроены гробницы, расширялись, соединялись между собою галереями, по мѣрѣ того какъ росла община, и давали покой всемъ христіанамъ безъ различія. Такъ образовался подземный Римъ, громадность котораго до сихъ поръ не перестаетъ удивлять насъ. Но принадлежатъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ христіанамъ, и былъ ли онъ вырытъ ими? На этотъ вопросъ необходимо отвѣтить, прежде чѣмъ описывать эти кладбища и все, что въ нихъ находится.

II.

Только въ послѣднее время было неоспоримо доказано, что катакомбы выкопаны христіанами и составляли ихъ собственность. Мнѣніе совершенно противоположное этому существовало до нашихъ дней. Ошибочное объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ дѣяній мучениковъ и другихъ церковныхъ книгъ, въ которыхъ говорится о катакомбахъ, но всего болѣе то обстоятельство, что галереи ихъ иногда начинаются, а иногда встрѣчаются и соединяются съ пещерами, изъ которыхъ Римляне брали поцолану, ввело въ заблужденіе изслѣдователей подземнаго Рима, и заставляло ихъ предполагать, что христіане воспользовались галереями, образовавшимися при добываніи строительныхъ матеріаловъ, и выкопали въ бокахъ ихъ гробницы. Это предположеніе казалось тѣмъ основательнѣе, что существованіе подземныхъ пещеръ, копей поцоланы или агепарій (агепаріа), какъ ихъ называли Римляне, было извѣстно до появленія христіанства, или въ первые годы его распространенія. Цицеронъ, защищая Клеменція, говоритъ, что въ его время молодой человекъ, нѣкто Асиніо, былъ предательски увлеченъ въ агепаріа, и тамъ умерщвленъ. Точно также Светоній рассказываетъ, что когда Неронъ былъ низверженъ и бѣжалъ преслѣдуемый, отпущеникъ и любимецъ его Фаонъ предлагалъ ему скрыться на время въ пещерахъ, изъ которыхъ добывали песокъ; но Неронъ не согласился на это, говоря, что онъ не хочетъ похоронить себя живымъ. Сверхъ того, въ дѣяніи мучениковъ и въ Книгѣ Папъ (*Liber pontificalis*) нѣсколько разъ упоминается, что христіане не только хоронили умершихъ въ агепаріае, т. е. копияхъ поцоланы, но и имѣли обыкновеніе собираться въ нихъ. Казалось притомъ невозможнымъ, чтобы общество, незначительное, бѣдное, преслѣдуемое, предприняло такую гигантскую работу; откуда могло оно взять на это средства, и куда прятало землю изъ вырытыхъ галерей. Напротивъ, было весьма вѣроятно, что христіане воспользовались подземными пещерами, выкопанными гораздо раньше ихъ съ торговой цѣлью, мало извѣстными и очень удобными, чтобы скрываться. Вожатыми и помощниками ихъ могли быть самые работники этихъ подземелій, рабы и люди изъ низшихъ слоевъ общества, между которыми, какъ предполагали, христіанское ученіе нашло своихъ первыхъ послѣдователей.

Но болѣе подробное и болѣе тщательное изученіе катакомбъ, и особенно грунта земли, въ которомъ онѣ выкопаны, на что прежде не обращали никакого вниманія, совершенно опровергнули эти предположенія, какъ ни правдоподобны они казались съ перваго взгляда.

III.

Почти всѣ римскія катакомбы вырыты въ вулканическомъ слоѣ, который бываетъ трехъ различныхъ свойствъ и дѣлится на слѣдующія три сорта: туфъ каменный, туфъ зернистый и туфъ рассыпчатый. Слои туфа каменстаго даютъ камень упругій, довольно легкій и чрезвычайно удобный для построекъ. Древніе Римляне называли его *Saxum quadratum, lapis tiber* (камень четырехугольный, камень красный), по его цвѣту и по формѣ, которую ему давали для болѣе удобной и правильной кладки. Онъ постоянно былъ въ большомъ употребленіи у Римлянъ, и въ первыя вѣка существованія Рима составлялъ почти единственный строительный матеріалъ. Изъ него сложены подстройки и фундаменты Капитолія, тюрьма Сервія Туллія и многія другія зданія.

Туфъ рассыпчатый, теперешняя поцолана, назывался у Римлянъ *агаена*,—это земля красноватаго цвѣта; будучи смѣшана съ извѣсткою, она даетъ превосходный цементъ, которому римскія зданія обязаны своею прочностью.

Туфъ зернистый составляетъ переходъ отъ туфа каменстаго къ туфу рассыпчатому и бываетъ различной твердости, такъ что иногда мало отличается отъ туфа каменстаго (въ этомъ послѣднемъ видѣ онъ назывался у древнихъ *torhus*), но чаще приближается къ поцоланѣ. Онъ не имѣетъ достоинствъ ни туфа каменстаго, ни туфа рассыпчатаго и содержитъ въ себѣ много земляныхъ постороннихъ частей, такъ что изъ него можно добывать поцолану только очень плохого качества. Въ рыхломъ состояніи онъ ни на что негоденъ; но если представляетъ нѣкоторую твердость, то можетъ быть употребленъ въ тѣхъ частяхъ зда-

ній, куда не проникают лучи солнца и воздухъ. Въ постройкахъ времени упадка Имперіи имъ иногда наполняли толщину стѣнъ и фундаменты.

Римляне добывали туфъ каменистый, т. е. твердый камень, и туфъ рассыпчатый, или чистую поццолану; только эти матеріалы могли быть годны для ихъ построекъ. Такимъ образомъ произошли тѣ подземныя пещеры и обширныя каменоломни, находящіяся въ окрестностяхъ Рима, о которыхъ говорятъ Цицеронъ и Светоній, и гдѣ хрістіане только въ рѣдкихъ случаяхъ устраивали гробницы. Туфъ зернистый даетъ непрочный камень и плохую поццолану; онъ не могъ быть полезенъ Римлянамъ, и они постоянно оставляли его въ сторонѣ, находя возлѣ матеріалы лучшаго качества. Ни одна изъ древнихъ каменоломней или аренарій не находится въ слояхъ туфа зернистаго; совершенно напротивъ, галереи римскихъ катакомбъ проведены почти исключительно въ этомъ пластѣ вулканическаго грунта. Если туфъ зернистый не былъ годенъ какъ строительный матеріалъ, то былъ вполне годенъ для выкапыванія катакомбъ.

Въ слояхъ каменистаго туфа или чистой поццоланы хрістіане находили землю слишкомъ рыхлую, которая осыпалась и не могла держаться въ сводахъ безъ подпорокъ и построекъ, или камень до того упругій, что въ него надо было врѣзываться съ большими усиліями и съ значительной потерей времени. Туфъ зернистый былъ напротивъ достаточно рыхлъ для легкаго промазыванія галерей и вмѣстѣ на столько твердъ, чтобы держаться въ сводахъ гробницъ, галерей и даже довольно обширныхъ комнатъ. Въ соприкосновеніи съ воздухомъ онъ высыхалъ и получалъ большую твердость.

По направленію галерей въ катакомбахъ не трудно замѣтить, что хрістіане постоянно искали слоя туфа зернистаго и удалялись отъ слоевъ твердаго камня и чистой поццоланы. Слѣдовательно, нельзя предположить, что катакомбы образовались по мѣрѣ того, какъ Римляне добывали изъ земли строительные матеріалы, -- туфъ вынутый изъ нихъ не могъ идти ни на какое употребленіе, ни въ какую торговлю.

Если и встрѣчаются иногда, впрочемъ очень рѣдко, галереи катакомбъ проведенныя въ пластахъ чистой поццоланы или крѣпкаго зернистаго туфа, годнаго на постройку, то они не начинаются въ этихъ слояхъ, и встрѣчаютъ ихъ на пути своего развитія, притомъ протяженіе ихъ такъ незначительно, что они должны считаться исключеніемъ.

Двѣ катакомбы, Ponziano al Monte Verde и Valentino возлѣ дороги Фламинія, находящіяся не въ волчаническомъ грунтѣ, а въ слояхъ морскаго и рѣчнаго осадка, выкопаны также въ такой землѣ, которая не была годна ни на какое употребленіе.

IV.

Архитектурная форма катакомбъ еще болѣе, чѣмъ свойства земли, гдѣ онѣ находятся, подтверждаетъ ихъ христіанское происхожденіе.

Сравнивая аренаріи и каменоломни древнихъ Римлянъ съ катакомбами, находишь между ними большую разницу, — первыя произошли отъ добыванія изъ земли строительныхъ матеріаловъ, въ слѣдствіе торговаго предпріятія, и это постоянно проявляется въ ихъ формѣ и расположеніи. Широкія и просторныя галереи ихъ проведены въ одинъ этажъ и имѣютъ почти всюду одинакую вышину. Въ каменоломняхъ онѣ разбѣрены и устроены съ тою тщательностію, можно даже сказать съ тою изысканностію, которою отличаются работы древнихъ Римлянъ, не исключая самыхъ грубыхъ, всего менѣе способныхъ принять правильную и красивую форму. Ширина и просторъ были необходимы въ этихъ подземныхъ пещерахъ, для движенія работниковъ, нагруженныхъ матеріаломъ, и для болѣе обильнаго добыванія его. Въ коняхъ поццоланы бока галерей представляютъ кривую вогнутую линію, потому что поццолана по причинѣ своей рыхлости не могла держаться и осыпалась.

Катакомбы напротивъ имѣютъ постоянно одну и ту-же форму, совершенно различную отъ каменоломней или аренарій. Онѣ вырыты въ нѣсколько, иногда въ пять этажей; галереи ихъ различной вышины, пересекаются почти всегда подъ прямыми углами, и до того узки, что идя занимаешь всю ширину хода, рѣдко два человѣка могутъ идти въ нихъ рядомъ. Бока галерей совершенно прямы въ катакомбахъ, какъ стѣны дома, и разбѣрены по числу нишей, которыя въ нихъ высѣчены; не трудно также замѣтить, что ходы вырыты для извѣстнаго количества

гробницъ, а не эти послѣднія устроены въ прежде существовавшихъ подземельяхъ. Иногда галереи не много превышаютъ обыкновенный человѣческій ростъ, но часто въ три или четыре раза выше; потолки ихъ обыкновенно плоски, иногда нѣсколько сводисты.

Добываніе какова бы то ни было матеріала въ этихъ ходахъ, гдѣ съ трудомъ можетъ повернуться одинъ человѣкъ, или въ небольшихъ комнатахъ, соединенныхъ съ галереями узкими дверьми, не только было бы трудно, но и положительно невозможно. Что прежде всего бросается въ глаза даже и поверхностному наблюдателю въ катакомбахъ, это — желаніе, выкапывая галереи, какъ можно меньше добыть зернистаго туфа, при возможно большемъ устройствѣ гробницъ; ни одинъ футъ земли не пропадаетъ даромъ, все разчтано такъ, что отъ верха до низа, отъ поворота до поворота, приходилось извѣстное число нишей. Надо также прибавить, что какъ не открыты древнія копи поцоланы и каменоломни, приближающіяся по своимъ формамъ къ подземнымъ кладбищамъ, такъ не найдено еще катакомбъ пустыхъ, совершенно не занятыхъ гробницами.

Такимъ образомъ самыя формы катакомбъ, постоянно неизмѣнныя во всѣхъ свойствахъ грунта земли, какъ нельзя лучше доказываютъ, что только одна мысль занимала ихъ работниковъ: проводить узкія и по возможности высокія галереи, и высѣкать въ стѣнахъ ихъ горизонтальныя гробницы, одна надъ другой, въ нѣсколько ярусовъ.

До какой степени копи поцоланы древнихъ Римлянъ различны отъ катакомбъ, очень хорошо видно въ подземномъ кладбищѣ Св. Агніи, надъ которымъ находятся аренаріи, соединенныя съ нимъ посредствомъ гѣстницъ и колодцевъ.

Подобныя сообщенія встрѣчаются впрочемъ довольно часто. Изъ аренарій во времена преслѣдованій были проведены скрытыя ходы въ катакомбы, когда посѣщеніе послѣднихъ было запрещено специальными эдиктами императоровъ.

Весьма вѣроятно, что во времена гоненій нѣкоторыя галереи начались отъ аренарій. Есть даже примѣры превращенія ихъ въ кладбище; въ такомъ случаѣ оставленныя копи поцоланы составляютъ верхній этажъ катакомбы, или только часть его, дальнѣйшее-же развитіе и низшіе ярусы — работа однихъ христіанъ. ●

Нѣсколько подобныхъ катакомбъ найдено уже въ римской кампаніи, — это именно тѣ, которые въ дѣяніяхъ мучениковъ названы: *ad arenaŕium*,

in aeneagio, суртае аепагіае, что ввело въ заблужденіе многихъ изслѣдователей подземнаго Рима и заставило ихъ предполагать, что катакомбы—безъ исключенія пещеры, образовавшіяся въ слѣдствіе добыванія поцоланы.

Но эти превращенія аренарій въ владбища встрѣчаются довольно рѣдко, оно и не могло быть удобно, потому что, по причинѣ рыхлости поцоланы, нельзя было устраивать гробницы въ нѣсколько ярусовъ; въ многихъ мѣстахъ ихъ даже вовсе не выкапывали, вѣроятно изъ опасенія, что обрушатся своды хода. Иногда рядъ могилъ вдругъ прерывается у каменной стѣны, пересекающей широкую галерею аренарій, которая безъ сомнѣнія была тутъ построена, чтобы прекратить погребеніе въ такомъ неудобномъ и опасномъ мѣстѣ. Возлѣ одной изъ подобныхъ стѣнъ былъ найденъ спускъ въ катакомбу, находящуюся ниже, въ слоѣ зернистаго туфа, обыкновенной формы и разлѣровъ.

Но всего лучше доказываютъ, что аренаріи были неудобны для устройства гробницъ, и что христіане только въ случаѣ необходимости пользовались ими, работы, произведенныя для приспособленія ихъ къ погребенію, или лучше сказать, чтобы придать имъ форму катакомбъ. Они раздѣляли пополамъ широкія галереи оставленныхъ копей поцоланы, выпрямляли ихъ по возможности, строили по срединѣ и съ боковъ галерей толстыя каменные стѣны, и въ нихъ устраивали гробницы, совершенно подобныя находящимся въ катакомбахъ.

Сообщенія съ аренаріями вѣроятно также помогали Христіанамъ скрывать во время гоненій туфъ, накопившійся въ катакомбѣ по мѣрѣ того, какъ ее выкапывали; иногда онъ долженъ былъ очень затруднять христіанъ, и они принуждены были оставлять его въ подземельѣ. Есть галереи снова до верха заваленныя землей, послѣ того какъ гробницы ихъ были заняты. Осѣвъ отъ времени она оставляетъ небольшое пространство на верху хода; изслѣдователи подземнаго Рима пользуются имъ пробираясь ползкомъ и копируя надгробныя надписи. Не трудно догадаться, что этотъ матеріалъ сложенъ тутъ первыми христіанами въ тѣ времена, когда выносить его изъ катакомбъ было опасно. Такимъ образомъ наполнялась галерея, исполнявшая свое назначеніе, и открывалась новая.

Въ исторіи постепеннаго образованія подземныхъ владбищъ, мы увидимъ другія подтвержденія, если они еще нужны, христіанскаго происхожденія катакомбъ.

У.

Всѣ римскія катакомбы находятся внѣ предѣловъ древняго города. Въ Римѣ языческомъ, точно также какъ и христіанскомъ, существовали законы, запрещающіе хоронить умершихъ и жечь ихъ тѣла въ городскихъ стѣнахъ, и не смотря на частое нарушеніе этихъ правилъ язычниками, первые Христіане, не желая вѣроятно увеличивать опасности своего положенія, устраивали кладбища внѣ Рима. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ хоронили они тайно мучениковъ въ городѣ, въ церквахъ и домахъ своихъ.

Катакомбы расположены за первой и не дальше третьей миліи отъ стѣны Сервія Туллія, преимущественно вдоль большихъ дорогъ, которыя изъ столицы шли во всѣ концы Имперіи. *) Вѣроятно онѣ начались въ одно время во многихъ мѣстахъ кругомъ Рима, и впоследствии со всѣхъ сторонъ оцѣпили городъ, по обѣ стороны Тибра. Онѣ не соединены между собою ни самою сѣтью галерей, ни отдѣльными ходами, какъ это прежде предполагали. Вырытыя большею частью въ холмахъ, катакомбы отдѣлены одна отъ другой глубокими и иногда болотистыми долинами, подъ которыми, если и возможно было проманивать галереи, для погребенія мертвыхъ, то слишкомъ сырыя и подверженныя затопленію во время разливовъ Тибра; христіане хорошо это знали, и устраивали свои кладбища въ склонахъ и спатахъ холмовъ, въ мѣстахъ сухихъ и высокихъ. Они давали галереямъ обыкновенно чрезвычайно правильное горизонтальное направленіе, и ничто въ катакомбахъ не указываетъ на желаніе соединять ихъ между собою; это не дѣлалось даже и тогда, когда было возможно. Каждая катакомба имѣетъ свое названіе и развивается самостоятельно, независимо одна отъ другой.

Величину всѣхъ катакомбъ нельзя опредѣлять точнымъ образомъ; многія изъ нихъ извѣстны только по имени и еще не найдены; цѣлыя

*) Въ исторіи Рима языческаго популярной Аппиевой дорогѣ дано торжественное названіе Матери римскихъ дорогъ; ее можно также назвать дорогою отъидающихъ, потому что она была съ обѣихъ сторонъ на большое пространство отъ Рима устлана великолѣпными гробницами аристократическихъ семействъ; тутъ-же и около разлагаются подъ землей самыя замѣчательныя христіанскія катакомбы: Praetextati ad Catacumbas, Domitillae, Basilei и Callisti. Части очень замѣчательныя и не важныя послѣдней обыкновенно показываютъ туристамъ.

части уже открытых пока завалены землей; во многія галереи ихъ доступъ или совершенно невозможенъ, или сопряженъ съ большими трудностями и опасенъ по причинѣ обваловъ.

Долго существовало совершенно ошибочное и преувеличенное понятіе о протяженіи катакомбъ; до сихъ поръ есть въ Римѣ повѣрье, что онѣ соединены галереями подходящими подъ Тибръ, что съѣзъ ихъ идетъ до морскаго берега, даже до Неаполя и т. д. Открытія, произведенныя въ последнее время, опровергли эти басни; катакомбы представляютъ отдѣльныя группы и не распространяются далѣе нѣсколькихъ миль отъ Рима.

Основываясь на глубинѣ и обширности того слоя земли и той мѣстности, въ которыхъ христіане Рима выкапывали подземныя кладбища, и принимая въ соображеніе ихъ обыкновенные размѣры, можно предположить, что галереи катакомбъ, вытянутыя въ одну линію, представили бы 860 верстъ длины. Разумѣется цифра эта приблизительная. Что же касается до числа гробницъ, то его нельзя обозначить даже и приблизительно. Такимъ образомъ мы видимъ, что величина катакомбъ и число христіанъ, погребенныхъ въ нихъ, пока еще не могутъ быть опредѣлены; но имѣетъ ли это большую важность; какъ бы то ни было, катакомбы все таки изумляютъ насъ своею громадностью, — только однѣ извѣстныя галереи ихъ представляютъ протяженіе въ нѣсколько сотъ верстъ и заключаютъ въ бовахъ своихъ миллионы гробницъ.

Катакомбъ около Рима насчитываютъ 42, *) которыя дѣлятся слѣ-

*) Всѣ христіанскія катакомбы Рима, или почти всѣ, извѣстны по имени, но крайней мѣрѣ надо такъ предполагать. Но не всѣ еще найдены, и не всѣ уже открыты излѣдованы во всѣхъ ихъ частяхъ. Работы постоянно идутъ въ Римѣ, и каждый день происходитъ новыя раскопки и новыя открытія, такъ наприимѣръ въ 1866-мъ году нашли очень замѣчательную катакомбу, находящуюся между консулярными дорогами Appia и Ardeatina возлѣ катакомбы Каллиста, извѣстную подъ именемъ Balbinae, и замѣчательную своими прекрасными архитектурными ордерами. Про это кладбище нѣсколько разъ говорить въ древнихъ указателяхъ святыхъ мѣстъ Рима и въ надписяхъ; оно было найдено случайно еще въ прошломъ столѣтіи, но по принятому тогда археологами обыкновенію не было сдѣлано никакихъ размѣровъ для возстановленія его имени и исторія. Его лишили тѣхъ памятниковъ, которые можно было перенести на поверхность земли, и потомъ снова предали забвенію. Boldetti говорить въ своемъ сочиненіи, что нашелъ большую добычу христіанскихъ надписей, фресковъ, саркофаговъ и т. д. въ комнатахъ и галереяхъ большого подземнаго кладбища, которое суди по указаніямъ этого ученаго и есть катакомба Balbinae.

дующимъ образомъ: 26 большихъ, но почти каждая изъ нихъ состав-
 лась изъ отдѣльныхъ частей (т. е. группъ ходовъ и комнатъ), которыя
 прежде существовали независимо одна отъ другой и имѣли каждая свое
 названіе; 11 малыхъ, — это большею частью гробницы мучениковъ,
 окруженные незначительною сѣтью галерей, и 5 вырытыхъ послѣ торже-
 ства христіанской религіи, т. е. послѣ Константина. Мы не будемъ пере-
 числять ихъ; длинный рядъ именъ утомитъ читателя и ничего не объяс-
 нитъ ему. Описывая катакомбы, мы будемъ называть ихъ, опредѣлять
 топографическое положеніе и время образованія ихъ.

Катакомбы вырыты обыкновенно въ нѣсколько, иногда въ пять эта-
 жей, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго толстымъ слоемъ туфа и соединен-
 ныхъ посредствомъ лѣстницъ или колодезь.

Ничего въ этихъ подземныхъ кладбищахъ не указываетъ на случай-
 ность въ исполненіи работъ, въ распредѣленіи галерей и гробницъ; на-
 противъ всюду проявляется проникательное соображеніе, вѣрный раз-
 счетъ, можно даже сказать, иногда нѣкоторый артистическій смыслъ,
 особенно въ работахъ первыхъ временъ христіанства. Галереи развива-
 ются довольно правильно одна надъ другою, съ меньшимъ по возмож-
 ности уклоненіемъ отъ горизонтальнаго направленія, и только въ рѣд-
 кихъ случаяхъ, больше въ слѣдствіе обваловъ, переходимъ изъ одного
 этажа въ другой не замѣчая этого.

Верхніе ярусы находятся почти всегда въ глубинѣ 7-ми или 8-ми
 метровъ, но при неровности земли иногда не глубже 5-ти и даже 3-хъ
 метровъ. Средніе этажи, которые обыкновенно обширнѣе и правильнѣе
 остальныхъ, вырыты на глубинѣ отъ 10-ти до 15-ти метровъ, самыя
 же низшія обыкновенно не очень обширныя, отъ 18-ми до 20-ти метровъ,
 и иногда ниже, но это бываетъ очень рѣдко. Одно изъ самыхъ глубокихъ
 мѣстъ въ римскихъ катакомбахъ—это нижній этажъ кладбища Баллиста
 возлѣ Апшіевой дороги,—онъ находится 25 метровъ подъ землею; на
 такой глубинѣ дѣлается трудно дышать и почти постоянно стоитъ вода.

VI.

Въ первыя вѣка христіанства въ катакомбы сходили прямо съ поверхности земли, по лѣстницамъ нисколько не скрытымъ во времена гоненій, изъ аренарій, или черезъ потаенныя отверстія; въ настоящее время въ нихъ спускаются по очень удобнымъ лѣстницамъ, построеннымъ или въ наши дни, или вскорѣ послѣ торжества христіанской вѣры. Пройдя всѣ ступени лѣстницы, входимъ прямо въ темную галерею, и въ бокахъ ея видишь горизонтальныя гробницы, высѣченныя въ туфѣ одна надъ другой, иногда во всей первобытной цѣлости, какъ ихъ заложили плитами семнадцать или восемнадцать столѣтій тому назадъ, но чаще уже разрушенныя неловкими изслѣдователями подземнаго Рима и искателями драгоценностей, открытыя и наполненныя кестами, которыя рассыпаются и падаютъ въ прахъ отъ прикосновенія. Ошибочно было бы предполагать, что это подземное царство мертвыхъ производитъ непріятное впечатлѣніе, когда въ него проникаешь. Съ перваго взгляда кажется, что подземелья лишены свѣта, гдѣ можно ходить только съ факеломъ въ рукахъ, наполненныя могилами и воспоминаніями мученій, преслѣдованій, темныя пещеры, которыя вѣроятно видѣли послѣднюю развязку не одной кровавой трагедіи, не одной ужасной драмы, не могутъ возбудить ничего кромѣ тяжелаго и непріятнаго ощущенія. Совершенно напротивъ, чувства прямо противоположны этимъ наполняютъ вашу душу, когда вы бродите по безмолвнымъ катакомбамъ; ничего въ нихъ не напоминаетъ вамъ перенесенныхъ страданій, ни даже смерти, и все, что васъ окружаетъ, отъ религіозныхъ изображеній до надписей, имѣетъ утѣшающее, обнадеживающее значеніе, и скорѣ радостный и веселый характеръ, чѣмъ печальное настроеніе. Ни разу вы не увидите представленія мученія или только инструментовъ казни и чрезвычайно рѣдко прочтете слово «мученикъ» на надписи.

Изображеніе страданія и смерти не было также и въ характерѣ классическаго міра и его искусства; колумбаріи и языческія гробницы, открытыя теперь въ большомъ количествѣ около Рима, въ Кампаніи, часто украшены фресками и лѣпными работами, представляющими пастушескія сцены, деревья, плоды, цвѣты, птицъ и другіе предметы, нисколько не напоминающіе смерть, а скорѣ жизнь и ея тихія свѣтлыя

удовольствія, и дышать тою любовью къ природѣ, которой преисполненъ былъ міръ классическій.

Въ катакомбахъ точно также встрѣчаешь живопись веселаго и живаго характера въ чисто классическомъ вкусѣ; но по выбору сюжетовъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, представленныхъ на стѣнахъ ихъ, и по надписямъ гробницъ видно, что христіане вовсе не были озабочены мыслию удалять все, что напоминаетъ смерть и разрушеніе, подобно Римлянамъ, но что ихъ особенно занимала идея другого рода, неясная для язычниковъ и понятная христіанамъ, именно: обѣщаніе воскресенія. Миліоны людей не лежатъ тутъ мертвыми; а скорѣе уснули, преисполненные великаго упованія и какого-то особеннаго таинственнаго ожиданія.

Надежда воскреснуть заставляла христіанъ считать смерть проходящимъ сномъ, и всюду въ катакомбахъ, вѣстѣ съ выраженіемъ того спокойствія, которое испытываетъ человѣкъ, добросовѣстно исполнившій свою работу, свой долгъ, и отдыхающій въ ожиданіи обѣщаннаго награжденія, встрѣчаешь также представленія, намекающія на воскресеніе. Рядомъ съ изображеніемъ пальмовой вѣтви *) видишь представленія, обѣщающія помощь небесную во время несчастій и гоненій, какъ напримѣръ излѣченіе расслабленнаго, Даніилъ въ положеніи молящагося между львами, три отрока также молящіеся въ огненной печи, но всего чаще тѣ событія, въ которыхъ просвѣчиваетъ мысль воскресенія, какъ напримѣръ Лазарь поднимающійся по слову Спасителя, Іона поглощенный и изверженный чудовищемъ и другія тому подобныя представленія. Оно и не могло быть иначе, — вѣра въ воскресеніе тѣла, представляющая столько утѣшительнаго, особенно во времена страданій общества, во времена гоненій, должна была сдѣлаться однимъ изъ главныхъ догматовъ христіанской религіи, съ первыхъ минутъ ея появленія и всего болѣе способствовать ея распространенію. Это не было болѣе то неопредѣленное, темное понятіе о загробномъ существованіи, о продолженіи жизни въ гробницѣ, и тѣ неясныя идеи о безсмертіи души, болѣе философскія чѣмъ догматическія, Римлянъ язычниковъ, — это было положительное обѣщаніе воскресенія тѣла и жизни будущей, въ такой опредѣленной формѣ, какую не давала ни одна изъ существовавшихъ прежде религій, идея понятная

*) Въ Римѣ языческою она была символомъ побѣды; первые христіане выражали ею также побѣду надъ жизнью и ея искушеніями, побѣду надъ смертію, посредствомъ воскресенія, и часто рисовали ее возлѣ надгробныхъ надписей.

каждому, которая глубоко западала въ душу и открывала новые загробные горизонты. Эта мысль всего болѣе занимала первыхъ христіанъ и была особенно пріятна имъ.

Потому-то мы замѣчаемъ такое различіе во взглядѣ на смерть между первыми христіанами и язычниками. Языческія надгробныя надписи наполнены жалобами оставшихся и сожалѣніями умершихъ о жизни; мертвые у нихъ находятся въ глубокой и непроницаемой тьмѣ и не перестаютъ упрекать боговъ, что они отторгли ихъ отъ близкихъ и отъ жизни. У христіанъ совершенно напротивъ, не встрѣчаешь ничего подобнаго. Вообще тонъ нѣжный и примирительный преобладаетъ въ ихъ памятникахъ и надписяхъ; въ нихъ никогда не выражено сожалѣнія о жизни, смерть не названа несчастіемъ, а переходомъ (*transitus*). Про умершихъ сказано, что они покоятся въ мѣстахъ свѣта, прохладенія, мира (*requiescit in loco refrigerii, luminis, pacis*), что умершій спитъ въ мирѣ (*dormit in pace, in somno pacis*), что тѣло его только поручено землѣ, что такой-то спитъ тутъ въ мирѣ (*dormit hic in pace*). Самыя катакомбы называются у христіанъ *coemeterium*, отъ греческаго *κοιμητήριον*, что на этомъ языкѣ означаетъ мѣсто, гдѣ спать, и соответствуетъ русскому — усыпальница. Такъ иногда названы подземныя кладбища въ дѣяніи мучениковъ и на надписяхъ. Комнаты въ катакомбахъ, по большей части фамиліные склепы, гдѣ собирались христіане для совершенія религиозныхъ обрядовъ, носили у нихъ названіе *cubiculum, cubicula*, какъ покои у Римлянъ язычниковъ, назначенные для отдохновенія и сна. Слова *depositio, depositus*, часто начерченные на гробницахъ христіанъ, означающія «положенъ на время», «временно порученъ», имѣютъ чисто христіанскій смыслъ и не встрѣчаются у язычниковъ. Гробница у послѣднихъ названа вѣчнымъ домомъ, *domus aeterna, domus aeternalis*.

Все въ катакомбахъ говоритъ намъ о снѣ умершихъ, и ничто не напоминаетъ смерти и разрушенія.

Названіе *Coemeterium*, которое мы объяснили выше, давали у христіанъ всякому кладбищу частному или общему, иногда одной гробницѣ. *Cryptae* (крипты), т. е. подземелье, въ которомъ хоронятъ, назывались въ Римѣ христіанскія кладбища, вырытыя въ землѣ. Слово это на греческомъ языкѣ означаетъ тайный, скрытый.

Въ первые вѣка христіанства, катакомбы назывались всего чаще *coemeterium* и *crypta*. Происхожденіе слова катакомбы (*catacumbae*)

неизвѣстно, и объясняется различнымъ образомъ. Это названіе давали прежде только той части кладбища св. Севастіана (*ad catacumbas*) вѣзлѣ *Via Appia*, гдѣ, согласно древней легенды западной церкви, были положены на время тѣла апостоловъ Петра и Павла, отнятыя у восточныхъ христіанъ, которые, узнавъ ихъ кончину, пришли за этой драгоценной святыней, и уже уносили ее изъ Рима. Слово «катакомбы» ни разу не встрѣчается въ христіанскихъ надписяхъ первыхъ временъ. Только въ среднія вѣка стали называть катакомбами безъ различія всѣ подземныя христіанскія кладбища, находящіяся въ римской Кампаніи, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Неаполѣ, въ Вьози, въ Миланѣ и т. д.

Прямымъ послѣдствіемъ вѣры въ воскресеніе тѣла было уваженіе къ праху умершаго, которому надлежало воскреснуть, и потому гробницы у первыхъ христіанъ получаютъ особенное значеніе. Главной заботой ихъ становится погребеніе умершихъ; мертвые дѣлаются имъ особенно дороги, и всѣ заботы живыхъ направлены на приготовленіе себѣ могилы, гдѣ они послѣ смерти будутъ ожидать воскресенія.

Фамилныя склепы, богатые и украшенные фресками и саркофагами, являются у христіанъ уже въ первыя времена распространенія новой религіи въ Римѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, что бѣдные не имѣли гробницъ, что тѣла ихъ не были похоронены отдѣльно, приличнымъ образомъ; напротивъ, рядомъ съ мѣстами погребенія богатыхъ видишь въ катакомбахъ и могилы неимущихъ. Церковь не разъ выражала мнѣніе, что нѣтъ обязанности болѣе священной, какъ преданіе землѣ тѣлъ мучениковъ и вообще христіанъ; для этого разрѣшалась даже продажа драгоценной церковной утвари. Общая казна шла на содержаніе вдовъ, сиротъ и на погребеніе бѣдныхъ. Но христіане сами заботились при жизни о приготовленіи себѣ гробницы. По надписямъ видно, какую важность они придавали попеченіямъ этого рода. Часто родственники дѣлали гробницу умершему и упоминали объ этомъ, какъ бы радуясь, что исполнили свой долгъ предъ покойникомъ. На одной изъ такихъ надписей сказано, что жена своими попеченіями приготовила мѣсто успокоенія для себя, для мужа и для дѣтей. На другой, родители говорятъ про ихъ «сладчайшаго», *dulcissimus* (такъ часто названы умершія въ катакомбныхъ эпитафіяхъ), сына, что онъ при жизни купилъ себѣ гробницу на деньги заработанныя имъ. Иногда гробницу получали въ даръ, какъ

это видно изъ слѣдующей надписи: «Эту гробницу я получилъ отъ та-кого-то дражайшаго друга.»

Вмѣстѣ съ этимъ попеченіемъ о могилѣ соединялась также забота, чтобы тѣло по возможности во всей цѣлости было положено въ гробницу; это происходило отъ повѣрья очень распространеннаго, можно даже сказать съ раннихъ временъ христіанства, что если тѣло будетъ сожжено, схоронено по частямъ, или разбросано, то воскресеніе его сдѣлается невозможнымъ. Мученики идя на казнь заботились о томъ, чтобы члены ихъ были собраны и положены вмѣстѣ въ землю, а не сожжены; просили объ этомъ друзей своихъ, палачей и иногда платили послѣднимъ за это. Съ своей стороны гонители, чтобы продлить послѣ смерти наказаніе упорныхъ христіанъ, и испугать еще живыхъ, не позволяли иногда хоронить мучениковъ, сжигали ихъ тѣла и раскидывали ихъ члены.

Мольбами и угрозами защищали христіане свои гробницы отъ разоренія и прахъ свой отъ оскверненія. Надгробныя надписи полны подобными просьбами и угрозами; *) онѣ впрочемъ принадлежатъ по большей части къ четвертому и послѣдующимъ столѣтіямъ, когда вошло въ обыкновеніе пользоваться старыми гробницами, вмѣсто того, чтобы выкапывать новыя. Въ первыя времена это только просьбы иногда довольно наивныя и трогательныя не тревожить сладкій сонъ ихъ, не нарушать спокойствія ихъ праха, которыя пишутъ часто отъ имени умершаго; но впоследствии тонъ мѣняется, и разрушителью гробницы, тому, кто ее откроетъ, кто положитъ въ нее другой трупъ, грозятъ проклятіемъ, пророчатъ ему, что онъ умретъ послѣднимъ изъ своихъ, не будетъ погребенъ и не воскреснетъ, — призываютъ его на судъ Божій и т. д.

Подобныя угрозы встрѣчаются и въ языческихъ надписяхъ, и они иногда заключаютъ слѣдующее: Да будутъ Боги неба и ада озлоблены противъ того, кто нарушитъ мое спокойствіе; да оскорбятъ его прахъ другіе, какъ онъ оскорбилъ мой и т. д. Римлянѣ точно также озабочивала мысль успокоенія ихъ праха, и если они могли предвидѣть, что тѣло ихъ послѣ смерти не будетъ прилично похоронено, не удостоится.

*) Ихъ встрѣчаютъ преимущественно въ энграеіяхъ гробницъ расположенныхъ на неварности земли, какъ болѣе катаклизмахъ подверженныхъ разрушенію и уничтоженію.

костра, сдѣлается добычею хищныхъ птицъ или звѣрей, то это было для нихъ предметомъ большихъ безпокойствъ; можно сказать, что весь античный міръ наполненъ тревожной заботой о судьбѣ тѣла послѣ смерти.

Но причина этихъ попеченій не одна и та-же у язычниковъ и у христіанъ. Первые вѣрили въ какое то неопредѣленное продолженіе существованія послѣ смерти и боялись, что рука святотатца обезпокоитъ ихъ загробную жизнь или сдѣлаетъ ее невозможной, уничтоживъ ихъ тѣло; христіане же боялись, что разсѣяніемъ ихъ праха и раздѣленіемъ ихъ членовъ будетъ положено какъ бы нѣкоторое препятствіе воскресенію тѣла.

Но если и проявляется въ катакомбахъ эта нѣсколько тревожная забота о сохраненіи праха умершихъ для воскресенія, и если она принимаетъ иногда характеръ суевѣрія, то надо сознаться, что это въ то-же время создавало въ первобытномъ христіанскомъ обществѣ родъ равенства передъ могилкой, заставляло смотрѣть съ одинаковымъ уваженіемъ на прахъ людей всѣхъ состояній и давало бѣднымъ право на гробницу.

Этимъ особенно отличается христіанскій способъ погребенія отъ языческаго. Въ древнемъ Римѣ было полное пренебреженіе къ трупу умершаго бѣднаго, о тѣлѣ богатаго заботились его наследники; что-же касается до погребенія немущихъ, рабовъ и вообще всѣхъ, кому родные или друзья не могли доставить роскоши костра и гробницы, общество брало на себя обязанность уничтожать ихъ остатки.

Тѣла ихъ бросали одно на другое вмѣстѣ съ трупами животныхъ въ нарочно для того вырытыя ямы (puticoli), гдѣ они гнили и иногда дѣлались добычею хищныхъ звѣрей. Горацій въ одной изъ своихъ сатиръ съ отвращеніемъ говоритъ объ этихъ общихъ гробницахъ, которыя находились на Эсквилинскомъ холмѣ; онѣ были перенесены оттуда Августомъ въ видахъ общественнаго здоровья. Впослѣдствіи мѣсто ихъ заняли дворцы и сады Мecenата.

Для бѣдныхъ существовали также въ Римѣ общественныя костры (ustrinae publicae). Они находились за городомъ, въ мѣстахъ окруженныхъ каменными стѣнами, гдѣ безъ всякихъ обрядовъ сжигали кучами тѣла рабовъ и немущихъ, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ смолистаго дерева, дымомъ своимъ очищавшаго воздухъ.

У христіанъ не встрѣчаешь ничего подобнаго, ихъ катакомбы имѣютъ по преимуществу общественный характеръ. Ни экономія мѣста, ни какія бы то ни было другія причины и соображенія не заставляютъ ихъ об-

ращаться презрительно съ прахомъ бѣднаго. Каждый покойникъ, кто бы онъ ни былъ, имѣетъ свою отдѣльную гробницу, остатки его не смѣшаны съ прахомъ другихъ; община заботится объ этомъ, и даетъ ему мѣсто, гдѣ онъ будетъ лежать въ ожиданіи великаго дня.

Только христіане поняли и возвели въ принципъ уваженіе къ праху мертваго, вслѣдствіе вѣры ихъ въ воскресеніе тѣла.

VII.

Если читатель никогда не видѣлъ катакомбъ, то легко можетъ себѣ представить ихъ. Это сѣтъ подземныхъ галерей, о размѣрахъ которыхъ мы уже говорили выше, соединяющихъ комнаты различной формы и величины, также высѣченные въ туфѣ. Катакомбы прежде всего назначены были для погребенія и потому онѣ устроены такъ, чтобы дать по возможности мѣсто большому числу гробницъ. Галереи въ нихъ не служатъ для перехода изъ одной части въ другую, онѣ составляютъ самое кладбище; въ бокахъ ихъ, равно какъ и въ бокахъ комнатъ, высѣчены въ туфѣ горизонтальныя ниши въ длину помѣщеннаго тѣла. Эти углубленія, которыя можно сравнить съ полками шкафа, расположены ярусами, иногда до двѣнадцати, и занимаютъ всю сторону галереи и комнаты отъ верха до низу. Стѣнка въ нѣсколько дюймовъ толщины, оставленная въ туфѣ, отдѣляетъ ихъ одну отъ другой; они нѣсколько шире въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ голова, и на столько высоки, чтобы дать свободное помѣщеніе тѣлу умершаго.

Гробницы такой формы назывались *locus*, *loculus*. *) Онѣ вырыты обыкновенно для одного трупа; иногда впрочемъ, когда грунтъ земли позволялъ выкапывать болѣе глубокія ниши, въ нихъ находились до пятнадцати тѣлъ, положенныхъ одно возлѣ другаго и заботливо отдѣленныхъ.

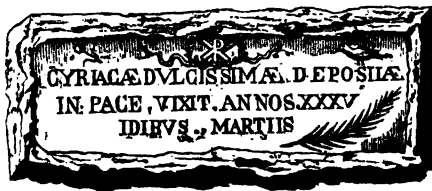
*) Слова эти часто встрѣчаются на христіанскихъ и языческихъ надписяхъ, и означали собственно мѣсто, куда вложи тѣло покойника.

Это случается довольно рѣдко. Гробницы двойныя (bisomus), тройныя (trisomus), четверныя (quadrisomus) попадаются чаще. На многихъ надписяхъ въ родѣ слѣдующей говорится о гробницахъ двойныхъ, тройныхъ и т. д. «Nec est locus quem se viva Gentia bisomu comparavit». Это мѣсто при жизни купила Gentia для двойной гробницы.

Loculus выкапывъ обыкновенно такъ, чтобы тѣло умершаго лежало въ немъ вытянутымъ, не въ искривленномъ положеніи. Если есть гробницы кривыя, то они встрѣчаются очень рѣдко. Вѣроятно для болѣе правильнаго распредѣленія loculi, можетъ быть также, для сбереженія мѣста, людей одного возраста хоронили вмѣстѣ, такъ напримѣръ въ катакомбахъ Сириаки можно видѣть три параллельныя яруса гробницъ, для взрослыхъ, для средняго возраста и для младенцевъ.

Отверстія loculus закрывали плитами (tabulae), которыя вставляли въ карнизъ, нарочно для того оставленный въ туфѣ съ наружной стороны, и замазывали ихъ цементомъ, такъ что гробница была герметически заперта, и гніеніе тѣла не заражало воздуха. Благодаря этой предосторожности и свойству зернистаго туфа, втягивать и поглощать всякую влажность, галереи и комнаты катакомбъ были постоянно доступны не только для посѣщенія, но и для продолжительнаго пребыванія въ нихъ, не смотря на то, что ихъ наполняли мертвыя тѣла. Плоскія и довольно тонкія черепицы, которыми Римляне крыли кровли зданій, часто служили христіанамъ, чтобы закрывать loculi; ихъ обыкновенно было три, иногда онѣ замѣнялись мраморными плитами или сплошною мраморною доскою. На этихъ плитахъ или черепицахъ, вырѣзывали или писали надгробную надпись, имя усопшаго, его возрастъ, день его смерти, погребенія и изображали нѣсколько символическихъ знаковъ.

Рис. 1.

Приложенный рисунокъ № 1., взятый изъ сочиненія Martigny, Dictionnaire etc., изображаетъ гробницу (loculus) запертую съ надписью: «Кириака сладчайшей положенной съ миромъ; жила 35 лѣтъ; иды марта»,

и съ четырьмя символическими знаками, очень часто употребляемыми первыми христіанами,—монограмма Христа, пальмовая вѣтвь, голубь съ оливковою вѣткою и яворъ.

Рис. 2.

На рисунѣ № 2., взятомъ изъ сочиненія Martigny, Dictionnaire etc., читатель видитъ loculus, у котораго вынуты двѣ плиты, такъ что можно видѣть положеніе тѣла въ гробницѣ; на цементѣ, соединяющемъ плиты, изображеніе пальмовой вѣтви.

Рис. 3.

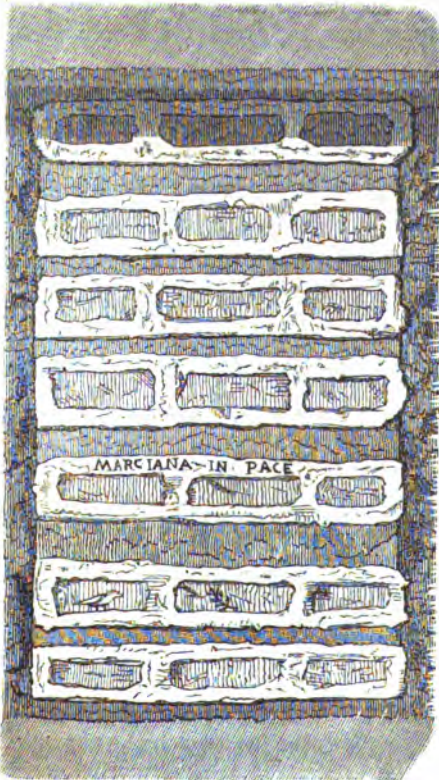
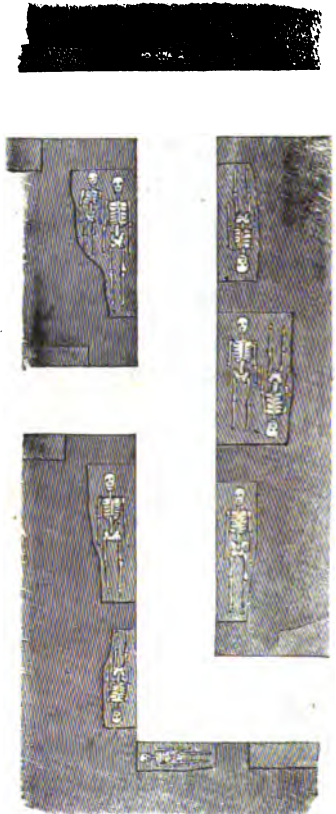

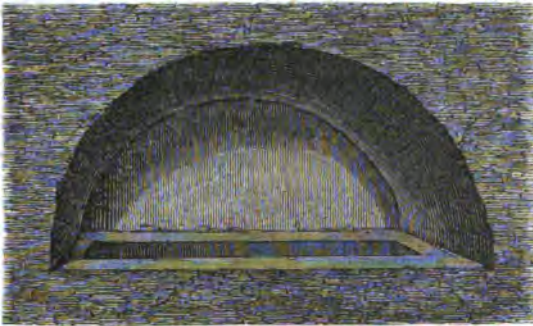
Рис. 4.

Рисунокъ № 3., взятый изъ сочиненія Р. Marchi, Monumenti etc., изображаетъ заложенныя гробницы, одна надъ другой, какъ ихъ находятъ въ галереяхъ катакомбъ; а рисунокъ № 4., взятый изъ сочиненія Р. Marchi Monumenti etc., горизонтальный разрѣзъ гробницъ въ галереяхъ и положеніе тѣлъ умершихъ.

Кромѣ горизонтальныхъ нишъ (loculus) встрѣчаются также гробницы, имѣющія форму арки и называемыя *arcosolium*. Онѣ также высѣчены въ бокахъ галерей, и подъ аркой въ толщинѣ туфа вырыта самая гробница, имѣющая видъ четырехугольнаго продолговатаго углубленія, какъ это видно на рисункѣ № 5., взятомъ изъ сочиненія G. V. de Rossi, Roma Sotterranea Т. II. Ея мѣсто иногда занималъ саркофагъ.

Рис. 5.

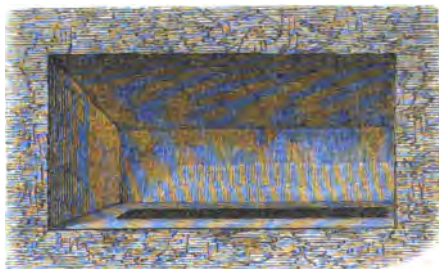
Арка надъ подобными гробницами образовалась вѣроятно потому, что для выкапыванія ихъ, для помѣщенія покойника въ саркофагъ и для утвержденія на послѣднемъ его верхней части или крышки необходимо было сдѣлать небольшое углубленіе въ туфѣ, въ которомъ могъ бы работать могильщикъ. Этому углубленію давали форму арки, отчего и произошло названіе *arcosolium*. (*Solium* называли Римляне язычники богатые саркофаги или погребальныя урны. Христіане давали иногда это названіе саркофагамъ, въ которыхъ лежали мощи святыхъ, и которые стояли подъ престолами.) Слово *arcosolium* сдѣлалось извѣстно изъ многочисленныхъ христіанскихъ надписей въ родѣ слѣдующей: «*Aur Celsi et Aur Ilaritatis compari mees fecimus nobis et nostris et amicis arcosolio cum pareticulo suo in pacem*» и т. е. Авр. Бельсъ и Авр. Иларитасъ (собственныя имена мужа и жены) сдѣлали для себя, для нашихъ и для друзей этотъ *arcosolium* съ его стѣнкой; въ мирѣ. (Этими послѣдними словами очень часто кончаются надгробныя

надписи въ катакомбахъ). Стѣнка, о которой говорится въ надписи, отдѣляла углубленіе, т. е. то мѣсто, гдѣ лежалъ покойникъ, отъ галереи, и по большой части оставалась въ толщинѣ туфа; но иногда была сложена изъ кирпичей или плитъ; наружная часть ея, равно какъ и глубина ниши или арки, и ея внутреннія стороны часто украшены живописью, изображающею сцены изъ Вѣтхаго завѣта, Добраго пастыря, Богородицу, христіанскія событія, молящихся и т. д.

Argosolium дѣлился иногда на нѣсколько частей, и былъ своего рода семейной гробницей, какъ это видно по надписи приведенной выше и по многимъ другимъ подобнымъ, въ которыхъ сказано, что онъ сдѣланъ на счетъ своихъ хозяевъ для близкихъ и друзей.

Встрѣчаются также въ катакомбахъ гробницы, у которыхъ низшая часть совершенно похожа на *argosolium*, но верхняя вмѣсто арки имѣетъ четырехугольную продолговатую нишу; *) иногда ее задѣлывали плитами у отверстія, и тогда она снаружи имѣла видъ обыкновеннаго запертаго *loculus*. Гробницы подобной формы принадлежатъ къ первымъ временамъ христіанства; тогда ихъ дѣлали чаще, чѣмъ *argosolium*,

Рис. 6.

который только въ послѣдствіи вошелъ въ большое употребленіе; но не смотря на то, что слово *argosolium* не встрѣчается въ римскихъ нехристіанскихъ надписяхъ, гробницы съ арками и четырехугольными продолговатыми нишами были извѣстны Римлянамъ, Евреямъ, послѣдователямъ восточныхъ вѣрованій, и видны въ ихъ склепахъ. Слѣдуетъ потому предположить, что христіане переняли у нихъ гробницы этой формы, давъ имъ особенное названіе.

*) Смотри рисунокъ № 6-ой, взятый изъ сочиненія G. B. de Rossi, Roma Sotteranea. Т. II.

Но что несомнѣнно принадлежитъ христіанамъ, это превращеніе *arcosolium* со сводистой или четырехугольной нишей въ престолъ.

Съ первыхъ временъ распространенія христіанства въ Римѣ, послѣдователи новой религіи собирались въ своихъ подземныхъ кладбищахъ къ могиламъ мучениковъ въ день ихъ смерти, украшали ихъ цвѣтами, зажигали около нихъ небольшія глиняныя лампы съ различными символическими изображеніями, и на гробницахъ этихъ героевъ вѣры, вспоминая ихъ подвиги, поддрѣпляли себя ихъ примѣромъ и молились. За этимъ слѣдовали общественныя братскія пиршества, называемыя «агаре» (слово означающее на греческомъ языкѣ любовь, милосердіе). А такъ какъ *arcosolium* можно было высѣкать въ туфѣ только въ низшемъ ярусѣ гробницъ, непосредственно надъ землей, то таинства совершались надъ прахомъ мученика (если онъ лежалъ въ *arcosolium*, а не въ обыкновенной гробницѣ *loculus*) на мраморной доскѣ, называемой *mensa*, которая покрывала саркофагъ или, если его не было, гробницу *arcosolium*. Эти доски не всегда были крышами; ихъ переносили съ одной гробницы на другую, въ день поминаенія умершаго, какъ это видно по кольцамъ, часто приврѣпленнымъ къ нимъ.

Такимъ образомъ вошло въ обыкновеніе, принятое впоследствии во всей церкви, совершать таинство надъ мощами мучениковъ или святыхъ, и въ катакомбахъ слѣдуетъ искать первоначальный типъ христіанскихъ престоловъ. Очень рѣдко совершали таинство не надъ прахомъ мученика, а на мраморной доскѣ, нарочно вдѣланной возлѣ его гробницы въ туфѣ. Въ нѣкоторыхъ катакомбныхъ комнатахъ, въ сторонѣ находящейся противъ входа, сдѣлана первоначально только одна гробница, формы *arcosolium*, или съ четырехугольной нишей, и въ этомъ можно видѣть какъ бы намѣреніе устроить престолъ. Есть саркофаги, выступающіе нѣсколько впередъ изъ подъ арки, безъ сомнѣнія назначенные служить престоломи; въ католической церкви престолы до сихъ поръ сохранили форму продолговатыхъ саркофаговъ. Въ комнатахъ большаго размѣра, гдѣ собирались не только для поминаенія мучениковъ и вообще христіанъ въ день ихъ смерти, но также для проповѣдей и церковныхъ церемоній, были найдены престолы четырехугольные, стоящіе не у стѣны, а по серединѣ комнаты. Противъ нихъ находится обыкновенно кресло епископа, въ особенной ниши высѣченное въ туфѣ. Престолы отдѣльно стоящіе, не гробницы, вѣроятно перенятые христіанами у Евреевъ, находятъ въ катакомбахъ гораздо рѣже, чѣмъ престолы гробницы.

Саркофаги вошли въ употребленіе у христіанъ съ самыхъ раннихъ временъ *) и хотя большая часть гробовъ этого рода принадлежитъ къ четвертому и послѣдующимъ столѣтіямъ, но нѣкоторые изъ нихъ, найденные цѣлыми или въ кускахъ, по стилю ихъ барельефовъ слѣдуетъ отнести къ предшествующимъ вѣкамъ, и даже къ хорошему періоду римскаго искусства. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего неправдоподобнаго.

Если христіане до торжества церкви т. е. до Константина, во времена спокойствія и терпимости, иногда довольно продолжительныя, могли строить въ Римѣ церкви не въ катакомбахъ, и на поверхности земли, нисколько не скрываясь, то тѣмъ болѣе богатые и знатные Римляне (въ средѣ которыхъ христіанское ученіе съ первой минуты своего распространенія нашло гораздо большее число послѣдователей, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ) могли устраивать себѣ богатые гробницы изъ мрамора на подобіе тѣхъ, которыя употребляли Римляне не христіане.

Въ Римѣ языческомъ саркофаги, перенятыя у сосѣднихъ Этрусковъ, были въ употребленіи съ самыхъ раннихъ временъ существованія этого города, но число ихъ стало умножаться съ перваго вѣка имперіи, когда обыкновеніе сжигать тѣла мало по малу стали оставлять, и древній обычай хоронить ихъ, который никогда не прекращался совершенно, снова началъ распространяться. Это были продолговатыя, четырехугольныя гробы, формы высокихъ ящиковъ, мраморныя или каменные (у Этрусковъ изъ обожженной глины), часто вырубленные въ одномъ кускѣ, и покрытыя крышею изъ того-же матеріала. Они бывали различныхъ размѣровъ, начиная отъ величины обыкновеннаго гроба, въ который можно помѣстить только одно тѣло, до большихъ, для нѣсколькихъ умершихъ, раздѣленные внутри. Иногда въ саркофагъ колоссальныхъ размѣровъ помѣщали только одно тѣло, но въ такомъ случаѣ лица чрезвычайно значительнаго при жизни, какъ напримѣръ императора, папъ или члена царствующаго дома. Тѣ два громадные саркофага изъ цѣльнаго куска порфира, которые находятся теперь въ Ватиканскомъ музеѣ, служили,

*) Мы увидимъ ниже, что нѣкоторыя части катакомбъ, образованіе которыхъ слѣдуетъ отнести къ первымъ временамъ распространенія новой религіи въ Римѣ, не имѣютъ ни горизонтальныхъ гробницъ, ни *arcosolium*, а только ниши для постановки саркофаговъ. *Arcosolium* съ аркой или съ четырехугольной нишей есть также своего рода саркофагъ, вырубленный въ туфѣ, и составляетъ, такъ сказать переходъ въ *nicu* отъ *loculus*.

как предполагаютъ, гробницами—одинъ Констанціи, дочери императора Константина; другой его матери, св. Елены.

Барельефы иногда видны на наружныхъ частяхъ саркофаговъ; рѣдко на всѣхъ четырехъ сторонахъ его, чаще на одной продолговатой и двухъ боковыхъ. Обыкновеніе украшать подобныя гробницы скульптурными работами существовало у многихъ народовъ древнаго міра, у Египтянъ, Этрурянъ и т. д., и Римляне вѣроятно переняли его у послѣднихъ.

Сюжеты, изображенныя на языческихъ саркофагахъ по большей части заимствованы изъ мифологии, но иногда изъ ежедневной жизни, и въ нихъ виденъ намекъ на занятія умершаго; часто представлены работы Геркулеса, охота Мелеагра, Музы и т. д. или главное событіе существованія покойника, какъ напримѣръ его свадьба, триумфъ. Очень обыкновенны также сцены символическаго значенія, какъ напримѣръ Діана, будящая Эндимиона поцѣлуемъ, Бахусъ приближающійся въ спящей Ариаднѣ: явное выраженіе надежды на загробное существованіе, начинающееся въ ту минуту, когда умершій проснется въ объятіяхъ любящаго божества. Истребленіемъ семейства Нюбидовъ и похищеніемъ Прозерпины Плутономъ выражена менѣе утѣшительная мысль о жестокомъ произволѣ боговъ, умерщвляющихъ смертныхъ и отторгающихъ ихъ отъ близкихъ, отъ жизни и друзей. Второе изъ этихъ изображеній могло имѣть и не столь печальный смыслъ, если принять въ соображеніе возвращеніе Прозерпины на землю. Въ срединѣ между этими сценами не рѣдко видишь барельефные портреты или бюсты погребенныхъ, поддерживаемые крылатыми гениями, обыкновенно мужа и жены, руки которыхъ соединены, какъ бы для послѣдняго прощанія, или для нѣжнаго увѣренія въ продолженіи загробомъ супружеской любви и вѣрности. На крышкахъ нѣкоторыхъ саркофаговъ супруги представлены въ полулежачемъ положеніи, иногда во весь ростъ.

Барельефныя работы саркофаговъ по большей части имѣютъ мало артистическаго достоинства. Очень вѣроятно, что они дюжинами изготовлялись въ мастерскихъ, и выбирались потомъ покупателемъ по его вкусу. Христіанскіе саркофаги имѣютъ совершенно форму языческихъ, но только вмѣсто мифологическихъ фигуръ на барельефахъ ихъ представлены сцены изъ Ветхаго Завѣта или изъ жизни Спасителя, имѣющія символическій смыслъ, какъ напримѣръ превращеніе воды въ вино и умноженіе хлѣбовъ, что изображало таинство евхаристіи; воскрешеніе Лазаря, какъ мы уже говорили, выраженіе надежды на возстаніе изъ мертвыхъ,

или просто сельскія сцены, не безъ скрытаго смысла, какъ наприѣръ: жатвы, что могло означать вознагражденіе послѣ смерти за труды жизни; времена года, — зима изображала у христіанъ конецъ человѣческой жизни, а весна — жизнь будущую.

Фигуры и сцены, представленныя на саркофагахъ, почти всегда имѣютъ болѣе темный, болѣе тайный смыслъ, чѣмъ фрески въ подземныхъ кладбищахъ; и въ Римѣ, гдѣ христіанское искусство, скрытое въ катакомбахъ приняло въ первыя три столѣтія такое значительное развитіе, совершенно различны были изображенія живописи и скульптуры. Въ первой мы встрѣчаемъ историческія сцены изъ Ветхаго и Новаго Заветъа, символическаго значенія, фигуры Христа, Богородицы, Апостоловъ и вѣрующихъ въ положеніи молящихся, иногда даже представленіе таинства евхаристіи и крещенія. Совершенно напро́тивъ въ скульптурѣ до Константина мы не находимъ подобной ясности; аллегорія и параболы преимущественно преобладаютъ въ ней. Причину болѣея свободы выраженія догматовъ въ живописи, чѣмъ въ скульптурѣ, не трудно угадать. Саркофаги можно было работать только внѣ катакомбъ, часто передъ глазами язычниковъ, отъ которыхъ благоразумно было скрывать изображеніе христіанскихъ сказаній, надеждъ и вѣрованій даже во времена спокойствія и относительной терпимости. Въ живописи-же, писавшейся въ самыхъ катакомбахъ, которую видѣли только люди, посвященные въ таинства христіанскаго ученія, или готовившіеся принять ихъ, не было ни какой нужды прибѣгать къ фигурамъ и сценамъ скрытаго значенія. Есть барельефы саркофаговъ, символическія изображенія которыхъ до того темны и неопредѣленны и до того приближаются къ классическому искусству Римлянъ и даже къ ихъ мифологіи, что они вѣроятно были заказаны христіанами языческимъ мастерамъ, которые конечно нисколько не подозрѣвали, что работаютъ для послѣдователей ученія Спасителя. Случалось также, что послѣдніе употребляли саркофаги Римлянъ, имѣвшіе менѣе языческій характеръ, и при этомъ сбивали или скрывали нѣкоторыя фигуры или прибавляли къ нимъ христіанскія изображенія и надписи *).

*) Далѣе мы будемъ говорить съ болѣею подробностію о саркофагахъ; описаніе и объясненіе ихъ барельефовъ войдетъ въ отдѣлъ исторіи христіанскаго искусства; тутъ мы только хотѣли дать понятіе читателю о формѣ этихъ гробовъ, перенятыхъ христіанами у Римлянъ язычниковъ.

Въ катакомбахъ саркофаги помѣщали подъ аркой *arcosolium* и въ этомъ положеніи они, какъ мы видѣли, иногда служили престолами; или ставили ихъ на землю къ сторонамъ галерей и комнатъ. Въ катакомбѣ они стояли въ полусводѣ абсиды базиликъ, или вдоль стѣнъ, съ наружной или внутренней стороны, часто подъ портиками и на кладбищахъ, которыя окружали первобытныя христіанскія церкви.

Послѣ Константина начали хоронить въ полу церкви, и при этомъ тѣло лежало въ могилахъ, выложенныхъ плитами, или въ саркофагахъ; но послѣднее только въ рѣдкихъ случаяхъ; обыкновенно эти мраморныя гробницы, украшенныя скульптурными работами, не были зарыты въ землю, а стояли на виду. До постройки базиликъ саркофаги ставили въ небольшія зданія (*cella*) погребальнаго назначенія, или около нихъ.

VIII.

По надписямъ видно, что христіане иногда покупали мѣсто въ катакомбахъ для устройства гробницъ; съ какихъ поръ начинается это обыкновеніе, опредѣлить теперь довольно трудно. Слѣдуетъ предположить, что было время, когда они ничего не платили за свои могилы; по крайней мѣрѣ, какъ мы уже сказали, въ катакомбахъ нѣтъ и слѣда того, что называли бы въ наше время кладбищемъ бѣдныхъ (*fosse commune*), гдѣ похоронены немущіе съ большою небрежностію и скудностію, чѣмъ люди богатые. Въ тѣ времена, когда катакомбы еще не составляли собственности христіанской общины, богатые христіане въ Римѣ, устроивъ себѣ ипогей т. е. подземелье, назначенное для погребенія, позволяли бѣднымъ проводить галереи и хоронить около ихъ безвозмездно; такимъ образомъ и начались катакомбы, какъ доказали послѣднія открытія. Но изъ этого не слѣдуетъ предполагать, что только одни бѣдные похоронены въ грубыхъ нишахъ галерей; напротивъ по надписямъ видно, что иногда знатные люди скромно положены въ простыхъ *loculi*. Когда подземныя кладбища стали переходить въ руки церкви и начали принадлежать ей, еще до торжества христіанства, она хоронила бѣдныхъ, и тѣ надписи, найденныя до сихъ поръ, въ которыхъ говорится о покупкѣ мѣста въ ка-

такомбахъ, относятся къ четвертому и послѣдующимъ столѣтіямъ. Но очень вѣроятно также, что люди достаточные всегда имѣли возможность на свой счетъ и по своему вкусу устроить себѣ фамильную гробницу въ галереяхъ катакомбъ. На надписяхъ многихъ агсосоліа, гробницы болѣе дорогой, чѣмъ обыкновенная горизонтальная ниша, часто упомянуто, что онѣ сдѣланы на счетъ своихъ хозяевъ, какъ бы желая этииъ сказать, что общественная казна не была обременена ихъ устройствомъ. Съ четвертаго столѣтія число эпитафій съ означеніемъ продажи мѣстъ въ катакомбахъ идетъ возрастая. Въ нихъ рѣдко означена самая цѣна, а сказано только, что за мѣсто заплачено; на одной изъ подобныхъ надписей, очень интересной своими подробностями, названы свидѣтели покупки, и хорошо опредѣлено то мѣсто, гдѣ находится гробница; на другой сказано, что куплена третья часть тройнаго *loculus* (*loculus trisotus*), въ которомъ уже схоронены два другихъ христіанина, названные по имени.

Изъ эпитафій также видно, что мѣста въ катакомбахъ покупались у *fossoges*, т. е. могильщиковъ. Это были люди посвятившіе себя прокапыванію галерей, гробницъ и погребенію умершихъ. Они появляются въ христіанской общинѣ въ Римѣ въ первые годы ея существованія, и въ началѣ, особенно во времена гоненій, должны были пользоваться большимъ уваженіемъ между христіанами. Ихъ названіе происходитъ отъ слова «*fodere*», копать, и встрѣчается на надписяхъ, какъ напримѣръ въ слѣдующей: «*Felix Fossarius in pace*». (Феликсъ могильщикъ въ мирѣ.) По всей вѣроятности они раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ: одни выкапывали галереи, превращали, когда было нужно, добытый туфъ въ песокъ, и выносили его изъ катакомбъ; другіе приносили тѣла умершихъ; третьи копали могилы, хоронили мертвыхъ, писали надписи и т. д.

Неутомимые работники подземнаго Рима и вѣстѣ самые вѣрные, самые отважные послѣдователи христіанскаго ученія, они вѣроятно не разъ рисковали жизнью, исполняя свою темную обязанность; собирая во времена гоненій части мучениковъ передъ глазами судей и палачей, на площадяхъ, въ амфитеатрахъ, переноса трупы изъ домовъ въ катакомбы, и проникая въ нихъ, когда входъ въ эти ипогеи былъ запрещенъ, подъ страхомъ смертной казни, особенными эдиктами императоровъ.

Уже во времена Траяна, папа Еваристъ, раздѣливъ Римъ на извѣстное число приходоу, постановилъ, что каждый изъ нихъ долженъ имѣть

отъ восьми до десяти могильщиковъ и свое отдѣльное кладбище. Императоръ Константинъ опредѣлялъ имъ особенныя жилища, въ различныхъ кварталахъ Рима, и на надписяхъ ихъ гробницъ означены части города, къ которымъ они принадлежали, какъ напримѣръ «Junius fossor Aventinus». (Юній могильщикъ Авентинскій). Можетъ быть они имѣли мѣсто въ церковной іерархіи, когда она образовалась, и принадлежали къ низшимъ степенямъ духовенства.

Въ катакомбахъ довольно часто представлены могильщики во время работы, какъ видно на рисункѣ № 7, взятомъ изъ сочиненія Magtigny, Dictionnaire etc. Fossor ударяетъ ломомъ въ зернистый туфъ, который округляется и принимаетъ видъ свода надъ его головой; лампа особенной формы свѣтитъ ему въ подземельѣ. Иногда fossor изобра-

Рис. 7.

женъ въ ту минуту, когда онъ начинаетъ выкапываніе склепа на поверхности земли, въ скатѣ холма, что также можетъ служить доказательствомъ христіанскаго происхожденія римскихъ катакомбъ. Въ кладбищѣ Валиста, находящемся возлѣ Аппіевой дороги, нашли желѣзный ломъ, очень похожій на тѣ, которые представлены въ рукахъ могильщиковъ.

Въ той-же катакомбѣ было открыто изображеніе fossor'a, сдѣланное на его гробницѣ; на надписи (читатель можетъ видѣть ее на при-

ложенномъ рисункѣ № 8., взятомъ изъ сочиненія Boldetti, Osservazioni etc.) сказано слѣдующее:— «Диогенъ могильщикъ, въ мирѣ, по-
ложенъ въ восьмой день октябрскихъ календъ.»—Это молодой человекъ
съ коротко остриженными волосами, какъ носили Римляне, въ туникѣ;
на краяхъ ея и на правомъ плечѣ видны знаки приближающіеся къ
формѣ креста; *) въ правой рукѣ онъ держитъ ломъ, а въ лѣвой заж-

Рис. 8.

женную лампу. Другіе инструменты его промысла разбросаны у его ногъ.
Онъ представленъ во внѣшнемъ зданіи, вѣроятно въ одной изъ тѣхъ ча-

*) Совершенно такіе же знаки употреблялись съ самыхъ древнихъ временъ въ Индіи, гдѣ они встрѣчаются на памятникахъ Браманизма и Будизма, но чаще на послѣднихъ. Это были знаки благословенія, счастливаго предзнаменованія, процвѣтанія, крѣпостія и на санскритскомъ языкѣ назывались *swastika* (Swastika). Надписи въ пещерахъ восточной Индіи, посвященныя поклоненію Буды, но большей части начинаются или кончатся ими, подобно тому какъ христіанскія надписи шестаго столѣтія заключаются крестомъ или идутъ отъ него. Такіе-же знаки употреблялись въ западной Азіи, въ Греціи и встрѣчаются на Греческихъ вазахъ, въ Италіи и въ Римѣ во времена императоровъ. Въ христіанской археологіи они называются „сгих гаммата“, потому что составлены скрещеніемъ четырехъ греческихъ буквъ Г (гамма). Мы будемъ говорить о происхожденіи и употребленіи ихъ христіанами въ отдѣлѣ символическихъ знаковъ этого сочиненія.

совень, которые стояли надъ катакомбами, въ ту минуту, когда готовъ спуститься въ подземелье. Нѣтъ сомнѣнiя, что эта фреска была написана послѣ торжества церкви; прежде могильщиковъ изображали за работой, когда они копали землю и рубили туфъ въ узкихъ галереяхъ.

Осматривая гробницы въ катакомбахъ, ихъ размѣры и систему расположенiя, нельзя не замѣтить, что могильщики высѣкали ихъ, снявъ мѣрку съ тѣла умершаго. Онѣ бываютъ различной величины, начиная отъ самыхъ незначительныхъ для младенцевъ до большихъ для людей высокаго роста; только при подобной системѣ возможно было не терять напрасно мѣста и экономически распредѣлять его.

Послѣ Константина церковь съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе пропагандовала новыя галереи въ подземныхъ кладбищахъ; эти послѣднiя, какъ видно по надписямъ, перешли въ руки могильщиковъ и сдѣлались ихъ собственностiю; они производили въ нихъ работы на свой счетъ, продавали мѣста и даже передавали по наследству это право своимъ потомкамъ, какъ это видно по надписи, въ которой сказано, что гробница куплена у «*fossores discendentibus*» (у потомковъ могильщика).

Въ послѣднiй разъ говорится на надписяхъ о *fossoges* въ 454-мъ году (т. е. около того времени, когда прекращается погребенiе въ катакомбахъ) по поводу гробницы не выкопанной, а сложенной или построенной передъ гробницей святаго Емерита и проданной за дорогую цѣну. Послѣ торжества церкви общество *fossoges* завладѣло также и землями, которыя окружали базилики, построенныя надъ катакомбами. Было ли оно уничтожено римскимъ епископомъ или распалось само, неизвѣстно; но съ середины пятаго столѣтiя, въ актахъ продажи, уступки и постройки гробницъ, расположенныхъ на поверхности земли, о нихъ больше не упоминается; ихъ мѣсто занимаютъ священники, а въ базиликѣ Ватикана самъ папа.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ первые вѣка христіанства *fossoges* были усердными послѣдователями новой религiи, но впоследствии сдѣлались торговцами и продавали гробницы въ тѣхъ катакомбахъ, которыя предшественники ихъ прокопали съ опасностiю жизни, поддерживаемые не надеждою на выгоду, а великой вѣрой, безъ которой никогда не образовался бы этотъ подземный гигантскiй городъ жертвыхъ.

Впрочемъ не одинъ этотъ фактъ, а исторiя всѣхъ христіанскихъ памятниковъ, какъ мы это увидимъ впоследствии, постоянно будетъ свидѣтельствовать, что идеальная чистота нравовъ христіанскаго общества

первыхъ времени не сохраняется въ послѣдующіе вѣка, и слабѣетъ съ каждымъ годомъ. Такъ напримѣръ общественныя братскія трапезы первыхъ христіанъ, агапы (агаре), въ началѣ чрезвычайно чистаго и милосерднаго характера, превратились въ четвертомъ столѣтіи, даже нѣсколько раньше, въ оргіи, и были запрещены епископами. Послѣ торжества христіанской религіи это паденіе дѣлается особенно замѣтно. Минута триумфа была роковой минутой для христіанскихъ нравовъ. До Константина огонь гоненій по временамъ очищалъ общину, но послѣ него, когда церковь вышла изъ опасности, сдѣлалась богата подъ покровительствомъ императоровъ и сама начала приобрѣтать власть, когда принятіе вѣры Спасителя происходило въ слѣдствіе расчета, часто въ угоду императорамъ, ея послѣдователи были люди равнодушныя, чуждыя ей во времена гоненій.

IX.

Тамъ, гдѣ позволяли обстоятельства, мѣстность и грунтъ земли, христіане выкапывали подземныя кладбища; этотъ родъ гробницъ они предпочитали всѣмъ другимъ, и катакомбы найдены не только въ Римѣ, но и въ Италіи—въ Тосканѣ около Кьюзи (гдѣ также открыты замѣчательныя Этрусскія ипогеи), около Неаполя, *) въ Сициліи около городовъ Сиракузы и Мессины, на островѣ Мальтѣ, на Востокѣ—въ Антиохіи, на островѣ Кипрѣ, и въ Египтѣ—около города Александріи; катакомбы существовали и въ Африкѣ, въ Испаніи—около городовъ Севильи, Сарагоссы, Эльвиры недалеко отъ Гренады, въ Галліи—около Кельна, Трира и т. д.

*) Послѣ римскихъ христіанскихъ катакомбъ самыя обширныя и самыя замѣчательныя изъ до сихъ поръ открытыхъ кладбищъ этого рода находятся возлѣ Неаполя, въ холмѣ Capo di Monte, и мы не считаемъ лишнимъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Если вѣрить Carlo Celano, составившему описаніе города Неаполя въ 17-мъ столѣтіи (*Notizie del bello antico e curioso della città di Napoli 1692.*), то большая часть холма Capo di Monte изрыта ходами и галереями, наполненными христіанскими гробницами первыхъ вѣковъ. Весьма незначительныя части этихъ катакомбъ, теперь извѣстныя и доступныя, находятся возлѣ или подъ церковью

Но не смотря на то, что христиане отдавали преимущество подземным владбищамъ, у нихъ раньше торжества церкви были также гробницы на поверхности земли. По формамъ и расположенію этихъ послѣднихъ можно замѣтить, что устроившія ихъ, послѣдователи ученія Спаси-

San Severo, San Vito, Santa Maria Della sanita, san Gennaro dei Poveri. Вѣдѣ первой изъ этихъ церквей, немного ниже ея урвни, была въ послѣдніе годы открыта P. G. Galante четырехугольная комната съ тремя arcosolia, утраченными ересами четвертаго или пятаго столѣтія, изображающими святыхъ. Галерея, идущая отъ этого subiculum, перерѣзана основаніемъ церкви S. Severo. Въ Неполоѣ точно также, какъ и въ Римѣ, надъ катакомбами послѣ Константина начали строить церкви и при этомъ часто разрушали первобытными христианами гробницы. Катакомба подъ церковью Santa Maria della salute обширнѣе; въ ней также найдены ерески пятаго и послѣдующихъ столѣтій. Перестройки и расширенія, постепенно въ продолженіи столѣтій произведенныя тутъ монахами, совершенно измѣнили первоначальную форму этого подземнаго владбища. Въ семнадцатомъ столѣтіи оно сдѣлалось мѣстомъ погребенія чужинныхъ, тѣла которыхъ вназывали въ стѣны. Галереи его также перерѣзаны напольными стѣнами и фундаментами церкви. Гораздо больше и значительнѣе катакомба открытая у церкви S. Gennaro dei Poveri, въ холмѣ Capo di Monte. Многія столѣтія прошла надъ этимъ игоземъ, и въ немъ мы видимъ обращенія христианскаго искусства разныхъ вѣковъ, не исключая даже самыхъ раннихъ временъ распространенія новой вѣры. Нѣкоторые изъ его ересокъ неаполитанскіе археологи до сихъ поръ принимаютъ за произведенія языческихъ художниковъ, — до такой степени живы въ нихъ элементы классическаго искусства. Всего лучше сохранилась живопись на потолкѣ большой комнаты, которая находится въ примыкн сообщеніи съ поверхностію земли у сѣвннкой отлогости холма и слѣдуетъ входить въ подземелье. Трудно указать, чѣмъ эти ерески отличаются отъ живописи утраченной у древнихъ Римлянъ стѣны комнаты. Красныя и синія полосы раздѣляютъ потолокъ на правильные небольшіе четырехугольнички, въ которыхъ изображены звѣри, птицы, раковины и иеологическія животныя; въ центрѣ среди пересѣкающихся красныхъ и желтыхъ красиво выведенныхъ полуархивъ и круговъ видны сходившіяся линіи, ииѣющія форму равносноронняго креста. Стѣны и потолоки этой комнаты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыты двойнымъ слоемъ ступа. На верхнемъ можно различить ерески болѣе позднихъ временъ, изображающія святыхъ, головы которыхъ окружены нимбами. Немного дальше открыты погребальныя комнаты меньшихъ раздѣровъ; и въ ннрвой галерей, идущей отъ большаго subiculum, видимъ гробницы формы arcosolium. Тутъ также встрѣчаемъ остатки ересокъ, которыя какъ нельзя болѣе приближаются къ классическому стилю и представляютъ птицъ, маски, вазы, плоды, гирлянды цвѣтовъ, колена и т. д. Въ этой живописи гораздо больше классическаго, чѣмъ христианскаго, но это еще не достаточное основаніе, чтобы приписать ее илети язычникамъ. Всѣ значимыя съ намѣтками начинающагося христианскаго искусства въ катакомбахъ Рима не будутъ этимъ удивлены. Точно также обширность этой погребальной пещеры, ея прямое сообщеніе съ поверхностію земли и съ дорогой, проходившей прежде въ этомъ мѣстѣ, не корраитъ изучавшихъ постепенное образованіе римскихъ катакомбъ. Впрочемъ среди этихъ утраченнй въ часто классическомъ вкусѣ видимъ также христианскія изображенія, какъ напримѣръ, Іова,

теля руководились тѣми-же правилами, которыя соблюдали при выкапываніи катакомбъ. Мы уже сказали, что христіане имѣли непреодолимое отвращеніе къ смѣшенію праха умершихъ; погребеніе тѣла безъ предварительнаго устройства гробницы въ твердомъ туфѣ, безъ каменныхъ плитъ и стѣногъ, отдѣляющихъ покойника отъ земли и сосѣднихъ тру-

Адамъ и Ева у дерева, судя по стилю очень раннихъ временъ христіанства, и много ересокъ третьяго, четвертаго и послѣдующихъ столѣтій, представляющихъ святыхъ, воиновъ и т. д. Особенно замѣчательны колоссальныя изображенія Спасителя и Богородицы, грандіозныя фигуры въ византийскомъ стилѣ. Bellermann (Die Katakomben zu Neapel mit ihren Wandgemälden, Hamburg 1839) издалъ эти ерески, но послѣ его открыто много другихъ намятниковъ и между прочимъ нѣсколько агасоліа, украшенныхъ живописью въ классическомъ стилѣ, но исполненной нѣсколько небрежно. Неаполитанскія катакомба, а которой мы говоримъ, отличается отъ римскихъ своими архитектурными формами. Она не имѣетъ правильности послѣднихъ, и галерея ея почти всегда очень широкая, выкопанная безъ системы, но превращается разрываясь подъ землей въ сѣтъ узкихъ и перебивающихся ходовъ. Твердыя наменитыи туфъ, въ которыхъ онѣ проведены, позволяла давать имъ значительныя размѣры и нѣстаны въ нихъ можно прохъать въ парѣ. Сколько извѣстно изъ твореній писателей церкви, гоненія христіанъ ни разу не отразились въ Неаполѣ; единственнымъ мученикомъ этого города Св. Януарій, епископъ Беневентскій, теперь покровитель Неаполитанцевъ, очень почитаемый ими, принялъ мученическую смерть за вѣру въ концѣ третьяго или въ началѣ четвертаго столѣтія. Ему отрубили голову недалеко отъ Неаполя въ городѣ Пуццолі. Христіане Неаполя потому не были принуждены скрывать по временамъ свои игогенъ и соблюдать экономію нѣста выкапывая послѣдніе. Гробницы отдѣльными, семейными преобладаютъ въ нихъ. Это небольшія углубленія правильной формы, вырубленныя въ туфѣ и находящіяся въ прямомъ сообщеніи съ галереей; въ каждой изъ трехъ сторонъ ихъ высѣчено по гробницѣ формы агасоліумъ почти всегда очень хорошихъ размѣровъ.

Время и особенно работы, произведенныя въ послѣдующія столѣтія, имѣли первоначальный видъ катакомбы S. Gennaro dei Poveri; такъ наприимѣръ въ верхнемъ ярусѣ ея галерей находится большая пещера, выкопанная послѣ торжества церкви и назначенная вѣроятно для совершенія церковныхъ обрядовъ, въ бокахъ ея также устроены многочисленныя гробницы. Соединилось ли это подземное кладбище съ другими христіанскими игогенми Capo di Monte, какъ предполагаютъ современные неаполитанскіе археологи, рѣшить теперь довольно трудно, тѣмъ болѣе что оно далеко не вполне изучено; низшій третій этажъ его еще вовсе не исследованъ; и въ немъ не только не производятъ новыхъ систематическихъ раскопокъ, но даже очень плохо сохраняютъ уже открытыя ерески и другіе памятники. Катакомбы въ Неаполѣ начали оставлять почти въ томе-же время какъ и въ Римѣ, погребеніе въ нихъ прекратилось въ слѣдствіе частыхъ нашествій варваровъ, осверившихъ тѣла умершихъ и разрушавшихъ гробницы. — Въ послѣднее время D. Salazarо въ первыхъ выпускахъ своего сочиненія: — Studi sui monumenti dell'Italia meridionale dal IV al XIII secolo. Napoli 1871—издалъ кони съ ересокъ неаполитанскихъ катакомбъ четвертаго и пятаго столѣтій.

повъ, не могло нравиться христіанамъ, питавшимъ такое великое уваженіе къ праху вѣрующихъ, и допускалось ими только въ крайнемъ случаѣ. Выкапываніе могилъ на поверхности земли въ одинъ ярусъ заняло бы огромныя пространства: Потому-то христіане прибѣгали въ этомъ случаѣ къ особенному способу погребенія, который удовлетворялъ ихъ потребностямъ и вмѣстѣ сберегалъ мѣсто. Мертвые въ этихъ могилахъ находились между двумя параллельными каменными стѣнами, которыя шли въ землю иногда на значительную глубину, оставляя пространство достаточное для помѣщенія одного покойника; тѣла лежали одно надъ другимъ на утвержденныхъ плитахъ или черепицахъ и были ими же раздѣлены. Изычники и Евреи употребляли также могилы подобнаго рода; ихъ нашли въ окрестностяхъ Рима и въ Еврейской катакомбѣ, о которой мы будемъ говорить ниже. Христіанскаго происхожденія, онѣ видны болѣе или менѣе хорошо сохранившіяся надъ катакомбами Каллиста, Виріаки и въ другихъ мѣстахъ. Церкви и базилики Рима внѣ городскихъ стѣнъ, съ четвертаго столѣтія, были постепенно окружены такими могилами. Этотъ легкій и дешевый способъ погребенія особенно началъ входить въ употребленіе въ Римѣ послѣ торжества церкви: очень вѣроятно однако, чтокъ нему прибѣгали и раньше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у христіанъ не было катакомбъ. Но гробницы, устроенныя на поверхности земли, часто въ нарочно для этого назначенныхъ зданіяхъ или около ихъ, разумѣется, не представляли безопасности ипогеевъ, вырытыхъ въ скатѣ холма или въ глубинѣ земли, и до торжества церкви не могли быть многочисленны въ Римѣ, гдѣ христіане постоянно находились передъ глазами властей, отъ произвола которыхъ иногда зависѣла ихъ свобода и существованіе. Въ провинціяхъ имперіи, гдѣ послѣдователи ученія Спасителя были менѣе стѣснены, кладбища, нескрытыя употребляли вѣроятно чаще; можно предположить, что они существовали въ большемъ количествѣ, чѣмъ ихъ находятъ теперь; но такъ какъ они не были скрыты, то подверглись разрушенію во время преслѣдованій 3-го столѣтія и особенно при уничтоженіи христіанскихъ памятниковъ, сопровождавшемъ гоненіе Діоклеціана.

X.

Гробницы въ катакомбахъ имѣють за рѣдкими исключеніями постоянно одну и ту же форму, описанную выше, и устроены по одному принятому типу (если и попадаются могилы, выкопанныя въ полу галерей, на подобіе употребляемыхъ нами, то ихъ не много. Можно предположить не безъ основанія, что онѣ подражаніе, по возможности близкое гробницѣ Иисуса Христа. Тѣло Спасителя было похоронено Іосифомъ изъ Аримаѳеи: «взявъ тѣло, Іосифъ обвилъ его чистою плащаницею и положилъ его въ новомъ своємъ гробѣ, который высѣлъ онъ въ скалѣ; и приваливъ большой камень къ двери гроба, удалился». *)

Гробницы христіанъ были также высѣчены въ скалѣ, т. е. въ зернистомъ туфѣ, и тѣла ихъ предавали землѣ также обвитыя полотномъ. Эту форму гробницъ и способъ устроить ихъ въ подземныхъ галереяхъ или комнатахъ (cubiculi) римскіе христіане переняли у Евреевъ или у другихъ восточныхъ народовъ, наполнявшихъ тогда Римъ.

До распространенія въ Римѣ христіанской религіи и даже до появленія ея Евреи уже имѣли въ этомъ городѣ свои катакомбы. Первоначально еврейская колонія въ Римѣ составила большую частію изъ потомковъ отпущенниковъ, приведенныхъ плѣнниками Помпеємъ послѣ завоеванія имъ Востока. Въ рабствѣ они не оставили вѣру отцовъ и не уклонялись отъ соблюденія религіозныхъ обрядовъ. Новые эмигранты изъ Палестины скоро потомъ начали переселяться въ Римъ, слѣдуя тому влеченію, которое привлекало къ столицѣ міра народы побѣжденные, преимущественно изъ восточныхъ странъ. Евреи служили въ Римѣ носильщиками, разнощиками, стояли очень низко въ общественномъ мнѣніи, занимались мелкой торговлей, продавали и мѣняли всякаго рода хламъ, просили милостыню и искали прозелитовъ. Число ихъ постоянно увеличивалось, такъ что въ первомъ столѣтіи у нихъ было въ Римѣ нѣсколько кладбищъ и синагогъ, **) находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Іерусалимомъ. Они селились въ Римѣ особенно около Тибра въ нездоровомъ кварталѣ, примыкавшемъ къ той части города, которая теперь называется Trastevere. Не далеко отъ этого мѣста они вырыли

*) Отъ Матвея глав. XXVII.

**) Одна изъ нихъ носила имя Августа, другая Агриппы.

въ отлогостяхъ холма Monte-Verde подземное кладбище, и хоронили въ немъ своихъ умершихъ отдѣльно отъ Римлянъ язычниковъ.

Катакомба эта находится приблизительно въ серединѣ холма Monte-Verde. Vosio видѣлъ ее въ 1602-мъ году и говоритъ между прочимъ, что она ни чѣмъ не отличается отъ христіанскихъ кладбищъ этого рода, но сдѣлана небрежно, грубо и заключаетъ только двѣ небольшія комнаты (cubicula). Во всей катакомбѣ Vosio не нашелъ ни одного остатка живописи, ни куска мрамора, но видѣлъ изображеніе ковчега завета, священнаго еврейскаго свѣтильника съ семью вѣтвями и большое количество надписей, въ которыхъ умершимъ даютъ иногда титулъ отца или матери синагоги. На одной изъ подобныхъ эпитафій говорится про Римлянку, за шестнадцать лѣтъ до смерти принявшую законъ Моисея, получившую при этомъ имя Сары и сдѣлавшуюся впоследствии матерью синагоги, что можетъ служить доказательствомъ свободы распространенія еврейской религіи между Римлянами.

Необыкновенная простота и скудость этой катакомбы объясняется тѣмъ, что около жила самая бѣдная часть еврейской колоніи Рима. Послѣ посѣщенія Vosio этого мѣста, образование котораго слѣдуетъ отнести къ послѣднимъ временамъ республики или къ первому столѣтію имперіи, онъ былъ снова оставленъ, входы его обрушились и заросли до такой степени, что въ сороковыхъ годахъ Р. Marchi, не смотря на тщательные розыски и на продолжительныя усилія, не могъ найти его.

Но въ послѣднее время открыли въ окрестностяхъ Рима двѣ другихъ еврейскихъ катакомбы. Первая изъ нихъ *) принадлежитъ ко второму или третьему столѣтію послѣ Р. X. и находится близъ Анпіевой дороги около катакомбы Каллиста. Вѣроятно, она служила кладбищемъ Евреямъ, обитавшимъ недалеко отсюда у Porta Capena. Эта катакомба менѣе обширна, чѣмъ та, которую видѣлъ Vosio; но въ ней нашли много надписей, изображеній религіознаго характера, слѣды позолоты и украшеній, если не совершенно чистаго классическаго стиля, то очень приближающихся къ нему. Она начинается зданіемъ, хорошо сохранившимся, которое представляетъ всѣ расположенія синагоги; въ него входили съ улицы, и съ противоположной стороны оно находилось въ прямомъ сообщеніи съ подземельемъ. Въ самомъ зданіи были также устроены гробницы. Вѣроятно, когда въ мѣстахъ не было больше мѣста, мертвыхъ

*) Cimitero degli antichi Ebrei. Raffaele Garrucci, Roma 1862.

начали хоронить въ самой синагогѣ. Слѣды гробницъ въ нѣсколько этажей видны въ стѣнѣ, отдѣлявшей пространство, назначенное для женщинъ. Горизонтальныя ниши, или *loculi*, этого ипогея высѣчены въ бокахъ ходовъ и комнатъ въ нѣсколько ярусовъ, иногда параллельно къ галереѣ и *cubiculum*, иногда перпендикулярно къ нимъ *) и задѣланы плитами или черепицами совершенно такъ, какъ въ христіанскихъ катакомбахъ.

Не-трудно замѣтить, что это кладбище принадлежало болѣе богатымъ Евреямъ, но не всѣ его памятники однако имѣютъ чисто библейскій характеръ. Напримѣръ, въ одной изъ комнатъ видно изображеніе двухъ человѣческихъ фигуръ, что не позволялось закономъ Моисея; онѣ не заимствованы изъ Ветхаго Завѣта, или изъ исторіи Іудейскаго народа, а изъ міра языческаго и представляютъ крылатую женщину, вѣроятно побѣду, которая въ одной рукѣ держитъ пальмовую вѣтвь, а другой подымаетъ вѣнокъ надъ головой нагаго юноши съ лавровой вѣткою въ рукѣ. Въ томъ-же *cubiculum*, т. е. комнатѣ, видны павлины **) стоящія на сферахъ, пегасы, птицы, рыбы и другія животныя, значеніе которыхъ трудно объяснить. На стѣнахъ другой комнаты написаны четыре крылатые генія, представляющіе времена года, и женщина въ коронѣ, держащая въ одной рукѣ рогъ изобилія, а въ другой плоскую вазу, изъ которой льетъ на землю жидкость. Это аллегорическое изображеніе Фортуны, изобилія, счастья, вѣчныхъ идеаловъ еврейскаго народа, перенято у римскаго языческаго искусства.

Если и предположить, что тутъ скоронены только Римляне, обращенные въ еврейскую религію, а не коренные Евреи, то, не смотря на это, присутствіе подобной живописи возлѣ ихъ гробницъ — фактъ не лишенный интереса, который можно объяснить тѣмъ, что тенденція сблизиться съ языческимъ міромъ преобладала во многихъ еврейскихъ синагогахъ внѣ Палестины. Остальные комнаты этого кладбища украшены проще, или въ болѣе восточномъ вкусѣ расписаны красными и свѣтло-желтыми полосами.

Рядомъ съ фигурами, перенятыми у языческаго искусства, видишь также въ этой катакомбѣ изображенія чисто еврейскія. На барельефѣ

*) Гробницы послѣдней формы встрѣчаются и въ христіанскихъ катакомбахъ, но очень рѣдко.

**) Символическое изображеніе воскресенія, которое встрѣчается также и въ христіанскомъ искусствѣ.

одного мраморнаго саркофага представленъ священный семисвѣтчикъ среди растений, плодовъ и деревьевъ южной природы. Другой саркофагъ украшенъ языческими фигурами римской работы; вѣроятно онъ служилъ два раза, прежде чѣмъ перейти въ руки Евреевъ, потому что на немъ видна также и христіанская монограмма. Портреты въ барельефѣ мужа и жены, Римлянъ, первоначальныхъ хозяевъ его, стерты, спилены, и языческія изображенія его были скрыты подъ землей; въ такомъ положеніи его нашли въ еврейской катакомбѣ.

Нельзя не замѣтить, что въ образѣ расписывать стѣны и потолки комнатъ и галерей въ катакомбахъ Рима много общаго у христіанъ и Евреевъ. Но это только потому, что тѣ и другіе употребляли формы классическаго искусства для выраженія своихъ идей и слѣдовали его манерѣ украшая гробницы. Вообще видно, что Евреи въ Римѣ не принадлежали къ той исключительной партіи, которая, упорно держась старины, отвергая всякое нововведеніе, все чужестранное, погубила своею нетерпимостію и фанатизмомъ еврейскій народъ; а скорѣе къ той, которая переняла въ нѣкоторой степени эллиническое образованіе, принесенное на Востокъ завоеваніями Александра Македонскаго.

Это проявляется также и въ ихъ надгробныхъ надписяхъ. У себя въ Палестинѣ Евреи не писали на могилахъ; только послѣ сношенія съ Римлянами эпитафій вошли у нихъ въ употребленіе. Онѣ также заключаютъ просьбы отъ имени умершаго уважать мѣсто его покоя, не сбрасывать надписи, не разрушать гробницы и иногда описываютъ качества погребеннаго или выражаютъ чувства и сожалѣніе его родственникамъ и друзей. Большая часть этихъ эпитафій сдѣлана на греческомъ языкѣ, очень мало на латинскомъ, *) и не одна изъ до сихъ поръ найденныхъ — на еврейскомъ языкѣ. Всего только одинъ разъ начерчено поеврейски слово «въ мирѣ» возлѣ имени написаннаго погречески.

Вторая еврейская катакомба была открыта въ 1867-мъ году совершенно случайно, при выкапываніи подземелья въ виноградникахъ графа Синагга; также возлѣ Аппіевой дороги, недалеко отъ христіанской катакомбы Св. Севастіана. Надписи ея сдѣланы на греческомъ языкѣ, и кажутся древнѣе найденныхъ въ катакомбѣ, о которой мы говорили вы-

*) Иногда латинская надпись написана греческими буквами, и наоборотъ. Это не самое вѣтрѣчаскѣ имъ и въ христіанскихъ катакомбахъ.

ше; священный свѣтильникъ и другія еврейскія религіозныя изображенія нарисованы или вырѣзаны на плитахъ, которыми задѣланы гробницы.

XI.

Погребеніе въ подземельяхъ существовало не у однихъ Евреевъ, а у многихъ восточныхъ или, лучше сказать, семитическихъ народовъ. До сихъ поръ можно видѣть слѣды подобнаго рода гробницъ въ Египтѣ, въ Палестинѣ, въ Сиріи и въ тѣхъ странахъ, куда проникали Финикіане, гдѣ основывались ихъ колоніи, около Карогена, на островахъ Мальтѣ, Сардиніи, Сициліи и вообще на берегахъ Средиземнаго моря. Такъ хоронили Этруриане, и сосѣдніе съ ними народы Италіи переняли у нихъ этотъ способъ погребенія. Онъ былъ употребляемъ и Греками особенно въ ихъ колоніяхъ на югѣ Италіи и въ Сициліи. Всѣ эти ипогеи или погребальныя пещеры состоятъ изъ одной или нѣсколькихъ четырехугольныхъ комнатъ, какъ *subicula* въ христіанскихъ катакомбахъ, и выкопаны преимущественно въ скатѣ холмовъ. Тѣла умершихъ положены въ горизонтальныя ниши, высѣченныя въ туфѣ, или въ саркофаги, поставленные на землѣ.

Въ самомъ Римѣ послѣдователи различныхъ восточныхъ религій имѣли также свои катакомбы, и очень вѣроятно, что онѣ образовались нѣсколько раньше еврейскихъ и христіанскихъ подземныхъ кладбищъ.

По мѣрѣ того какъ Римляне входили въ сношенія съ Востокомъ и покоряли его, побѣжденные народы восточныхъ странъ наводняли Римъ и, можно сказать, въ свою очередь завоевали столицу міра своими вѣрованіями, нравами, обычаями и суевѣріями. Имъ было дозволено совершать религіозныя обряды, молиться и хоронить согласно ихъ обыкновению. Если они иногда и подвергались преслѣдованіямъ, то очень не продолжительное время; только вѣрованія, имѣвшія исключительный и неопредѣленный характеръ, или новыя религіи были мало терпимы въ Римѣ. Восточныя поклоненія не замедлили найти послѣдователей и между Римлянами,

которые, перенимая нравы Востока, перенимали также и его суевѣрїя *). Дорога имъ уже была приготовлена до ихъ появленїя. Въ послѣднїя столѣтїя республики вѣковыя учрежденїя Рима начали терять силу и значенїе; сохраняя форму, они лишались души и вмѣстѣ съ нею права на существованїе; довѣрїе къ нимъ пропадало; принципы, до того руководившіе въ семейной и общественной жизни, оказывались несостоятельными. Языческіе римскїе боги, судьба которыхъ была такъ тѣсно связана съ судьбой Рима республиканскаго и его гражданскаго строемъ, не могли освящать новый порядокъ вещей и новые принципы не утративъ часть своего божественнаго характера; и вѣра въ нихъ не могла не пошатнуться, когда религіозныя учрежденїя превратились для патриціевъ въ средство сохраненїя власти, когда поколебалось устройство республики и пала ея свобода. Поклоненїе официальнымъ богамъ продолжалось въ видѣ государственной необходимости, и большинство, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, довольствовалось соблюденїемъ обрядовъ умирающаго язычества, которое не было въ состоянїи удовлетворить религіозному стремленїю общества. Подобное нравственное состоянїе какъ нельзя лучше способствовало распространенїю суевѣрїй Востока—страны, по мнѣнїю древнихъ Римлянъ, загадочной и таинственной по преимуществу. Испытанїя и очищенїя восточныхъ поклоненїй, требовавшїяся отъ новообращенныхъ, и посредствомъ которыхъ доходили до мнимаго прямаго сообщенїя съ божествомъ, олицетворяющимъ въ себѣ всѣ силы природы; запутанный таинственный смыслъ и мистическій характеръ этихъ вѣрованїй; торжественная pompa ихъ обрядовъ и ихъ сложныя церемонїи, которыя всегда болѣе нравятся массѣ народа, чѣмъ простыя религіозныя формы и философскїя идеи;—все это не могло не производить сильнаго впечатлѣнїя на людей, утратившихъ вѣру въ многочисленныхъ греко-римскихъ боговъ, и чувствовавшихъ, въ слѣдствїе противодѣйствїя, непреодолимое влеченїе къ единобожію.

По временамъ римскїя власти, озабоченныя значительнымъ распространенїемъ новыхъ поклоненїй или плутнями и скандалами ихъ жрецовъ, изгоняли массами изъ Рима и Италїи или ссылали послѣдователей иностранныхъ, преимущественно восточныхъ вѣрованїй, и разрушали ихъ

*) Ювеналъ въ одной изъ своихъ сатиръ съ гнѣвомъ говоритъ, что Оронтъ, главная рѣка Сирїи, на берегахъ которой былъ построенъ городъ Антиохїя, уже давно течетъ въ Тибръ.

храмы. Но влечение общества къ этимъ загадочнымъ и таинственнымъ силамъ одолевало противодѣйствіе властей. Изгнанные жрецы и поклонники гонимыхъ суевѣрій понемногу возвращались снова, снова были терпимы, и тайно или явно распространяли свое учение въ Римѣ, преимущественно между женщинами, во всѣхъ классахъ общества, начиная отъ самыхъ низшихъ до высшихъ, не исключая и императорскихъ семействъ, не исключая и самихъ императоровъ. Кто не отдавался совершенно таинственной религіи, не принималъ ея окончательно, тотъ слѣдовалъ ея наружнымъ формамъ, исполнялъ ея сложныя церемоніи, ея очистительные обряды, надѣясь этимъ умилостивить загадочное божество. Религіи, представлявшія больше элементовъ монотеизма и положительнаго вѣрованія, обѣщавшія болѣе опредѣленнымъ, болѣе яснымъ и утвердительнымъ образомъ загробную жизнь и награжденіе послѣ смерти, особенно находили много послѣдователей. *) Впрочемъ нельзя сказать, что до появленія христіанства одно какое нибудь вѣрованіе было болѣе распространено, чѣмъ остальные; скорѣе это было полное смѣшеніе самыхъ разнородныхъ, самыхъ разноплеменныхъ религій. Рядомъ съ еврейскимъ закономъ, также имѣвшимъ въ Римѣ не малое число послѣдователей, о чемъ говорятъ многіе языческіе писатели, распространялись поклоненія восточнымъ божествамъ, Изидѣ и Серапису; **) и вмѣстѣ съ обожаніемъ персидскаго бога, олицетворенія солнца—Mithras, распро-

*) Отличительной чертой въ характерѣ религіознаго состоянія этой эпохи (т. е. столѣтій предшествовавшихъ и непосредственно слѣдовавшихъ за появленіемъ христіанства) было въ Греціи, равно какъ и въ Италіи стремленіе къ соединенію многочисленныхъ божественныхъ силъ, олицетворенныхъ въ образъ боговъ и богинь отдѣльныхъ городовъ и семействъ, въ одно божество. Это движеніе было вызвано отчасти греческой философіей, которая, переводя божество изъ узкой и локальной его сферы, гдѣ оно до тѣхъ поръ вращалось, къ дѣятельности всемірной, измѣнило прѣжнее понятіе о немъ, вознесло его на высшую степень и придало ему болѣе моральное значеніе; отчасти также завоеваніями Римлянъ, которые, соединяя вѣрованія покоренныхъ ими народовъ со своей религіей, обобщили, распространили и такъ сказать совозлужили ихъ въ одно. Официальное поклоненіе Рима языческаго, надо замѣтить, имѣло мало исключительнаго, муниципальнаго, но было соединеніемъ вѣрованій различныхъ племенъ, составившихъ первоначально народъ римскій.

**) Они впрочемъ потеряли свой первобытный характеръ, такъ что ихъ скорѣе можно считать александрійско-греческими, чѣмъ египетскими богами; почитаніе ихъ было очень распространено въ послѣдніе вѣка до рождества Христова на берегахъ Средиземнаго моря.

странялось почитаніе различныхъ сирійскихъ и кароагенскихъ боговъ и богинь.

Законы римскіе не запрещали послѣдователямъ всѣхъ этнхъ вѣрованій устраивать гробницы и хоронить мертвыхъ согласно ихъ обычаю въ подземельяхъ, нарочно для этого выкопанныхъ; присутствіе въ Римѣ этнхъ ипогеевъ восточнаго характера, слѣды которыхъ уже открыты, даетъ право предполагать, что христіане, равно какъ и Евреи, переняли устройство кладбищъ въ пещерахъ у одного прототипа общаго всѣмъ симметрическимъ народамъ; но при этомъ первые искали приблизиться, на сколько было возможно, къ образу погребенія Спасителя.

Самые Римляне язычники имѣли нѣчто подобное катакомбамъ; до республики они погребали умершихъ въ подземельяхъ, какъ и сосѣдніе Этрурыне, и хотя впоследствии въ Римѣ жгли тѣла покойниковъ, что вѣроятно было перенято у Грековъ, по древнее обыкновеніе хоронить ихъ никогда не были забыто и оставлено совершенно. Нѣкоторыя патриціальныя фамиліи, какъ напримѣръ Сципіоны и весь родъ Корнеліевъ, продолжали слѣдовать обычаю своихъ отцовъ и клали тѣла умершихъ въ саркофаги, которые ставили или въ ипогеи, *) или въ великолѣпныя мавзолеи, развалины которыхъ до сихъ поръ еще украшаютъ римскую Кампанію. Но кромѣ этнхъ памятниковъ, въ окрестностяхъ Рима, преимущественно вдоль консулярныхъ дорогъ - Appia и Latina, и въ послѣднее время недалеко отъ Porta di S. Sebastiano, открыты небольшіе ипогеи съ одною или нѣсколькими комнатами и незначительными галереями, въ стѣнахъ которыхъ высѣчены горизонтальныя гробницы какъ и въ христіанскихъ катакомбахъ. Всѣ эти подземелья нельзя приписать исключительно однимъ послѣдователямъ восточныхъ вѣрованій, а слѣдуетъ скорѣе предположить, что до появленія въ Римѣ иностранныхъ поклоненій и христіанства не только одни патриціальныя фамиліи, но и люди изъ другихъ классовъ общества слѣдовали древнему обычаю и хоронили умершихъ въ ипогеяхъ, устраивая гробницы часто восточнаго характера, перенятыя первоначально у Этрурянъ.

Положительно извѣстно однако, что обыкновеніе сжигать тѣла на ко-

*) Известная всѣмъ посѣщавшимъ Римъ гробница Сципіоновъ, высѣченная въ туфѣ въ снѣгъ холма, въ которой стояли саркофаги, одинъ изъ подобныхъ семейныхъ родовъ. Въ Помпей до сихъ поръ нашли три саркофага съ остатками несожженныхъ труновъ.

страх вошло въ Римѣ во всеобщее употребленіе въ вѣка республики, и что погребеніе въ землѣ въ это время можно считать какъ исключеніе. Только младенцевъ умершихъ раньше сорока дней не сжигали на кострахъ, а хоронили въ городѣ, въ особенно для этого назначенныхъ гробницахъ. Точно также зарывали въ землю тѣла самоубійцъ и пораженныхъ громомъ; тѣ и другіе были одинаково ужасны для Римлянъ, первые какъ нечестивые, а вторые какъ личные враги Юпитера. Но въ послѣдніе годы республики, вѣроятно въ подражаніе восточнымъ народамъ, и позже можетъ быть христіанамъ, погребеніе тѣла начало входить въ большее употребленіе между богатымъ, равно какъ и бѣднымъ классомъ римскихъ жителей. Послѣ царствованія Антониновъ мертвыхъ жгли все рѣже и рѣже, и въ пятomъ столѣтіи костры были окончательно оставлены; многочисленные саркофаги, наполняющіе церкви и музеи Италіи и Европы, принадлежатъ преимущественно къ первымъ вѣкамъ Имперіи, равно какъ и большая часть тѣхъ римскихъ языческихъ подземныхъ гробницъ, имѣющихъ характеръ семейныхъ склеповъ, которыя были открыты въ окрестностяхъ Рима. Самыя замѣчательныя между ними ипогеи, открытыя въ холмѣ Pincio около дороги Salaria Vecchia, въ холмѣ Monte Verde и особенно гробница фамиліи Nasoni (теперь разрушенная), находившаяся не далеко отъ Рима, у консульской дороги Flaminia; она отличалась тѣмъ, что представляла много общаго съ христіанскими катакомбами, какъ въ расположеніи и устройствѣ, такъ и въ манерѣ расписывать и украшать стѣны и потолки подземныхъ комнатъ. Эти ипогеи по большей части украшены живописью, лѣпными работами и мозаиками, приближающимися своимъ стилемъ къ искусству первыхъ вѣковъ имперіи; они вѣроятно одновременны со многими фресками катакомбъ. Напротивъ также языческіе склепы возлѣ Via Latina, Via Appia, не далеко отъ Porta di S. Sebastiana, упомянутые выше, которые слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда обыновеніе сжигать тѣла было въ полной силѣ, незначительны, бѣдны, безъ украшеній и надписей.

XII.

Что-то подобное катакомбах существовало слѣдовательно у язычниковъ въ Римѣ раньше появленія восточныхъ поклоненій, раньше образования тамъ еврейской колоніи, и такимъ образомъ раньше распространенія христіанства. Но у кого бы христіане ни переняли форму своихъ подземныхъ кладбищъ, у Римлянъ ли язычниковъ, у послѣдователей ли сектъ Востока или у Евреевъ, между ипогеями этихъ народовъ и христіанскими катакомбами все таки громадная неизгѣримаѣ разница и именно то различіе, которое существуетъ въ ученіи, въ принципахъ, въ идеяхъ, въ судьбѣ христіанства и остальныхъ вѣрованій. Катакомбы Евреевъ, язычниковъ, народовъ Востока незначительны, какъ распространеніе ихъ поклоненій, и имѣютъ характеръ разьединенія и исключительности. Катакомбы христіанъ разрастаются съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, расширяются, какъ ихъ мировая религія, и сохраняютъ постоянно характеръ общности. Первые—только семейныя гробницы, онѣ выкопаны для извѣстныхъ фамилій или обществъ, это отдѣльные склепы, семейныя ипогеи; вторыя—колоссальный некрополь, изумляющій насъ своею громадностію, принявшій въ свои широкія объятія членовъ одной обширной общины безъ различія національности, родовъ и состояній.

Еврейскія катакомбы имѣютъ болѣе общественный характеръ, чѣмъ ипогеи восточныхъ и языческихъ вѣрованій,— религіозныя и національныя узы связывали Евреевъ, поселившихся въ Римѣ, и составляли изъ нихъ одно семейство; у нихъ также появилось вмеченіе соединять галереями отдѣльныя фамилійныя гробницы; но ихъ катакомбы имѣютъ скоре характеръ кладбища, составленнаго изъ соединенія многихъ семейныхъ склеповъ, чѣмъ общаго мѣста погребенія членовъ большой общины, подобно христіанскимъ катакомбамъ. Фамилійныя гробницы существовали также у христіанъ; мы увидимъ дальше, что изъ соединенія отдѣльныхъ склеповъ и составились катакомбы или по крайней мѣрѣ многія части ихъ. Что христіане не были обязаны хоронить въ извѣстномъ мѣстѣ, видно по надписямъ и по литературнымъ памятникамъ церкви: такъ напримѣръ въ дѣяніи мучениковъ часто говорится, что они были положены въ монументахъ и садахъ, которые приготовили себѣ при жиз-

ни; *) но эти частныя гробницы не были отдѣлены отъ церкви и общины тѣмъ фактомъ, что ихъ устраивали отдѣльно; притомъ онѣ превращались въ общія кладбища, распускались и пропадали въ сѣти катакомбныхъ галерей, чего мы не находимъ въ еврейскихъ ипогеяхъ. Попадаютъ также и семейныя христіанскія склепы, оставшіеся отдѣльными вѣроятно согласно желанію хозяевъ **) для большей сохранности ихъ гробницъ.

Не далеко отъ гробницы Сципіоновъ около двадцати лѣтъ тому назадъ была открыта подземная комната (теперь разрушенная), потолокъ которой украшали фрески, изображавшія библейскія сцены, совершенно подобныя катакомбнымъ. По всей вѣроятности это былъ христіанскій семейный ипогей, не соединившійся съ общинъ кладбищемъ. Гробницы этого рода чрезвычайно рѣдки, и обыкновеніе устраивать отдѣльные склепы далеко отъ общинъ кладбищъ и церквей вошло въ обыкновеніе между христіанами въ концѣ четвертаго и въ пятомъ столѣтіи.

Катакомбы христіанъ отличаются отъ еврейскихъ и языческихъ еще тѣмъ, что первыя вырыты не только для одного погребенія, но и для

*) Такъ напримѣръ Severus, дьяконъ папы Марцеллина конца 3-го столѣтія, говоритъ въ надписи, что выкопалъ въ катакомбѣ Каллиста двойной кубрикулъ, т. е. погребальную комнату для себя и для своихъ (sibi visisque). Въ другой надписи гораздо древнѣе первой, найденной въ 1853-мъ году въ катакомбѣ Domitilla, сказано, что ибато M. Antonius сдѣлалъ для себя и своихъ вѣрующихъ въ Господа (fidentibus in Domino) ипогей. Можно предположить что хозяинъ этой гробницы понималъ подъ словами, приведенными выше, не только своихъ родственниковъ, но вообще всѣхъ братьевъ своихъ по Христу.

**) Оно выразилось въ ипольныхъ надписяхъ, такъ напримѣръ въ одной изъ нихъ на греческомъ языкѣ, по всей вѣроятности принадлежащей къ первымъ временамъ распространенія христіанства, сказано отъ имени хозяина, что не только въ подземной гробницѣ, но и въ саду и портикѣ, находящихся ввозлѣ, не долженъ быть погребенъ никто другой, и въ суду Всевышняго призываютъ тѣхъ, которые нарушатъ или позволятъ нарушить это постановленіе. Въ другой, сдѣланной на саркофагѣ, въ которомъ похороненъ мужъ и жена христіане, сказано отъ имени ихъ: „in hortulis nostris seorsumque“, т. е. „Мы отдѣляемся или удаляемся въ наши сады“. Не эти двѣ надписи, не выражающія вполнѣ братскихъ чувствъ, дѣлаютъ исключеніе изъ массы христіанскихъ эпитафическихъ памятниковъ, собранныхъ до сихъ поръ. Что желаніе отдѣляться не было въ характерѣ первыхъ христіанъ, видно между прочимъ по надписи 515 года, въ которой богатый Римлянинъ смиренно извиняется въ устройствѣ себѣ гробницы въ своей землѣ, говоритъ, что если завидно соседство мучениковъ въ катакомбахъ, то не далеко отъ того мѣста, гдѣ лежатъ его прахъ, находится базилика Св. Вивентія.

посѣщенія и, можно даже сказать, для продолжительнаго пребыванія въ нихъ, тогда какъ вторыя исключительно назначены для погребенія мертвыхъ. Это какъ нельзя лучше видно изъ ихъ устройства. Въ скѣпахъ еврейскихъ, и вообще восточныхъ гробницу часто оставляли незадѣланной, а входъ въ самое подземелье, — который былъ въ отлогости холма, и тогда имѣлъ форму двери, или на ровномъ мѣстѣ, и тогда имѣлъ видъ квадратнаго колодца, — закрывали огромнымъ камнемъ, отваливая его только въ случаѣ погребенія покойника. Посѣщеніе илюгоя при такихъ условіяхъ было не возможно. Въ христіанскихъ же катакомбахъ гробницы были тщательно задѣланы и трупъ герметически запертъ, а входы напротивъ не завалены; при подобномъ устройствѣ христіане могли собираться въ нихъ и въ случаѣ нужды находить убѣжище.

XIII.

Но если не было правила, обязывающаго христіанъ хоронить въ извѣстномъ мѣстѣ, то съ самыхъ раннихъ временъ существовало у нихъ обыкновеніе, превратившееся впоследствии въ законъ, хоронить умершихъ отдѣльно, не въ смѣшеніи съ послѣдователями другихъ вѣрованій. Подобно тому какъ они дорожили покоиться возлѣ гробницъ мучениковъ, что должно было способствовать ихъ спасенію, точно также ненавистна была для нихъ мысль лежать послѣ смерти возлѣ языческихъ гробницъ, въ ихъ оскверняющемъ сосѣдствѣ *). Впрочемъ тоже самое отвращеніе къ погребенію вмѣстѣ съ людьми другой религіи существовало и у Римлянъ язычниковъ. Гробница у нихъ была подъ покровительствомъ особенныхъ законовъ и считалась неприкосновенной святыней. Хозяинъ ея,

*) Известный ученый прошлаго столѣтія, Muratori приводит надпись, найденную имъ во Флоренціи; въ ней сказано, что нѣкто Jucundus, сдѣлавшись христіаниномъ, продаетъ право свое на языческую гробницу рабу Антонію, жены Друза. Это самая древняя надпись изъ до сихъ поръ извѣстныхъ, въ которой названы христіане.

какъ это видно по надписямъ, позволяялъ хоронить возлѣ себя кого ему было угодно.

Мы видѣли, что язычники и Евреи хоронили мертвыхъ отдѣльно. Известно также, что у христіанскихъ сектъ были свои катакомбы (онѣ пока еще не открыты), такъ напримѣръ Новаціанъ имѣли въ Римѣ ипогенъ съ самаго начала отдѣленія ихъ отъ церкви. Случалось также, что послѣдователи одного изъ тѣхъ многочисленныхъ расколовъ, которые появились въ первые вѣка распространенія новой вѣры, пользуясь гоненіями или покровительствомъ властей, отнимали на время у христіанъ ихъ катакомбы, похищали изъ нихъ тѣла мучениковъ и переносило въ свои кладбища, чтобы придать послѣднимъ большее значеніе. Христіанамъ было запрещено ихъ религіозными властями посѣщать катакомбы сектъ и несомнѣнно раздѣленіе мѣстъ погребенія тѣхъ и другихъ. Слѣдовательно нельзя предположить, что вмѣстѣ съ христіанами въ катакомбахъ лежатъ люди другой вѣры, — ни язычники, которые такъ заботились о своихъ гробницахъ, ни христіане не могли допустить подобное смѣшеніе. Это всего лучше доказываютъ самые памятники: гробницъ другаго вѣрованія въ христіанскихъ катакомбахъ еще не нашли, хотя и открыты многія языческія надписи, долгое время приводившія въ затрудненіе изслѣдователей подземнаго Рима. Вотъ какимъ образомъ объясняется этотъ по видимому странный фактъ. Надписи писались или вырѣзывались на мраморныхъ плитахъ и плоскихъ черепицахъ, которыми закрывали *loculi*, а если на нѣкоторыхъ изъ нихъ читаешь слова чисто языческаго значенія, то нельзя не замѣтить, что эти плиты и черепицы (они часто отбиты и лежатъ на полу, но иногда находятся на своемъ первоначальномъ мѣстѣ) были употреблены христіанами какъ матеріалъ или случайно упали въ катакомбы черезъ отверстія, нарочно сдѣланныя, чтобы пропускать свѣтъ и воздухъ въ подземелье. Многія изъ этихъ языческихъ надписей или вовсе не имѣютъ смысла эпитафій, или не соотвѣтствуютъ мѣсту, которое занимаютъ, и противорѣчатъ своему назначенію. Такъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ говорится о цѣломъ семействѣ и о клиентахъ похороненныхъ вмѣстѣ, тогда какъ плита закрываетъ гробницу, въ которой нельзя помѣстить больше одного тѣла. Иногда мраморная доска, будучи слишкомъ велика для своего назначенія, распиlena, и отъ надписи осталась только одна часть ея, или на плитѣ съ одной стороны вырѣзана эпитафія языческая, а съ другой христіанская, и первая обращена во внутрь ниши; часто также она со-

скоблена съ большой заботливостію, обита, замазана известкой, или доска вставлена въ отверстие горизонтальнаго *loculus* такимъ образомъ, что буквы оборочены внизъ. Однимъ словомъ, постоянно когда попадаютъ нехристіанскія надписи въ христіанскихъ катакомбахъ, онѣ или смыслъ, или положеніемъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію.

Катакомбы иногда совпадаютъ со склепами послѣдователей другихъ вѣрованій, но послѣдніе вовсе не продолженіе первыхъ. Религіозное броженіе, упомянутое выше, началось въ римскомъ обществѣ задолго до появленія христіанства, продолжалось нѣсколько времени послѣ торжества церкви и отразилось въ подземномъ Римѣ. Гробницы послѣдователей различныхъ вѣрованій сгруппировались одна возлѣ другой и были раздѣлены подъ землей только тонкою стѣною туфа. Они тщательно избѣгали другъ друга и мы иногда видимъ, что галереи въ христіанскихъ катакомбахъ круто поворачиваютъ въ сторону и мѣняютъ направленіе нарочно, чтобы не встрѣтиться со своими сосѣдями; но такъ какъ обширный христіанскій некрополь болѣе кладбищъ другихъ вѣрованій разрослся во всѣ стороны сѣтью галерей, то эти послѣднія часто проходили довольно близко отъ склеповъ языческихъ. Незначительные слои туфа, оставленные между ними, обрушились отъ времени, или были прорыты изучавшими христіанскія древности, иногда грабителями, такъ что теперь нехристіанскія подземелья составляютъ продолженіе христіанскихъ и изъ однихъ незамѣтно переходить въ другія.

Случалось иногда, что христіане, прошапывая впередъ галерею, не знали о существованіи вблизи ипогеевъ другихъ вѣрованій и соединялись съ ними. Такъ напримѣръ въ центрѣ катакомбы Претекстата находятся гробницы послѣдователей фригійской секты *Sabazius* и жреца или священника бога-солнца непобѣдимаго *Mithras* *), которыя христіане встрѣтили на своемъ пути; но отдѣлили себя отъ нихъ перегородками, слѣды

*) Какъ сказано въ его надгробной надписи: описаніе этого интереснаго, единственнаго въ своемъ родѣ памятника к его ересею, изображающаго символы и таинства загадочныхъ восточныхъ вѣрованій, ведетъ въ исторію христіанскаго искусства, гдѣ имъ снова возвратился къ распространившимся въ Римѣ до появленія христіанства, восточнымъ контакъ по поводу статуи Орсея, нѣсколько разъ представленнаго въ катакомбахъ играющимъ на ларѣ, и оупруннаго слушающимъ его заѣрши, что вѣроятно должно было выражать Христа, утѣщающаго своими протипии рѣчани страсти людей: изображеніе, въ которомъ нельзя не замѣтить слѣдовъ почитанія легендарнаго пѣвца Орсея, очень распространенное въ эти вѣка на Востоцѣ.

которыхъ до сихъ поръ еще видны. Есть также примѣры встрѣчь катакомбъ съ колумбаріями, или подземными комнатами, въ которыхъ хранился прахъ, по большей части, небогатыхъ людей. Не имѣя средствъ построить для себя, для семейства и близкихъ мавзоль или вырыть нпегей, Римляне изъ низшаго класса общества, рабы, отпущенники и тому подобныя бѣдняки дѣлали между собой ассоціаціи для покупки общей Гробницы. Иногда богатая фамилія устраивала колумбарій для своихъ рабовъ и отпущенниковъ.

Въ стѣнахъ этого рода комнатъ отъ низа до верха симметрически, крусами расположены углубленія, имѣющія форму небольшихъ нишъ, какъ гнѣзда въ голубятнѣ, отчего и произошло названіе columbarium (т. е. голубятня). Въ ниши, которыхъ иногда бываетъ до шести сотъ, ставили или вѣшывали попарно небольшія урны или ковчеги формы саркофаговъ изъ мрамора, стекла, глины или другаго матеріала, и въ нихъ сохраняли пепель отъ сожженныхъ труповъ. Имена умершихъ писали подъ нишей, а пространство въ стѣнѣ между ними украшали живописью и лѣпными работами, скорѣе веселаго и живаго характера, чѣмъ погребальнаго и печальнаго, приличнаго жилищу мертвыхъ. Часто представлены крылатые геніи, амуры, гирлянды цвѣтовъ, птицы, рыбы, зелень и тому подобныя предметы, граціозно расположенныя въ классическомъ вкусѣ. Нѣсколько колумбарій открыто въ окрестностяхъ Рима близъ консульскихъ дорогъ; они вырыты на незначительной глубинѣ; стѣны и своды ихъ прежде немного возвышались надъ поверхностію земли, и въ нихъ спускались по внутреннимъ каменнымъ лѣстницамъ. Христіанскія катакомбы идутъ нѣсколько глубже, въ землѣ; но иногда верхняя галерея ихъ встрѣчала низшую часть колумбарія. Это не только оскорбляло религіозное чувство первыхъ христіанъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло быть для нихъ опасно; потому они сейчасъ же закрывали отверстіе и старались подстройками и стѣнами исправить вредъ, нанесенный языческой гробницѣ. Въ кладбищахъ св. Агніи можно видѣть слѣды работъ, чтобы скрыть подобное случайное соединеніе галерей христіанской катакомбы съ колумбаріемъ.

XIV

Катакомбы находятся иногда въ прямомъ сообщеніи съ поверхностію земли посредствомъ трубъ, черезъ которыя проходилъ свѣтъ и возобновлялся воздухъ въ подземельѣ. Последнее было необходимо, особенно въ мѣстахъ, назначенныхъ для собраний, и эти отверстія, «*luminaria*», встрѣчаются преимущественно тамъ, гдѣ совершались обряды и приходило богослуженіе. Многія изъ *luminaria*, которыя видишь теперь въ катакомбахъ, провели послѣ торжества церкви; до этого времени они были неудобны, потому что указывали путь въ ипогеи. Но безъ нихъ, какъ видно, нельзя было обойтись, и они существовали до прекращенія гоненій; были даже примѣры, что палачи бросали въ нихъ мучениковъ. *Luminaria* очень часто имѣютъ косвенное направленіе, расширяясь въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются съ подземельемъ, чтобы освѣщать двѣ комнаты, и иногда галерею, раздѣляющую ихъ. Обыкновенно они не много шире квадратнаго аршина и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходятъ слои рыхлаго туфа или поццоланы, одѣты кирпичной стѣнкой, которую возвышали нѣсколько на поверхности земли, чтобы не позволять ей осыпаться и удерживать стокъ дождевой воды. Когда катакомбы были оставлены, крестьяне римской Кампаніи завалили *luminaria* до верха землей и камнями.

Свѣтъ, проходившій чрезъ *luminaria* въ катакомбы, не былъ достаточно, чтобы освѣщать ихъ, и христіане должны были ходить въ этихъ подземельяхъ не иначе какъ со свѣчами или лампами. Множество глиняныхъ и бронзовыхъ лампъ были въ самомъ дѣлѣ найдены въ катакомбахъ; ихъ носили въ рукѣ, ставили въ небольшія, нарочно для этого сдѣланныя ниши, гдѣ еще видны слѣды копоти, на куски мрамора и черепицы, вдѣланные въ стѣну или прикрѣпленные между плитами могилъ, и иногда привѣшивали на цѣпочкахъ къ потолку комнатъ и галерей или къ канделябрамъ; часто ихъ находятъ на своемъ мѣстѣ, какъ онѣ были поставлены или привѣшены первыми христіанами. Бронзовые лампы встрѣчаются гораздо рѣже глиняныхъ, и по знакамъ и символамъ, изображеннымъ на нихъ, видно, что онѣ не принадлежатъ къ первымъ вѣкамъ распространенія новой религіи. По формѣ христіанскія лампы не отличаются отъ языческихъ, найденныхъ въ большомъ количествѣ въ Помпеѣ и въ развалинахъ римскихъ зданій.

Если первая не совершенно простой работы, то какаянибудь фигура, знакъ, надпись или монограмма указываютъ ихъ христіанское происхожденіе; часто представленъ добрый пастырь, молящаяся женщина, Іона, и т. д. Рисунокъ № 9-й изображаетъ глиняную христіанскую лампу въ величину оригинала; на верхней части ея представленъ въ рельефѣ добрый пастырь съ ягненкомъ на плечахъ, а кругомъ гирлянда изъ зелени

Рис. 9.

и кистей винограда. Изображеніе это очень тонкой работы и хорошаго стиля, что рѣдко встрѣчается въ другихъ христіанскихъ лампахъ. Отверстія по срединѣ и у отбитой оконечности служили, первое — чтобы вливать масло, второе — для фитиля. Матеріалъ, изъ котораго сдѣлана эта лампа, прекраснаго качества. По мнѣнію G. B. de Rossi ее слѣ-

дуетъ отнести ко второму или третьему вѣку. Подобно Евреямъ и язычникамъ, христіане ставили лампы въ самыя гробницы, возлѣ тѣлъ умершихъ, и ихъ потому находятъ не въ одномъ Римѣ, а всюду, гдѣ открыты христіанскія кладбища первыхъ вѣговъ.

Въ катакомбахъ лампы употребляли не для одного освѣщенія, ихъ зажигали также около могилъ умершихъ въ извѣстные дни: обычаи, существовавшій и въ другихъ религіяхъ. У Римлянъ это былъ родъ почести усопшему и духамъ смерти, сторожившимъ и оберегавшимъ гробницы. Свѣтъ горящихъ лампъ по мнѣнію язычниковъ разсвѣтвалъ мракъ, въ который былъ погруженъ умершій, что доставляло ему какъ бы продолженіе существованія послѣ смерти. До какой степени эта мысль занимала Римлянъ, видно по нѣсколькимъ надписямъ, въ которыхъ говорится объ освобожденіи рабовъ, съ условіемъ, что они будутъ содержать возлѣ праха ихъ прежняго владѣльца горящую лампу весь годъ или опредѣленное число дней.

У гробницы того, кто не могъ доставить себѣ послѣ смерти подобной роскоши, зажигали лампу въ положенные дни, преимущественно въ февраль (мѣсяцъ, посвященномъ воспоминанію мертвыхъ и исполненію надгробныхъ обрядовъ), и чѣмъ больше дорожили умершимъ, тѣмъ больше лампъ горѣло у его праха.

Евреи также имѣли обыкновеніе освѣщать гробницы; лампы подобныя христіанскимъ и языческимъ, съ изображеніемъ священнаго свѣтильника съ семью вѣтвями и другими въ этомъ родѣ, были найдены въ еврейскихъ катакомбахъ въ Римѣ. Христіане переняли или, лучше сказать, продолжали этотъ обычай; только у нихъ онъ получилъ совершенно другое значеніе: Для нихъ горящія лампы на гробницахъ были символомъ того небснаго свѣта, который церковь просила для умершихъ. Свѣтъ — одно изъ условій небснаго блаженства у христіанъ: адъ — мѣсто тьмы, рай — мѣсто сіянія. Во многихъ другихъ религіяхъ, едва ли не во всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ, мракъ составляетъ начало непріязненное, враждебное человѣку и есть атрибутъ зла, тогда какъ свѣтъ — принадлежность добра. Въ христіанскихъ надписяхъ часто выражена надежда, что умершіе находятся въ вѣчномъ свѣтѣ въ мѣстахъ сіянія.

Тутъ также рѣзко выказывается, какъ велико было различіе во взглядѣ на смерть и въ понятіи о загробномъ существованіи у христіанъ и у язычниковъ. Последніе пишутъ въ эпитафіяхъ, что мертвые окру-

жены прахомъ могли; часто отъ ихъ имени говорятъ, что они находятся во тьмѣ (*in tenebris*) и лишены свѣта; около ихъ гробницъ зажигаютъ лампы, чтобы разсѣять этотъ мракъ. Загробное существованіе у язычниковъ не переступало предѣловъ могилы; христіане напротивъ говорятъ про своихъ умершихъ, что они живутъ въ свѣтѣ, наслаждаются свѣтомъ, и зажженные лампы у нихъ — эмблематическое представленіе этого свѣта; въ гробницѣ же поютъ только тѣло ожидающее воскресенія.

Въ день смерти мученика христіане собирались у его могилы, и окружали ее горящими лампами; этотъ обычай вошелъ у нихъ въ употребленіе съ очень раннихъ временъ; также и гробницы другихъ христіанъ родственники освѣщали въ день ихъ кончины.

Послѣ прекращенія гоненій огонь не потухалъ передъ прахомъ святыхъ. Около ихъ почитаемыхъ гробницъ часто находятъ небольшіе каменные столбики съ углубленіями на верху, въ которыя вставляли лампы, и масло изъ нихъ разсыпалось во всѣ концы свѣта.

Христіанскія лампы были найдены въ большомъ количествѣ въ Римѣ и внѣ катакомбъ, какъ напримѣръ въ развалинахъ дворца Цезарей на Палатинскомъ холмѣ. Нельзя предполагать, что всѣ онѣ служили въ подземныхъ кладбищахъ или въ домахъ послѣ торжества церкви. Часто онѣ грубой, простой работы, и неудобныя для держанія въ рукѣ; число ихъ притомъ слишкомъ велико для одного домашняго употребленія. Очень вѣроятно, что ихъ изготовляли нарочно для иллюминацій въ память необыкновеннаго событія или по случаю торжества; это подтверждается надписями и изображеніями ихъ, въ которыхъ видѣнъ намекъ на замѣчательное происшествіе или на особенный праздникъ.

Обыкновеніе освѣщать дома и улицы въ день религіозныхъ или гражданскихъ праздниковъ существовало съ давнихъ временъ у Евреевъ и у Римлянъ язычниковъ. Множество лампъ также очень простой и грубой работы, которыя могли служить только для иллюминаціи, открыты въ развалинахъ Помпей. Христіанамъ было запрещено освѣщать свои дома, если торжество имѣло языческій характеръ, что вѣроятно иногда ставило ихъ въ большое затрудненіе и подвергало опасностямъ; потому-то можетъ быть не всѣ соблюдали это правило, какъ видно изъ словъ строгаго Тертуліана, который негодуетъ за это на своихъ родныхъ единовѣр-

цевъ. Тотчасъ же послѣ торжества церкви христіане дѣлали въ праздники точно такія же иллюминаціи, и уже императоръ Константинъ въ ночь на пасху великогѣпно освѣщаль городъ.

XV.

По катакомбнымъ надписямъ, въ которыхъ упоминается, гдѣ обитали умершіе, видно что христіанъ хоронили на сколько было возможно въ ближайшихъ отъ ихъ жилища кладбищахъ. Особенно во время нѣкоторыхъ гоненій, когда переноска тѣла изъ дома въ подземелье по улицамъ многолюднаго города представляла опасности, они должны были придерживаться этого правила.

Обряды погребенія христіанъ въ началѣ вѣроятно мало отличались отъ исполняемыхъ въ этомъ случаѣ Евреями и Римлянами. Много религиозныхъ церемоній изъ міра іудейскаго и классическаго были переняты первыми христіанами, но при этомъ они, разумѣется, старались избѣгать всего, что имѣло чисто языческій или исключительно еврейскій характеръ.

У христіанъ тѣлу надлежало воскреснуть, и потому оно дѣлалось предметомъ особенныхъ попеченій,—его мыли, натирали благовоннымъ масломъ и окружали ароматическими травами, что препятствовало до нѣкоторой степени его быстрому разложенію. Потомъ его заворачивали въ бѣлую простыню и перевязывали въ нѣсколькихъ мѣстахъ тесемками. Въ подобныхъ пеленкахъ изображенъ множество разъ воскресающій Лазарь во фрескахъ и на саркофагахъ катакомбъ. Остатки мучениковъ иногда заворачивали въ драгоценныя ткани. Приготовленное такимъ образомъ къ погребенію тѣло не выставляли передъ дверьми земнаго жилища умершаго, какъ это дѣлалось у Римлянъ, а оставляли до погребенія въ самомъ домѣ, въ мѣстѣ называемомъ *сепасулитъ*, обычай, перенятый вѣроятно у Евреевъ. Послѣ перенесенія покойника въ катакомбы его съ молитвами клали въ гробницу; но только въ царствованіе Константина установились погребальныя обряды.

Во времена гоненій, когда входъ въ катакомбы былъ запрещенъ, разумѣется не исполняли никакихъ церемоній; умершихъ приносили тайно и хоронили съ поспѣшностію. Иногда даже ихъ принуждены были скрывать нѣсколько времени въ домахъ; это видно по остаткамъ извести, которую часто находятъ въ гробницахъ. Она была положена между двумя простынями, составляла пластъ приблизительно въ палецъ толщины и покрывала тѣло съ ногъ до головы. Оттиски ткани сохранились на ея кускахъ, и можно замѣтить, что полотно, находившееся ближе къ тѣлу, нѣсколько тоньше того, которое было съ наружной стороны. Въ подобному способу предохраненія воздуха отъ зараженія разлагающагося трупа христіане должны были прибѣгать только въ такомъ случаѣ, когда переноска покойника въ катакомбы немедленно послѣ его смерти была не возможна по какимъ либо причинамъ.

Вмѣстѣ съ скелетами цѣльныхъ труповъ попадаютъ въ гробницахъ и отдѣльныя кости, на которыхъ иногда видны слѣды огня; находятъ также скелеты безъ нѣкоторыхъ членовъ, безъ череповъ, или одни черепа. Изъ этого видно, что христіанамъ во время гоненій не всегда удавалось уносить тѣла мучениковъ, и они въ такомъ случаѣ хоронили только тѣ части, которыя могли спасти.

Въ день смерти или рожденія этихъ героевъ вѣры, послѣ совершенія надъ гробницами ихъ молитвъ и религіозныхъ обрядовъ, происходили иногда въ самыхъ катакомбахъ братскія трапезы священнаго характера; ихъ устраивали также при рожденіи, свадьбѣ и погребеніи христіанъ. Но первыя, т. е. тѣ, которыя дѣлали въ честь мученика, имѣли болѣе религіозный и общественный характеръ, чѣмъ вторыя, и оставили послѣ себя болѣе слѣдовъ и памятниковъ. Обыкновеніе это чисто языческаго характера существовало также и у Евреевъ, но какъ все, что переняли христіане, получило у нихъ особенное чисто христіанское значеніе. У Евреевъ на погребальныя пиры приглашали всѣхъ безъ различія, они назывались хлѣбомъ скорби, чашей утѣшенія, и во время Апостоловъ достигли такой роскоши, что богатые люди впадали въ нищету, исполняя этотъ раззорительный обычай, чтобы не прослыть нечестивыми. Известно также, что у древнихъ Римлянъ и вообще въ античномъ мірѣ существовало обыкновеніе чрезъ извѣстные сроки и въ день смерти родственника собираться у его гробницы (въ особенномъ для того назначенномъ мѣстѣ или зданіи, о которомъ часто говорится въ надгробныхъ надписяхъ), дѣлать возліанія вина,

жертвоприношенія умершимъ и кончатъ все это пиршествомъ и иногда играми *).

Въ нѣкоторыхъ этрусскихъ ипогеяхъ открыты комнаты, не занятыя саркофагами и опредѣленныя вѣроятно для подобныхъ пиршествъ (fe-galia); послѣднія иногда изображены на вазахъ, такъ называемыхъ этрусскихъ, которыя нашли въ гробницахъ. Бѣдные люди, не имѣвшіе ни средствъ, ни мѣста для устройства пышныхъ пировъ, ограничивались тѣмъ, что въ день смерти родственника ставили у его могилы сосуды съ водою и виномъ и блюда со всякаго рода съѣстными припасами. Остатки ихъ были найдены въ греческихъ гробницахъ южной Италіи и въ этрусскихъ ипогеяхъ.

У христіанъ этого рода религіозныя пиршества назывались агаре, слово означающее на греческомъ языкѣ любовь, милосердіе. Въ первые времена христіанства они происходили въ домахъ; но иногда, особенно въ періоды гоненій въ катакомбахъ, ихъ дѣлали столько-же для того, чтобы почтить память мученика въ день его смерти или рожденія, сколько и для пропитанія бѣдныхъ, которымъ при этомъ раздавалась щедрая милостыня. Этотъ благотворительный обычай существовалъ и въ языческомъ мірѣ, но не въ такихъ размѣрахъ, и не такого братскаго характера, какъ у первыхъ христіанъ. Въ катакомбахъ нашли стеклянныя небольшія чаши, украшенныя фигурами, которыя изображены на золотыхъ пластинкахъ, заключенныхъ въ толщину стекла **). Многіе изъ нихъ вѣроятно были сдѣланы, чтобы служить на агаре въ извѣстные дни и при извѣстныхъ случаяхъ; фигуры и надписи ихъ явно намекаютъ на религіозныя пиршества; иногда представленъ мученикъ, рожденіе и подвиги котораго празднуютъ, и въ надписи упомянуто его имя. Подобныя-же сосуды съ изображеніями символовъ относящихся къ воскресенію употребляли при похоронахъ, а тѣ, на которыхъ представлены мужчина и женщина, на свадебныхъ пиршествахъ. Впрочемъ надо замѣтить, что эти чаши не принадлежатъ къ первымъ временамъ распространенія хри-

*) Очитившись погребальными обрядами, умершіе, по мнѣнію древнихъ Римлянъ, превращались въ гетевъ и духовъ (Divi или Dii Manes) и дѣлались предметомъ поклоенія. Надгробныя надписи въ Римѣ языческомъ обыкновенно начинаются обращеніемъ въ духу умершаго или призваніемъ его, которое писалось въ сокращеніи двумя буквами D. M., обычай этотъ былъ перенятъ христіанами и до сихъ поръ сохраняется у Католиковъ.

**) Мы будемъ говорить о нихъ въ отдѣлѣ символическихъ знаковъ и огуры.

стіанства; онѣ начали входить въ употребленіе въ первые годы 3-го столѣтія, *) и въ пятомъ вѣкѣ уже прекращается ихъ произведеніе.

На саркофагахъ и на стѣнахъ катакомбъ представлены иногда мужчины и женщины сидящіе или лежащіе на дорогихъ подушкахъ, у стола покрытаго богатыми тканями, но на которыхъ не видно ни блюдъ, ни всего необходимаго для обѣда. Въ этихъ изображеніяхъ не слѣдуетъ видѣть агаре; а скорѣе небесныя пиршества, обѣщанныя христіянамъ какъ награжденіе за праведную жизнь; значеніе ихъ будетъ объяснено вмѣстѣ съ символическими знаками.

Въ первыя времена христіанства братскія трапезы любви и милосердія были просты и скромны, но послѣ торжества церкви, когда ихъ совершали не въ катакомбахъ, а въ великолѣпныхъ базиликахъ, не скрыто, а при свѣтѣ солнца, они скоро потеряли свой первоначальный простой и трогательный характеръ, и превратились въ пышные банкеты, на которыхъ исполнялись языческіе обряды, и повторилась невоздержанность, царствовавшая на пирахъ временъ имперіи. Даже и раньше признанія церкви на агаре не преобладала умѣренность, и уже въ третьемъ столѣтіи христіанскіе писатели востаютъ противъ этихъ роскошныхъ пировъ чисто языческаго характера. Это принудило духовныя власти запретить совершеніе ихъ въ церквахъ и базиликахъ и потомъ окончательно уничтожить ихъ.

Обыкновеніе нѣжнаго и трогательнаго характера, класть вмѣстѣ съ умершими тѣ предметы, которые они особенно любили при жизни, и этимъ доставлять ему какъ бы продолженіе земныхъ удовольствій было въ большомъ употребленіи въ древнемъ мирѣ, и происходило въ слѣдствіе убѣжденія, что покойникъ или духъ его продолжалъ жить въ своей гробницѣ. Много интересныхъ вещей и художественныхъ произведеній дошли до насъ этимъ путемъ отъ несуществующихъ больше народовъ и потухшихъ цивилизацій. Гробницы Египтянъ, Этрурянъ, Грековъ, Римлянъ и т. д. до сихъ поръ не перестаютъ обогащать музеи Европы. Взрослыхъ людей хоронили съ ихъ оружіемъ, женщинъ съ любимыми украшеніями, дѣтей съ игрушками. Иногда жилищу мертваго внут-

*) Въ языческомъ римскомъ мирѣ чаши, съ изображеніями на золотыхъ пластинкахъ въ толщій стекла, нѣвѣдущія впрочемъ мало артистическаго достоинства, сколь-ко до сихъ поръ извѣстно, не были въ употребленіи; два обломка стекла найдены въ послѣднее время въ Помпей, и на нихъ видны фигуры на-золотомъ г. унтѣ, который наведенъ на поверхность стекла, а не заключенъ въ толщій его.

ри и снаружи придавали видъ дома и снабжали всѣми принадлежностями жизни, религиозными предметами, различными инструментами, вазами, монетами, одеждою и даже съѣстными припасами. Убранная такимъ образомъ гробница, украшенная живописью, которая представляла занятія умершаго до смерти, дѣлалась какъ бы его заgrabнымъ домомъ; онъ былъ окруженъ въ негѣ изображеніями боговъ, которымъ молился при жизни и которые покровительствовали ему въ послѣднемъ жилищѣ; возлѣ находились подарки родныхъ и всѣ вещи прежде дорогія и необходимы для существованія. Это желаніе воскресить признаки жизни въ могилѣ, и создать повоиннику какъ бы искусственное продолженіе ея не лишено прелести и ниѣтъ свою поэтическую сторону; но въ негѣ нельзя не замѣтить выраженія того непреодолимаго отвращенія чело-вѣка къ смерти, разрушенію и къ мысли; что по окончаніи земнаго существованія не начинается новая жизнь.

Христіане, которыхъ вдохновляла и укрѣпляла вѣра въ воскресеніе тѣла, и надежда на будущую жизнь, которые смотрѣли на могилу какъ на временное пребываніе, а на смерть какъ на проходящій сонъ, разумѣется не могли быть заняты мыслию украшать гробницы и превращать ихъ во что-то подобное земному жилищу; но и они хоронили вмѣстѣ съ умершими различныя вещи и украшенія, иногда чисто языческаго характера. Дѣлая это, христіане продолжали по привычкѣ обыкновеніе, существовавшее въ древнемъ мірѣ, которое не было оставлено тотчасъ-же послѣ принятія новой вѣры, незамѣтно перешло къ нимъ, и сохранялось нѣсколько столѣтій, потерявъ свое прежнее языческое значеніе. Подобное безсознательное повтореніе вѣковаго обычая, образовавшагося въ слѣдствіе нравственной потребности общества, превратившееся въ привычку, столь естественное, столь свойственное вообще чело-вѣку, которое мы встрѣчаемъ и въ другія времена, при перемѣнѣ вѣрованій, достаточно объясняетъ намъ, какимъ образомъ столько элементовъ жизни, обрядовъ и понятій изъ міра античнаго перешли въ міръ христіанскій. Римляне язычники, обращаясь въ христіанскую вѣру, не мѣняли разомъ нравственной природы своей, но—какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ—проходили періодъ, когда были очень слабы въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, и еще не довольно крѣпки въ принятой ими религіи. Это-то время всего полнѣе представлено христіанскими памятниками катакомбъ.

Различныя вещи и украшенія служили иногда, чтобы узнавать могилу близкаго, и тогда онѣ вмазаны въ известку прикрѣпившую плиты къ отверстию *loculus*; но всего чаще ихъ находять въ самой гробницѣ, возлѣ покойника. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ могли имѣть символическое значеніе. Это были дѣтскія игрушки, куклы изъ кости, небольшія вазы, колокольчики, которые родители ждали вмѣстѣ съ ихъ умершими дѣтьми; въ гробницахъ взрослыхъ находятъ украшенія изъ золота и драгоценныхъ камней, принадлежности туалета, зеркала изъ металла, серьги, кольца съ вырѣзанными на нихъ знаками, какъ напримѣръ якорь, пальмой, голубемъ, монограммой Христа и т. д., ожерелья, булавки съ изображеніями женскихъ головъ артистической работы, гребни, бронзовые ящики для храненія духовъ, лампы и стеклянные сосуды съ фигурами религіознаго характера и т. д. Иногда медали и монеты прикрѣплены къ отверстию гробницы, — въ этомъ случаѣ назначеніе ихъ вѣроятно было указывать годъ смерти погребеннаго.

Очень рѣдко находятъ инструменты казни, камни, дѣбли и клеши особенной формы съ крючками, положенные вмѣстѣ съ остатками мучениковъ. Долгое время принимали ножи и желѣзныя оконечности пикъ найденныя въ гробницахъ катакомбъ за орудія мученія, но эти предметы встрѣчаются въ такихъ *loculi*, гдѣ никакимъ образомъ не могъ покояться мученикъ. Ихъ находили также въ гробницахъ другихъ вѣрованій и они безъ сомнѣнія имѣли особенное назначеніе. Точно также различныя инструменты часто представленныя на надписяхъ не изображаютъ орудія казни, а указываютъ ремесло и занятія умершаго при жизни; это-же дѣлали и Римляне язычники.

Христіане избѣгали представленія мученія и всего, что его напоминаетъ; самое слово *мученикъ* чрезвычайно рѣдко встрѣчается на надписяхъ, и по большей части вырѣзано или начерчено послѣ торжества церкви, въ тѣ времена, когда богомольцы въ каждой гробницѣ катакомбъ видѣли прахъ мученика. Ни на одномъ изъ до сихъ поръ открытыхъ памятниковъ христіанскаго искусства первыхъ вѣковъ не видно изображенія пытки или казни умирающихъ за вѣру, и всего одинъ разъ представленъ христіанинъ съ кроткимъ, но рѣшительнымъ выраженіемъ лица и глазами сіяющими особеннымъ огнемъ передъ трибуналомъ императора или судьи, въ ту минуту, когда послѣдній произноситъ роковой приговоръ *).

*) Эта ересь находится въ катакомбѣ Каллиста; ее можно отнести приблизительно къ второй половинѣ третьяго столѣтія.

Только гораздо позже въ концѣ четвертаго или въ пятомъ вѣкѣ начинаютъ появляться изображенія подвиговъ мучениковъ. Подобное удаленіе отъ всего напоминающаго страданія и смерть за Христа происходило вѣроятно столько-же потому, чтобы не смущать новообращенныхъ, еще не очень утвердившихся въ новой религіи, сколько и потому, что все похожее на тешславіе не было въ характерѣ первыхъ послѣдователей ученія Спасителя. Можно также предположить, что христіане Рима безсознательно по традиціи продолжали въ своемъ искусствѣ то удаленіе отъ изображенія мученія человѣка, которое въ хорошее время классическаго искусства преобладало въ немъ.

Много гробницъ въ катакомбахъ вѣроятно заключаютъ прахъ христіанъ казненныхъ во времена гоненій, имена и подвиги которыхъ, не начерченные на плитахъ ихъ *loculi*, остались неизвѣстны; но не разъ также ошибкой принимали могилы христіанъ, не подвергавшихся преслѣдованію и умершихъ естественною смертію, за гробницы мучениковъ. Что преимущественно служило указаніемъ послѣдней, это небольшой глиняный или стеклянный сосудъ «*ampulla*», *) на днѣ котораго видѣнъ осадокъ темнаго цвѣта, поставленный въ гробницу, но чаще вмазанный

Рис. 10.

въ цементъ у отверстія ея. *Ampullae* имѣютъ различныя формы, но ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣми небольшими продолговатыми и узкими стеклянными сосудами, для собираянія слезъ, «*lacrimaria*», которые у Римлянъ обыкновенно клали вмѣстѣ съ умершимъ въ гробницу. Первые

*) См. рисунки № 10, взятый изъ сочиненія Martigny, *Dictionnaire*; возлѣ на известіи начерчена пальмовая вѣтвь, знакъ побѣды.

имѣли совершенно другое назначеніе, неизвѣстное въ языческомъ мірѣ, и ихъ не находятъ въ нехристіанскихъ гробницахъ. До сихъ поръ предполагали, что въ эти сосуды была налита кровь христіанъ умершихъ за вѣру, и это служило какъ бы отличительнымъ знакомъ ихъ гробницъ. Очень вѣроятно, что прежде нѣкоторые изъ *ampullae* заключали кровь мучениковъ, по крайней мѣрѣ много доводовъ оправдываютъ это предположеніе. Кровь пострадавшихъ за вѣру считалась у первыхъ христіанъ величайшей святыней; они собирали ее съ большой заботой, приписывали ей особенную чудотворную силу, передавали ее изъ рода въ родъ, какъ вообще мощи, и искали въ ней покровительства домамъ своимъ, себѣ и потомкамъ, въ этой и въ будущей жизни. Изъ дѣяній мучениковъ видно, что христіане сопровождали своихъ братьевъ идущихъ на казнь, бросались въ арены между дикими звѣрьми, собирали кровь мучениковъ губками или мочили въ ней края одежды; многіе изъ нихъ дѣлали это передъ глазами палачей и иногда платили жизнью за подобную смѣлость. Потому эту святыню сохраняли въ сосудахъ (*ampullae*), на днѣ которыхъ еще видны иногда куски высохшихъ губокъ, или берегли предметы окрашенные ею.

Осадокъ темнаго цвѣта, найденный на днѣ *ampullae*, въ большинствѣ случаевъ вѣроятно образованъ кровью. Разложенный химически нѣсколько разъ, между прочимъ извѣстнымъ ученымъ 17-го вѣка Лейбницемъ и — что важнѣе — въ послѣднее время, онъ оказывался произошедшимъ отъ жидкости очень приближающейся своимъ составомъ къ человѣческой крови. Если-же это кровь, то разумѣется она была пролита только мученикомъ и могла быть иногда соединена съ его остатками. Но всегда ли сосудъ съ осадкомъ темнаго цвѣта, вмязанный у отверстія гробницы или поставленный внутри ея можетъ служить доказательствомъ, что въ ней покоится прахъ умершаго за вѣру? До нашихъ дней это казалось неоспоримой истиной, не столько для христіанскихъ археологовъ, сколько для католической церкви, которая не разъ, и даже очень недавно въ царствованіе Пія IX-го торжественно выразила это мнѣніе. Однако послѣ новѣйшихъ изслѣдованій *) едва ли можно утверждать, что *ampulla* исключительно имѣла это одно назначеніе. Надписи, годъ смерти мнимаго мученика и многія другія доводы, справедливость которыхъ слѣдуетъ признать, какъ нельзя лучше доказываютъ это.

*) La Question du Vase de Sang, par Edmond Le Blant. Paris. Durand 1858.

Сосудъ съ темнымъ осадкомъ встрѣчается напримѣръ, также и у гробницъ, гдѣ похоронены христіане, умершіе послѣ прекращенія гоненій, или возлѣ эпитафій, въ которыхъ выражено только скромное желаніе, чтобы скончавшійся находился въ вѣчномъ блаженствѣ, въ родѣ слѣдующей: «Да приметъ тебя Христосъ» вмѣсто утвердительной формы «ты со Христомъ», которая такъ часто встрѣчается въ катакомбахъ, и разумѣется была бы болѣе на своемъ мѣстѣ у могилы мученика. Иногда въ надписяхъ возлѣ *ampulla* говорятъ съ большою подробностію о жизни и занятіяхъ умершаго, или хвалить его красоту, доброту и другія качества; такъ напримѣръ на одной изъ нихъ описана служба солдата; на другой — отъ имени погребенной сказано, что она жила шестьдесятъ лѣтъ вдовой не обрешенія своимъ содержаніемъ общину, что также не въ характерѣ эпитафій мучениковъ, замѣчательныхъ своею кротостію. Или же эти надписи вовсе не имѣютъ христіанскаго характера. Римляне язычники, страшась роковой минуты смерти, искали утѣшенія въ философскихъ идеяхъ и на гробницахъ ихъ часто читаешь слова въ родѣ слѣдующихъ: «Утѣшься,—никто не безсмертенъ», или, какъ бы смѣясь надъ кончиной и презирая жизнь, они писали отъ имени умершаго: «Я не существовалъ, я не существую, что мнѣ до того!» — Очень понятно, что у христіанъ чрезвычайно рѣдко встрѣчаешь выраженіе подобныхъ мыслей, и случалось, что сосуды съ темнымъ осадкомъ находили иногда именно возлѣ эпитафій такого характера. Напротивъ у мощей извѣстныхъ мучениковъ не видно *ampulla*, и писатели церкви ничего не говорятъ объ этомъ отличительномъ знакѣ ихъ гробницы. Нѣтъ потому никакого сомнѣнія, что *ampulla* употребляли и въ другихъ случаяхъ, и мы не безъ основанія имѣемъ право предположить, что первые христіане, которые вообще такъ дорожили покоиться возлѣ праха праведныхъ и любили окружать себя мощами, собирали кровь мучениковъ, передавали ее изъ рода въ родъ и послѣ смерти поручали себя этой драгоценной святинѣ, покровительство которой такъ сильно (какъ сказано въ одной надписи), что капли ея достаточно для очищенія души умершаго отъ грѣховъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько сосудовъ были найдены въ одной гробницѣ, и иногда одна *ampulla* прикрѣплена къ стѣнѣ по срединѣ галереи или въ центрѣ катакомбной комнаты къ потолку, какъ бы для того, чтобы покровительствовать группѣ гробницъ.*)

*) По нѣкимъ рискамъ археологовъ, подобное предположеніе сдѣлается воз-

Обыкновеніе собирать кровь мучениковъ существовало не въ одномъ Римѣ, и сосуды были найдены въ катакомбахъ Кьюзи и въ другихъ первобытныхъ христіанскихъ кладбищахъ.

Одной изъ главныхъ причинъ уничтоженія многихъ интересныхъ памятниковъ искусства, можно даже сказать частнаго раззоренія катакомбъ, было желаніе, о которомъ мы упомянули выше, устраивать гробницы какъ можно ближе къ тому мѣсту, гдѣ погребенъ мученикъ, чтобы тѣло, положенное рядомъ съ нимъ, пользовалось его защитою, а душа заступничествомъ передъ престоломъ Бога. Это повѣрье существовало и раньше торжества церкви, но распространилось особенно послѣ прекращенія гоненій.

Въ первыя времена христіанства только одно желаніе покоиться вмѣстѣ, отдѣльно отъ язычниковъ всего болѣе соединяло вѣрующіхъ послѣ смерти, но въ послѣдующіе вѣка, какъ видно по надписямъ, увеличивается забота приблизиться своимъ прахомъ къ святому мѣсту и не въ одномъ только Римѣ, а во всемъ христіанскомъ мірѣ того времени, въ Италіи, на Востокѣ, въ Галліи. Подъ влияніемъ ея гробницы мучениковъ дѣлаются центрами, около которыхъ тѣснятся могилы христіанъ и погребеніе въ подземныхъ кладбищахъ Рима продолжается больше столѣтія послѣ Константина. Это разумѣется было причиною разрушенія многихъ памятниковъ, и не рѣдко видишь въ катакомбахъ фрески сильно попорченныя или перерѣзанныя пополамъ горизонтальными нишами, которыя были высѣчены въ стѣнахъ комнатъ уже прежде росписанныхъ или въ плоской глубинѣ *arcosolium*, также украшенной живописью. Во многихъ катакомбныхъ эпитафіяхъ сказано, что умершій погребенъ «*ad sanctos*» —возлѣ святыхъ; «*ad martyres*» —возлѣ мучениковъ; или «*ante*» —передъ, «*supra*» —надъ, «*retro*» —сзади—«*sanctos*», святыхъ.

Подобныя гробницы должны были стоить иногда довольно дорого, особенно если ихъ приходилось высѣвать въ мѣстахъ неудобныхъ. Но препятствія не останавливали христіанъ, и когда въ бокахъ комнатъ не

можно только, когда будетъ доказано, что во всѣхъ вышеназванныхъ случаяхъ *ampulla* была наполнена кровью, а не наемъ либо другою жидкостью. Очень вѣроятно, что иногда за неимѣніемъ этой святыни въ сосудъ наливали святую воду, масло изъ лампъ, горящихъ у могилъ умершихъ за вѣру, и вино евхаристіи; послѣднее высыхая оставляетъ также осадокъ темнаго цвѣта. Но едвали можно утверждать, что это случалось именно каждый разъ, когда *ampulla* была присоединена къ гробницѣ христіанина явнымъ образомъ не мученика.

было свободного пространства для новаго *loculus*, то его высѣлали въ сосѣдней галереѣ, но на надписи не забывали упомянуть, что онъ принадлежитъ къ такому то *subiculum*, гдѣ похороненъ мученикъ, дабы хотя номинально получить то, чего нельзя было достигнуть на дѣлѣ.

Такъ какъ послѣ торжества церкви выкапываніе новыхъ галерей стали по немногу оставлять въ катакомбахъ и всѣ работы въ нихъ были направлены только на то, чтобы устроить семейный склепъ или вырубать *loculus* въ мѣстахъ уже прежде занятыхъ, то это неминуемо привело бы со временемъ къ окончательному раззоренію подземныхъ кладбищъ. Уже въ четвертомъ столѣтіи могильщики (*fossoges*), торговавшіе мѣстами въ катакомбахъ, начали производить въ нихъ самыя неправильныя работы и разширенія, причинявшія большой вредъ ихъ прочности. Папа Дамазъ (366—384), котораго можно назвать хранителемъ римскихъ святынь, положилъ предѣлъ этому злоупотребленію; онъ особенно любилъ катакомбы и построилъ въ нихъ много поддержекъ, сводовъ, лѣстницъ и луминарій; слѣды его строительной дѣятельности до сихъ поръ еще видны въ подземномъ Римѣ. Онъ не воздвигалъ надъ кладбищами разрушительныя для нихъ базилики и открылъ много гробницъ мучениковъ, заваленныхъ христіанами во время послѣднихъ гоненій и погребенныхъ подъ грудю камней и земли. Въ особенныхъ объяснительныхъ надписяхъ этотъ папа описываетъ, часто стихами, подвиги героевъ христіанской вѣры и иногда указываетъ на работы, произведенныя имъ для украшенія и возстановленія ихъ гробницъ. *)

Никто не имѣлъ столько права покоиться подлѣ праха мучениковъ, въ катакомбахъ Баллиста, гдѣ уже лежали многіе изъ его предшественниковъ, какъ папа Дамазъ; но онъ не хотѣлъ сдѣлать для себя то, что не позволялъ другимъ, и въ надписи, которая была помѣщена имъ въ катакомбѣ Баллиста вондѣ гробницъ нѣсколькихъ напъ и мучениковъ третьяго столѣтія, отказывается отъ этой чести, говоря, что очень желалъ бы лежать въ сосѣдствѣ святыхъ, но боится этимъ обезпокоить ихъ прахъ. Въ другой надписи, по всей вѣроятности пятаго столѣтія,

*) Достоинно замѣчанія, что всѣ до сихъ поръ открытыя надписи, сочиненныя папой Дамазомъ, вырѣзаны на ирамерныхъ плитахъ особеннымъ очень красивымъ шрифтомъ, постоянно тѣмъ же искуснымъ артистомъ *Furius Dionysius Filocalus*. Оригинальная форма буквъ этихъ эпиграфическихъ памятниковъ, которая встрѣчается исключительно только въ дамазіановскихъ надписяхъ, не разъ показывала Bossi кучу въ историческихъ гробницахъ.

найденной въ древней базиликѣ св. Лаврентія, in Campo Verano, не далеко отъ римскихъ стѣнъ, архидіаконъ Sabinus говоритъ, что какъ служитель алтара онъ часто приближался къ священному престолу при жизни, но не смотря на это, желаетъ быть похороненъ воздѣ дверей церкви; потому что не матеріальнымъ соприсноновеніемъ съ прахомъ мучениковъ слѣдуетъ приближаться къ нимъ, а подражаніемъ при жизни ихъ подвигамъ и ихъ добродѣтелямъ. Нельзя не признать справедливости мнѣнія архидіакона Сабина, и если бы вѣрующіе въ четвертомъ и пятомъ столѣтіи были его мнѣнія, то сохранили бы намъ много интересныхъ памятниковъ первоначальнаго христіанскаго искусства.

XVI.

Комнаты, находящіяся въ катакомбахъ и называемыя *cubicula*, о которыхъ мы уже нѣсколько разъ говорили, также высѣчены въ туфѣ и соединены съ галереями посредствомъ дверей. Они составляютъ продолженіе кладбища и въ бокахъ ихъ устроены горизонтальныя ниши (*loculi*) въ нѣсколько ярусовъ или гробницы формы аркосоліумъ (*arcosolium*). У Римлянъ язычниковъ *cubicula* назывались покои, назначенные для отдохновенія и сна; первые христіане дали это названіе своимъ погребальнымъ комнатамъ, вѣроятно желая этимъ выразить, что въ нихъ спали умершіе въ ожиданіи великаго дня воскресенія. *Cubicula* въ катакомбахъ по большей части бывають квадратныя, но встрѣчаются также круглыя, полукруглыя, треугольныя, многоугольныя и т. д. Эти комнаты не были многочисленны въ подземныхъ кладбищахъ Рима. Р. Магчи въ восьмой части катакомбъ св. Агніи возлѣ дороги *Nonentana*, приблизительно въ двухъ миляхъ отъ Рима, насчитываетъ ихъ до шестидесяти. Между *cubicula* слѣдуетъ различать тѣ, которыя устроены частными людьми и были первоначально семейными склепами, и выкопанныя церковью, когда подземныя кладбища перешли въ ея руки; первыя многочисленнѣе, почти всегда древнѣе послѣднихъ и невелики.

На рисунокъ № 11, взятъ изъ сочиненія G. V. de Rossi, Roma Sott. Crist. T. II, представленъ cubiculum катакомбъ Каллиста по всей вѣроятности втораго столѣтїа; его стѣны украшены фресками по стукку, изображающими различные христіанскіе символы и легенды; въ бокахъ его высѣчены горизонтальныя гробницы правильныхъ и хорошихъ размѣровъ; плиты, находившіяся у ихъ отверстїа, выбиты. Комнаты,

Рис. 11. .

выкопанныя церковью для собраній вѣрующихъ и для совершенія религиозныхъ обрядовъ, занимаютъ часто своей высотой нѣсколько этажей катакомбныхъ галерей и такъ велики, что въ нихъ могутъ помѣститься до восьмидесяти человекъ. По срединѣ ихъ часто стоялъ престолъ, а въ глубинѣ въ особенной нишѣ кресло епископа. Онѣ назывались крип-

тами (*cripta*) и почти всегда были двойныя, раздѣленныя галереей каткомбъ; или же состояли изъ нѣсколькихъ *subicula*, въ расположеніи которыхъ можно замѣтить, что однѣ назначались для женщинъ, другія для мужчинъ. Это обыкновеніе раздѣлять оба пола еще долго потомъ продолжалось въ христіанской церкви, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Востока сохранилось до нашихъ дней. Многіе археологи предполагаютъ, что для оглашенныхъ находились также отдѣльныя мѣста въ криптахъ, выкопанныхъ церковью. Есть въ самомъ дѣлѣ *subicula* какъ бы нарочно отдѣленныя отъ остальныхъ; но были ли они назначены для оглашенныхъ—рѣшить трудно.

Въ каткомбахъ св. Агніи открыта группа комнатъ, которая можетъ дать вполне удовлетворительное понятіе о формѣ и расположеніи этихъ подземныхъ церквей или первобытныхъ мѣстъ собранія вѣрующаго. Крипта, о которой мы говоримъ, состоитъ изъ пяти небольшихъ квадратныхъ комнатъ, или *subicula*, почти одинаковой величины, расположенныхъ въ одну линію и сообщенныхъ между собою посредствомъ большихъ дверей или отверстій. Въ одномъ изъ крайнихъ *subicula* было мѣсто, гдѣ совершалось богослуженіе и откуда вѣроятно говорились проповѣди (*presbyterium*); его видно изъ остальныхъ комнатъ, и противъ него въ особенной нишѣ помѣщено кресло или сидѣнье епископа, высѣченное въ туфѣ; вдоль стѣнъ съ двухъ сторонъ оставлено небольшое возвышеніе формы скамейки, можетъ быть для духовенства. Престолъ этой церкви вѣроятно былъ подвижной деревянный, переносимый съ мѣста на мѣсто; по крайней мѣрѣ слѣдовъ постоянного престола тутъ нигдѣ не видно, и онъ не могъ находиться, какъ обыкновенно, въ нишѣ *arcosolium*, противъ входа въ *subiculum*, потому что тутъ стояло кресло епископа. Галерея проходитъ между третьей и четвертой комнатой, отдѣляя двѣ послѣднія; къ нимъ вела прежде особенная лѣстница, такъ что не безъ нѣкотораго основанія можно предположить, что тутъ собирались женщины, тогда какъ два другихъ *subicula*, находящіяся ближе къ той комнатѣ, гдѣ происходило богослуженіе, гдѣ видно кресло епископа и мѣсто духовенства, были назначены для мужчинъ. Длина всего ряда кубиковъ вмѣстѣ съ шириной галереи, раздѣляющей ихъ, приблизительно 46-ть футовъ; нѣсколько *luminaria* проводили въ нихъ свѣтъ и возобновляли воздухъ. Р. Marchi предполагаетъ, что этотъ криптъ былъ выкопанъ въ концѣ второго или въ началѣ третьяго столѣтія; въ немъ не нашли живописи, но видны архи-

тектурныя украшенія, остатки мраморныхъ плитъ, которыми прежде были выложены полы, ниши для статуй и колоны между комнатами, оставленныя въ туфѣ и покрытыя стукомъ. Другой подобной группы подземныхъ комнатъ, въ которой такъ ясно выказывается приспособленіе къ богослуженію, до сихъ поръ еще не открыли; но часто видны возлѣ агсосоліа, служившихъ престолами, мѣста для духовенства и кресла епископовъ? Cubicula, назначенныя для крещенія, также находятся въ катакомбахъ, и до сихъ поръ еще можно видѣть въ нихъ слѣды работъ, чтобы собрать сточную воду въ одно мѣсто. Въ подземномъ кладбищѣ Pontianus нашли четырехугольную комнату съ углубленіемъ по серединѣ, которое вѣроятно служило купелью; фреска, находящаяся тутъ и изображающая крещеніе Спасителя, оправдываетъ это предположеніе.

Впослѣдствіи христіане, строя свои храмы на поверхности земли, часто давали имъ форму языческихъ базиликъ, но можно сказать, что еще въ катакомбахъ развились тѣ архитектурныя раздѣленія и части, которыя приспособили базилики къ совершенію религиозныхъ обрядовъ и измѣнили ее, на сколько это было нужно для потребностей и обычаевъ христіанъ того времени.

Стѣны и потолки катакомбныхъ комнатъ, иногда плоскіе, иногда сферическіе, не рѣдко расписаны фресками и вообще болѣе обыкновенныхъ галерей и криптъ, вырытыхъ церковью, украшены стѣнною живописью, колоннами вырубленными въ туфѣ и другими архитектурными элементами; послѣдніе представляютъ иногда хорошіе размѣры и напоминаютъ работы цвѣтущаго времени римскаго искусства; но это еще съ большимъ основаніемъ можно сказать про фрески катакомбъ, — нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ своимъ сходствомъ съ произведеніями римскаго искусства и до того приближаются къ нимъ, что глазъ, не привыкшій узнавать въ формахъ классическаго стиля выраженіе христіанскихъ догматовъ и идей, едва ли отличить ихъ отъ той игривой стѣнной живописи, которая украшаетъ дома и храмы въ открытой Помпѣѣ. Присутствіе подобныхъ памятниковъ въ катакомбной комнатѣ помогаетъ опредѣлить время ея устройства, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ нельзя положительнѣе, что христіанское искусство въ Римѣ появилось въ одно время съ распространеніемъ ученія Спасителя. Едва ли можно болѣе сомнѣваться въ этомъ. Въ той части римскихъ катакомбъ, которая уже открыта и изслѣдована, есть фрески принадлежащія несомнѣнно къ концу перваго или началу втораго столѣтія, и мнѣніе, что подземныя гробницы

первых христіанъ были скрыты и бѣдны, что украшенія, стѣнная живопись и произведенія скульптуры, найденныя въ нихъ, работа послѣдующихъ столѣтій, что фигуративныя изображенія постепенно, какъ бы тайкомъ и противъ принятаго обычая, были введены въ христіанскую общину въ Римѣ, совершенно опровергнуто сколько послѣдними открытіями, столько же и болѣе тщательнымъ изученіемъ памятниковъ уже извѣстныхъ прежде. Не преувеличивая можно сказать, что чѣмъ древнѣе *cubiculum*, чѣмъ ближе онъ къ апостольскому періоду, тѣмъ многочисленнѣе произведенія искусства, украшающія его, тѣмъ свободнѣе и богаче типами и манерой выраженія религиозныя фигуры и сцены, представленныя на его стѣнахъ, не говоря уже про ихъ художественное достоинство, которое понижается съ каждымъ десятилѣтіемъ. Цвѣтущее состояніе языческаго искусства, какъ справедливо замѣчаетъ G. B. de Rossi, въ царствованіе Флавіевъ, Траяна, Адріана, Антониновъ, многочисленность живописцевъ и скульпторовъ, работавшихъ въ это время въ Римѣ, обращеніе въ христіанскую вѣру богатыхъ и значительныхъ лицъ, даже членовъ императорскихъ фамилій, все это было, разумѣется, какъ нельзя болѣе благоприятно рождающемуся христіанскому искусству. Напротивъ, упадокъ искусства въ Римѣ въ третьемъ и четвертомъ вѣкѣ, возрастающая дороговизна работы художниковъ, рѣдкость ихъ, постоянное уменьшеніе богатства страны и общественнаго благосостоянія; наконецъ гоненія болѣе частыя и особенно болѣе послѣдовательныя въ третьемъ столѣтіи, чѣмъ въ два предъидущія, все это не могло не отразиться невыгоднымъ образомъ и на памятникахъ катакомбъ. Мы увидимъ дальше, что подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ христіанскіе ипогемъ пользовались болѣею безопасностію въ началѣ періода, предшествовавшего торжеству церкви, чѣмъ въ концѣ его, и живопись христіанская потому съ болѣею свободою могла изображать библейскія сцены и евангельскія сюжеты, вообще дѣятельность ея была менѣе стѣснена въ началѣ перваго столѣтія и во второмъ, чѣмъ въ третьемъ и въ первыхъ годахъ четвертаго. Можно потому сказать, что если христіанская вѣра съ каждымъ годомъ распространялась все болѣе и болѣе, приобрѣтая силу и вліяніе, то въ то же время пропадали благоприятныя условія развитія ея искусства; оно шло къ упадку, и рамка его дѣятельности постепенно суживалась. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что у первыхъ христіанъ вовсе не было того удаленія, того отвращенія отъ искусства и пріемовъ его, которое въ нихъ до сихъ поръ предполагали. Памятниками

самыхъ раннихъ временъ и общій характеръ ихъ въ послѣдующіе вѣка доказываютъ намъ это. Въ третьемъ столѣтіи, напримѣръ, въ христіанскихъ религіозныхъ изображеніяхъ встрѣчаются фигуры не только прямо перенятія у міра классическаго, но часто сохранившія въ новой религіи то символическое значеніе, которое они имѣли у язычниковъ, фигуры, сдѣлавшіяся уже очень обыкновенными въ христіанскомъ искусствѣ и получившія въ немъ права гражданства. Нельзя потому сказать, что подражаніе началось лишь въ третьемъ столѣтіи. Это, какъ мы уже сказали, только одно заимствованіе формъ, для выраженія новыхъ идей, но оно проявляется съ самыхъ раннихъ временъ распространенія ученія Спасителя въ Римѣ. Въ надписяхъ, въ символическихъ изображеніяхъ, въ обычаяхъ первыхъ христіанъ, въ ихъ религіозныхъ обрадахъ и церковныхъ церемоніяхъ, всюду мы встрѣчаемъ слѣды этого заимствованія. Какимъ же образомъ можно предположить, что первые христіане въ Римѣ, съ отвращеніемъ смотря на все, что напоминало имъ язычниковъ, ихъ предрасудки и вѣрованія, удалялись отъ фигуративныхъ изображеній, и не имѣли искусства, но что слѣдующія за ними поколѣнія начали перенимать классическія формы для выраженія своихъ стремленій, вѣрованій и надеждъ, начали украшать гробницы фресками и скульптурными работами языческаго характера. Такая быстрая перемѣна, такой внезапный переворотъ лишены всякой вѣроятности. Слѣдуетъ скорѣе заключить, что моментъ принятія христіанской вѣры не имѣлъ отгѣнка аскетизма, не выразился тою нетерпимостію, столь несвойственною вообще первымъ христіанамъ, которую обновѣрцы ихъ послѣдующихъ столѣтій стараются имъ приписать. Изучая памятники и надписи христіанъ въ катакомбахъ, нельзя представить себѣ иначе нравственнаго состоянія вѣрующихъ этого времени, какъ стремленіемъ необыкновенно чистаго и поэтическаго характера, можетъ быть не очень ясно опредѣленнаго, и не вполне установленнаго догматически, но идеальнаго, возвышеннаго, преисполненнаго любви и примирительныхъ чувствъ, вдохновленнаго великимъ ожиданіемъ втораго пришествія и несокрушимой вѣрой, выраженной самымъ нѣжнымъ и трогательнымъ образомъ, безъ отгѣнка исключительности и нетерпимости. Идеи аскетизма, ненависти къ жизни и къ ея радостнымъ проявленіямъ, убіенія плоти начали появляться въ Римѣ съ четвертаго столѣтія, и перешли туда съ Востока; до этого времени мы не видимъ выраженія ихъ въ искусствѣ римскихъ христіанъ; напротивъ тѣмъ древнѣе памятники катакомбъ, тѣмъ сильнѣе проявляется ихъ

веселый, одушевленный, граціозный, живой, но вмѣстѣ умилятельный характеръ, тѣмъ свободнѣе пониманіе и передача сюжета религіозной сцены.

Очень вѣроятно, что Евреи, принявшіе христіанство, перенесли въ новую религію свое традиціональное удаленіе отъ фигуративныхъ изображеній, и что христіанское ученіе, вышедшее въ Римѣ изъ синагоги *), въ самомъ началѣ своего распространенія удержало нѣсколько еврейскій характеръ, враждебно смотря на искусство, и удаляясь отъ изображенія божества, запрещеннаго закономъ Моисея. Но этотъ періодъ, если и допустить его существованіе, былъ непродолжителенъ; по крайней мѣрѣ въ надписяхъ, въ живописи и скульптурѣ катакомбъ не только не видно прямого отраженія еврейскаго вліянія, но даже легенды этого народа, принятые христіанами, начинаютъ выражать въ ихъ искусствѣ совершенно новыя, чисто христіанскія идеи. Притомъ мы видѣли, что въ своихъ катакомбахъ Евреи употребляли фрески и другія украшенія въ языческомъ вкусѣ, на гробницахъ ихъ надписи сдѣланы на греческомъ языкѣ, и элементы классической культуры преобладали въ ихъ средѣ, по крайней мѣрѣ, что касается еврейской колоніи Рима. Слѣдовательно если они и дали долю своего характера христіанству, въ минуту его появленія въ Римѣ, то все таки не могли видѣть ему удаленія отъ фигуративныхъ изображеній, котораго не имѣли сами **).

Желаніе видѣть представленіе своихъ религіозныхъ стремленій, надеждъ и вѣрованій красками и пластическими формами, какъ нельзя болѣе естественно въ людяхъ, жившихъ въ средѣ преисполненной любовью ко всему изящному, принадлежавшихъ по своимъ художественнымъ инстинктамъ къ міру классическому, въ которомъ фигуративныя искусства были столь же обыкновеннымъ, столь же дѣйствительнымъ способомъ передачи мысли и выраженія не только чувствъ, но и отвлеченныхъ понятій и идей того времени, какъ и самая рѣчь ***).

*) Этими я хочу сказать, что первыя проповѣдники, равно какъ и большинство первыхъ послѣдователей ученія Спасителя въ Римѣ были Евреи.

**) Гораздо продолжительнѣе былъ періодъ греческій въ Римѣ христіанскомъ. Въ началѣ третьяго столѣтія языкъ греческій былъ во всеобщемъ употребленіи въ римской церкви, на немъ молились и писали надписи; только впоследствии онъ мало по малу сталъ уступать мѣсто латинскому языку.

***) До сихъ поръ нашли только очень ограниченное число статуй, которыми можно отнести къ первымъ грѣмъ вѣкамъ христіанскаго искусства (они представляютъ пре-

Духовныя власти не противились этому, писатели церкви и главы ея, осуждавшіе всякое произведеніе искусства, но особенно изображеніе божественныхъ лицъ и священныхъ легендъ и возстававшіе противъ подобнаго, по ихъ мнѣнію, преступнаго подражанія язычникамъ, какъ напримеръ Климентъ Александрійскій, Тертуліанъ, Оригенъ и т. д., принадлежали не Италіи, а симетическому Востоку и Африкѣ, т. е. тѣмъ странамъ, гдѣ изображеніе божества было запрещено религіями нѣкоторыхъ народовъ, гдѣ вообще никогда не проявлялось влеченіе къ выраженію чувствъ и мыслей живописью и пластическими формами, которое постоянно преобладало въ Греціи и Италіи. Описаніе первобытныхъ христіанскихъ памятниковъ, фресокъ и саркофаговъ и объясненіе надписей, на которыя упираются выше изложенныя мнѣнія, удалить насъ отъ исторіи происхожденія и постепеннаго образованія катакомбъ, — послѣдней посвящена вторая половина этой книги.

Въ отдѣлѣ исторіи христіанскаго искусства мы снова возвратимся къ предмету, о которомъ считали не лишнимъ сказать нѣсколько словъ, окончивъ описаніе архитектурныхъ формъ катакомбъ, ихъ комнатъ, галерей и гробницъ.

иумощественно добраго пастыря), тогда какъ напротивъ многочисленныя памятники стѣнной живописи этого періода, открытыя въ катакомбахъ; изъ этого обыкновенно заключаютъ, что первые христіане Рима предпочитали изображать Спасителя, Богонаторя и святыхъ живописью, избѣгая статуй, потому что эти послѣднія болѣе чѣмъ ереси напоминали ихъ языческихъ боговъ. Въ этомъ нельзя сомнѣваться, но не слѣдуетъ однако упускать изъ вида, что большая часть символическихъ сценъ и фигуръ всего чаще представляемыхъ первыми христіанами, какъ напримеръ жертвоприношеніе Исаака Авраамомъ, воскресеніе Лазаря, излѣченіе расслабленнаго и т. д. могли быть исполнены только живописью или въ барельефахъ, никакъ не отдѣльными статуями, и что вообще идеи вдохновляющія христіанскія религіозныя изображенія, равно какъ и всѣ особенности ихъ внутренняго характера, болѣе способны были выражены красками, чѣмъ пластическими формами. По этой же причинѣ живопись превзошла надъ скульптурой въ Италіи въ эпоху возрожденія.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

I.

До Константина катакомбы имѣли различную участь; но ошибочно было бы предполагать, что онѣ постоянно сохраняли скрытый и таинственный характеръ, что существованіе ихъ не было извѣстно властямъ и римскому обществу, и наконецъ, что всѣ гоненія христіанъ простирались также на ихъ гробницы и памятники. Были причины, помогавшія образованію катакомбъ, были обстоятельства, создававшія имъ родъ законнаго существованія. Судьба ихъ разумѣется часто зависѣла оттого, на сколько были терпимы сами христіане; но преслѣдованія первыхъ двухъ столѣтій не касались кладбищъ, и останавливались у предѣла ихъ.

Отдѣльные семейные христіанскіе склепы (пункты, отъ которыхъ пошли подземные ходы и разрослась съѣтъ катакомбныхъ галерей) начались въ Римѣ въ первые года распространенія христіанства, и могли существовать тамъ на томъ же основаніи, какъ и гробницы другихъ вѣрованій. Мы уже видѣли, что послѣдователи восточныхъ поклоненій могли, исключая короткихъ періодовъ гоненій, безпрепятственно совершать въ Римѣ религиозные обряды и хоронить согласно принятому ими обычаю. У нихъ были свои священники, храмы, имѣнія, свои привилегіи, доходы, богатства, и римскія власти въ большинствѣ случаевъ относились къ нимъ съ величайшею осторожностію. Христіане, которыхъ при ихъ появленіи смѣшивали съ Евреями, подобно послѣднимъ, могли имѣть свои подземелья, и уваженіе Фимлянъ язычниковъ къ гробницамъ всѣхъ народовъ и вѣрованій должно было не мало помогать началу и развитію христіанскихъ катакомбъ.

Въ древнемъ Римѣ гробницы находились подъ покровительствомъ особенныхъ законовъ. Мѣсто, гдѣ былъ похороненъ человѣкъ, гдѣ лежалъ его прахъ, считалось священнымъ, было неотчуждаемо и исключалось

изъ какой бы то ни было торговли. Этой привилегіей пользовались не только самое зданіе, гдѣ хранились остатки покойника, ипогей и находившаяся надъ нимъ земля, но даже значительныя участки, присоединенныя къ гробницѣ вмѣстѣ съ постройками для совершенія погребальныхъ пиршествъ, для помѣщенія сторожей, для сжиганія тѣла *) и т. д. Въ центрѣ подобнаго участка обыкновенно строили самый монументъ, подъ нимъ иногда выкапывали ипогей; кругомъ простиралась присоединенная къ нему земля, дальше находилось то, что называли *cedere* *попишенто*, т. е. второстепенныя зданія, поля, огороды, сады и т. д. Если эти послѣднія не имѣли священнаго характера самой гробницы, то тѣмъ не менѣе были ея неотъемлемою частію, и одно присутствіе остатковъ умершаго въ мавзолей или въ ипогей дѣлало неприкосновенной землю, принадлежащую имъ. Когда она вмѣстѣ со всѣмъ, что на ней находилось, переходила въ руки другого владѣльца, то онъ былъ обязанъ исполнять завѣщаніе основателя гробницы и давать къ ней свободный доступъ имѣющимъ на это право. Пространства эти назывались *area cedens sepulchro*, *area adiecta monumento*, и были иногда чрезвычайно обширны; великолѣпіе гробницы считалось въ древнемъ Римѣ однимъ изъ главныхъ условій роскоши, и богатые люди любили окружать мѣсто,

*) Въ послѣдніе годы нашли въ библиотекѣ города Базеля въ Швейцаріи отрывокъ кони съ надписи, которая заключала завѣщаніе и находилась у римской гробницы города *Lingones* (теперь *Langres*) въ Галліи. Въ 8-мъ или 9-мъ столѣтіи она была перенесена послѣдователями школы ученаго Алькуина (*Alcuin*). Двѣ страницы этого списка оказались въ переплетѣ манускрипта 10-го столѣтія. Завѣщатель между прочимъ приказываетъ окончаніе *cella memoriae* (т. е. небольшого зданія, назначеннаго для погребенія или стоящаго надъ ипогеемъ), постройка котораго уже начата, и требуетъ, чтобы при этомъ не отступали отъ плана, сдѣланнаго и одобреннаго имъ. Въ зданіи должны были поставитъ двѣ статуи опредѣленныхъ размѣровъ, одну мраморную, другую бронзовую, изображающихъ хозяина гробницы, а по срединѣ алтарь изъ лучшаго каррарскаго мрамора и въ немъ положить его останки. Притомъ нужно было устроить такъ, чтобы входъ въ *cella* могъ быть запертъ или открытъ по желанію, и чтобы сидѣнья, постели, даже одежда для приглашенныхъ была приготовлена въ дни поминальныхъ пиршествъ. Поля и другія владѣнія завѣщателя назначались имъ для монумента, который поручали охраненію двухъ отпущенниковъ, названныхъ поимени, и они положены на послѣдниковъ, если они позволяютъ имъ отступить отъ своей обязанности. Наконецъ всѣ отпущенники завѣщателя должны были ежегодно вносить известную сумму денегъ, на которыя въ назначенный день устраивалось поминальное пиршество у гробницы ихъ преннаго господина.

гдѣ будетъ похоронены ихъ тѣла, зданіями, деревьями, садами, виноградниками и обработанными полями.

Подобные участки, отданные подъ гробницу, были многочисленны въ Римѣ языческомъ; они находились всего чаще около большихъ дорогъ. Владѣтели ихъ иногда говорили въ надписи, что исключаютъ изъ наслѣдства землю, оставляютъ ее за собой и не позволяютъ ни грабить, ни продавать ее. Часто и звѣстные пространства принадлежали не одной, а многимъ гробницамъ, и встрѣчаются также примѣры, что люди богатые уступали для погребенія бѣдныхъ поля и сады около ихъ великолѣпныхъ мавзолеевъ. Быть погребеннымъ внѣ семейной гробницы считалось величайшимъ несчастіемъ въ древнемъ мірѣ и большимъ преступленіемъ со стороны тѣхъ, которые лишали тѣло мѣста принадлежащаго ему по праву; умершихъ привозили и съ дальнихъ странъ, иногда съ большими издержками на родину. — это была священная обязанность ихъ родственниковъ или друзей *).

Про эти права жилища мертвыхъ говорятъ многіе писатели языческаго Рима **); они опредѣлены также и надписями, въ которыхъ даны размѣры, сдѣлано описаніе и иногда начертанъ планъ гробницы съ землями присоединенными къ ней, съ ея садами, полями, съ ея зданіями и другими второстепенными монументами ***); если былъ вырытъ селотъ, и

*) Въ Ассирахъ законъ предписывалъ подъ страхомъ смертной казни изгребеніе мертвыхъ; и при избраніи гражданъ въ высшія должности рассуждали прежде всего о свободномъ умѣ, выказавъ ли они должное уваженіе къ праху умершихъ родителей, и устроили ли имъ приличную гробницу.

***) Такъ на примѣръ въ одной изъ сатиръ Горація мы находимъ: „Mille pedes in fronte trescentos cirrus in agrum hic dabit, haeredes monumentum ne sequeretur“, т. е. этотъ полустолбъ назначалъ тысячу суговъ длинн и треста ширины, объявляя, что монументъ не перейдетъ въ наслѣдникамъ.

****) Въ Помпѣй отарыта гробница самиліи Nistacidia, въ надписи которой обозначена длина и ширина земли, присоединенной къ монументу. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи надпись, или лучше сказать, планъ языческаго погребальнаго монумента; онъ начертанъ на квадратной плитѣ, которая была найдена въ катакомбахъ и вставлена христіанами въ отверстіе loculus. Теперь она находится въ музей города Урбино. На этомъ планѣ съ большими подробностями обозначены самый монументъ, сколько можно судить, очень богатый, земля, сады окружающіе его, двѣ дороги, въ которыхъ они принимаютъ, зданія второстепенными усажеными деревьями и мѣсто для сторожей; отдѣлена земля, присоединенная къ гробницѣ, „agros adiacetas“, отъ той, которая принадлежала ему; эта послѣдняя не воздѣлана, тогда какъ первая обработана. Указано также пространство, или отданное благословенно „ex indulgentia“

дѣло шло о монументѣ съ подземельемъ, т. е. ипогеумъ (*monumentum cum hypogæo*), то и эта подробность упомянута въ надписи хозяиномъ, желавшимъ послѣ смерти остаться владѣтелемъ своей гробницы и ея земель.

Ошибочно было бы предполагать, что однѣ языческія римскія гробницы пользовались подобнымъ уваженіемъ закона и обычая; оно распространялось и на владѣща другіхъ вѣрованій; ни мѣста погребенія обществъ или товариществъ какого нибудь поклоненія или секты, ни гробницы отдѣльныхъ лицъ не были лишены этого покровительства. Кто бы то ни былъ умершій, набожный или невѣрующій, поклонялся ли онъ римскимъ богамъ или слѣдовалъ иностранному суевѣрію, — то мѣсто, гдѣ онъ былъ погребенъ, гдѣ былъ положенъ пепелъ его сожженного тѣла, дѣлалось священнымъ, по крайней мѣрѣ согласно обыкновеннымъ законамъ, Римляне не отказывали въ погребеніи даже и казненнымъ преступникамъ, такъ напримѣръ, тѣло Спасителя было отдано Іосифу изъ Аримаѳеи, когда онъ пожелалъ похоронить его.

Мы увидимъ, что въ 3-мъ вѣкѣ потребовались особенные эдикты императоровъ, чтобы лишить христіанъ подземныхъ владѣщъ и запретить имъ входъ въ нихъ. Но въ первыя два столѣтія они даже и въ періоды гоненій не были поставлены внѣ закона, что касается ихъ гробницъ.

Мученики умирали казненные какъ преступники и враги общества и государства, но тѣла ихъ не были лишены погребенія *), и мѣсто, куда они были положены, пользовалось тѣми же преимуществами, тѣмъ же уваженіемъ, какъ и мавзолей или склепъ патриція и всякаго другаго знат-

владѣльцемъ для устройства гробницъ не столь богатыхъ, или назначенное въ продажу для этой цѣли. Полуострова отдѣляютъ всѣ эти участки одинъ отъ другаго и отъ соседнихъ земель. По римскимъ законамъ всякая собственность движимая или недвижимая принадлежала только живымъ, но въ видѣ исключенія умершій могъ владѣть мѣстомъ, гдѣ лежалъ его прахъ. Если кто либо, приготовивъ себѣ при жизни гробницу, дѣлалъ на ней слѣдующую надпись: „hoc monumentum hæredes non sequitur“, что означаетъ: этотъ монументъ, т. е. гробница, не служитъ наследникамъ, не переходитъ къ нимъ (обыкновенно писали только первую букву каждаго слова: *H M N N S*), или опредѣлялъ это въ своемъ завѣщаніи, то владѣніе его вѣчнымъ жилищемъ было ему на всегда гарантировано.

*) Есть примѣры, что гонители христіанъ запрещали хоронить трупы ихъ, но это случалось очень рѣдко; въ дѣяніяхъ мучениковъ гвоятъ объ этомъ, какъ о дѣйствіи необыкновенно жестокомъ и произвольномъ; это также служитъ доказательствомъ, что преслѣдованіе обыкновенно останавливалось у гробницы.

наго Римлянина. Главной причиной этого благоговѣнія въ мірѣ языческомъ передъ бранными остатками человѣка былъ суевѣрный страхъ, что духъ неуспокоеннаго умершаго будетъ тревожить живыхъ *); но тѣмъ не менѣе онъ преобладалъ въ нравахъ и обыкновѣніяхъ римскаго общества, и потому дѣлался гарантіей безопасности для катакомбъ.

Ничто не препятствовало христіанамъ пользоваться правами, которыми имѣли послѣдователи другихъ вѣрованій. На видъ для язычниковъ и для римскихъ властей христіанскія гробницы, вырытыя въ скатѣ холма, подъ землею, не представляли ничего необыкновеннаго; мы видѣли, что не только у восточныхъ народовъ обитавшихъ въ Римѣ, но даже и у Римлянъ были совершенно подобныя мѣста погребенія.

• Внутренность христіанскихъ иподземъ представляла также мало особеннаго для глаза непосвященнаго въ тайны новой религіи. Мертвые лежали въ горизонтальныхъ, высѣченныхъ въ туфѣ нишахъ, или въ саркофагахъ, точно также какъ и въ восточныхъ и языческихъ склепахъ; живопись и дѣльные работы, украшавшія стѣны и потолки, приближались какъ нельзя болѣе къ современному классическому искусству и вообще къ манерѣ древнихъ Римлянъ расписывать и убирать погребальныя комнаты. Потому безъ преувеличенія можно сказать, что въ первыя времена христіанскія подземелья вѣроятно обращали на себя не больше вниманія, чѣмъ многочисленные иподемъ, принадлежавшіе другимъ вѣрованіямъ, и пропадали между ними.

Иногда христіане воздвигали надъ могилами мучениковъ въ честь ихъ небольшія зданія, *cellæ* или *memoriæ martyrum* **); послѣ Константина эти постройки разширились и превратились въ великолѣпныя базилики, но первоначальная форма ихъ мало отличалась отъ тѣхъ монументовъ, которыми Римляне окружали свои гробницы. Не было закона, запрещавшаго христіанамъ строить зданія погребальнаго назначенія, вы-

*) По понятіямъ древнихъ Римлянъ душа умершаго, котораго прахъ былъ лишь гробницы, не имѣла мира и, блуждая непрестанно, не находила покоя, пугала живыхъ, причиняла имъ различнаго рода убытки, несчастія, тревоги и болѣзни, заставляя ихъ этимъ исполнить ея желаніе и сдѣлать противъ родныхъ и друзей, не отдавшихъ послѣдней почести ея земнымъ остаткамъ, не исполняющихъ надгробныхъ обрядовъ, и противъ тѣхъ, которые разрушили или освержили ея гробницу.

***) *Memoria* было торжественное названіе гробницъ.

капывать пещеры и хоронить въ нихъ мертвыхъ. Этому права они не были лишены даже во время гоненій первыхъ двухъ столѣтій.

Обыкновеніе присоединять къ гробницѣ значительныя пространства земли также должно было помогать образованію христіанскихъ катакомбъ, и вмѣстѣ давало имъ вполне законный видъ и право на существованіе. Изучая памятники этихъ временъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что христіане вовсе не стремились произвести политическій переворотъ, напротивъ, они проповѣдывали послушаніе установленнымъ властямъ, когда оно не было въ противорѣчій съ ихъ религіозными убѣжденіями, и старались жить въ мирѣ съ правительствомъ; не удивительно потому, что если представлялся случай придать законный видъ ихъ катакомбамъ и собраніямъ, то они спѣшили воспользоваться имъ. Вотъ какъ должны были начаться въ Римѣ тѣ христіанскія подземныя кладбища, основаніе которыхъ восходитъ къ первымъ временамъ распространенія новой вѣры.

Однимъ изъ главныхъ условій устройства ипогея было постоянное владѣніе тѣмъ мѣстомъ, гдѣ его выкапывали; переходъ земли въ другія руки въ слѣдствіе наслѣдства, продажи, или конфискаціи, не только отнялъ бы у христіанъ возможность хоронить въ немъ, но и подвергалъ бы оскверненію прахъ вѣрующихъ. Чтобы удержать постоянно землю въ своихъ рукахъ не было достаточно одного права собственности, на него, разумѣется, не всегда можно было положиться; но тутъ законъ римскій являлся на помощь христіанамъ, — онъ признавалъ священнымъ мѣсто, гдѣ лежалъ прахъ человека, и, заставляя уважать волю основателя или перваго владѣльца гробницы, исключалъ изъ торговли и дѣлалъ неотчуждаемыми частныя или общія кладбища съ ихъ землями и постройками, къ какому бы вѣрованію не принадлежали люди похороненные въ нихъ. При началѣ распространенія новой религіи ипогей съ небольшимъ клочкомъ земли, собственность достаточнаго Римлянина, который позволялъ хоронить возлѣ себя бѣдныхъ братьевъ по вѣрѣ, можетъ быть вовсе отданный общинѣ, или пріобрѣтенный ею какимъ-либо другимъ образомъ, опредѣленный законнымъ порядкомъ и гарантированный противъ продажи, былъ достаточно для устройства многочисленныхъ гробницъ, тѣмъ болѣе, что ихъ можно было выкапывать около самаго монумента, точно также какъ и въ поляхъ и садахъ присоединенныхъ къ нему (*ager adiecta*). Галереи съ горизонтальными нишами въ бокахъ начинались у *cubicula*, шли подъ землею не выходя изъ предѣловъ садовъ и полей

отданныхъ кладбищу, потому что никакимъ образомъ нельзя предположить, что христіане выкапывали ходы, и слепы въ землѣ, не составлявшей ихъ собственности. Когда наполнялись гробницами галереи верхняго яруса, вновь приобретаѣли мѣсто или углубленіемъ его или поднятіемъ его сводовъ, но всего чаще выкапывали ниже другой этажъ.

Мы видимъ по направленію галерей въ катакомбахъ, по положенію комнатъ и способу группировать ихъ, по выбору мѣсть для проведенія лѣстницъ, вообще по архитектурнымъ ихъ формамъ и по времени образованія каждой отдѣльной части, что эти подземныя кладбища состояли первоначально изъ самостоятельныхъ группъ, имѣвшихъ правильныя, но небольшія размѣры; что выкапываніе ходовъ пошло отъ отдѣльныхъ пунктовъ, развиваясь около нихъ, не переступая извѣстныхъ границъ; что уже при началѣ проведенія галерей имъ были положены предѣлы, и только впоследствии, въ концѣ третьяго или въ началѣ четвертаго столѣтія, сѣтъ новыхъ и уже совершенно неправильныхъ работъ соединила эти независимыя и иногда довольно отдаленныя одна отъ другой части, присоединяя къ нимъ группы новыхъ криптъ и образуя обширную катакомбу. *)

Работы этого послѣдняго періода опутали первоначальные центры или точки отправленія подземныхъ галерей; но не смотря на это, легко отличить комнаты бывшія въ началѣ отдѣльными слепами. Это обык-

началѣ образованія ижего, т. е. въ первыя времена распространенія христіанства, работы производятся въ немъ подъ вліяніемъ другихъ условій, и имѣютъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ послѣдующія столѣтія. Въ комнатахъ, служившихъ началомъ и точкой отправленія подземныхъ ходовъ, и въ галереяхъ перваго яруса гробницы просторныя, глубоки, хорошо развѣрены и широко распрѣделены; по всему видно, что тѣ, которые выкапывали ихъ, не скупились мѣстою и не щадили его. Всѣ работы, произведенныя тутъ, отличаются прочностію и даже изящнымъ вкусомъ, а матеріалы употребленныя для нихъ прекраснаго качества, равно какъ и известка, служившая для выемки илтъ въ отвѣрстія loculi. Немного позже является забота о поддержаніи сводовъ въ галереяхъ и комнатахъ ижего, уже нѣсколько утраченного своея правильнаго еорня; въ loculi уммыделено воставленіемъ илтъ гораздо большаго развѣровъ, чѣмъ отвѣрстія, которыя она закрываютъ, для того, чтобы придать нѣкоторому прочностъ бокамъ и потолку ходовъ. По нѣрѣ того какъ растетъ община, увеличиваются катакомбы и соблюдается большаго экономія нѣбота; галереи 3-го столѣтія наполнены тѣоплащеніемъ одна возлѣ другой нншана неоравнальной еорны, грубой и небрежной работы, кспѣшнше неолпенной при помощи матеріаловъ очень плохаго качества. Въ архитектурныхъ еорняхъ катакомбъ обозначается съ надыми столѣтіемъ тотъ же постепенный упадокъ, который проявляется и въ христіанскомъ искусствѣ.

новенно небольшіе cubicula правильныхъ формъ, сообщенныя прежде съ поверхностію земли посредствомъ лѣстницъ, нисколько не скрытыхъ; галерей идутъ отъ нихъ составляя продолженіе и постепенное увеличеніе ипогея.

Всего лучше это видно въ катакомбѣ Баллиста возлѣ Аппіевой дороги, подробно изученной G. B. de Rossi и его братомъ. Если исключить изъ этого кладбища работы третьяго и четвертаго вѣка, то получатся группы галерей и комнатъ вырытыхъ не въ одномъ уровнѣ, у которыхъ не было первоначально ничего общаго, исключая ихъ сосѣдства. Каждая изъ нихъ развивается въ извѣстныхъ предѣлахъ, имѣетъ свой особенный планъ, направленіе, входъ и лѣстницу у Аппіевой дороги, свои архитектурныя размѣры и отношенія къ дорогамъ, зданіямъ и монументамъ, находившимся прежде на поверхности земли. Одна группа на примѣръ отличается правильностію своихъ ходовъ; они постоянно одной высоты и пересѣкаются подъ прямыми углами; гробницы, высѣченныя въ туфѣ, просторны и задръланы мраморными плитами; часто встрѣчаются аггосолія; комнаты (cubicula) расположены по обѣимъ сторонамъ галерей, украшеній архитектурными мотивами не видно, живопись изображаетъ одни символическіе сюжеты преимущественно передъ другими. Рядомъ съ этой группой находится другая выше или ниже сосѣдней; галерей ея узки, высоки, кривы и сплетаются въ запутанную сѣть, въ бокахъ ихъ тѣснятся loculi, задръланные черепицами; аггосолія очень рѣдки, но часты гробницы съ четырехугольной нишей; комнаты расположены не попарно, а отдѣльно одна отъ другой, живопись или имѣетъ особенный характеръ, или ея вовсе нѣтъ, но встрѣчаются остатки пилластровъ, карнизовъ, капителей и другихъ архитектурныхъ элементовъ. Между тѣмъ по надписямъ, по фрескамъ и по историческимъ гробницамъ видно, что обѣ эти части принадлежатъ приблизительно къ одному времени. Нельзя потому не заключить, что онѣ начались независимо одна отъ другой, были выкопаны подъ вліяніемъ совершенно различныхъ условій и соединились только впоследствии.

Все это доказывается также и эпиграфическими памятниками, по смыслу которыхъ видно, что христіане первоначально выкапывали погребальныя пещеры въ предѣлахъ земли, закономъ признанной за ними и составлявшей ихъ собственность. Такимъ образомъ снова подтверждается фактъ, что катакомбы были вырыты самими христіанами, а не образовались вслѣдствіе добыванія строительнаго матеріала.

.II.

По крптамъ Lucina, одной изъ самыхъ древнихъ частей катакомбы Баллиста, можно прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ образовался фамильный христіанскій ипогей въ первомъ вѣкѣ, какъ потомъ онъ пустилъ отъ себя вѣтви, сдѣлавшись общимъ кладбищемъ, и впоследствии соединился съ близлежащими группами, составивъ вмѣстѣ съ ними большую катакомбу. Церковные документы говорятъ намъ, что прежде это былъ отдѣльный крптъ, и въ самомъ дѣлѣ ходы и комнаты его, вырытыя не въ одномъ уровнѣ съ сосѣдними галереями кладбища Callisto, преднамѣренно были отторжены отъ послѣднихъ особенными работами и часто мѣняютъ направленіе или вдругъ прерываются, чтобы не встрѣтиться съ ними.

Кому первоначально принадлежала подземная гробница превратившаяся впоследствии въ крпты Lucina, кто былъ ея основатель и первый владѣтель? на эти вопросы можно отвѣчать пока только предположеніями. Въ преданіяхъ церкви сохранилась память многихъ богатыхъ и знатныхъ женщинъ называвшихся Lucina, которыя, принявъ вѣру Спасителя, содѣйствовали ея распространенію, и помогали существованію христіанской общины въ Римѣ. Можно сказать, что непрерывный рядъ матронъ этого имени идетъ отъ апостольскихъ временъ до послѣдняго гоненія. Слѣды ихъ благодѣяній встрѣчаются также и въ исторіи катакомбъ. Такъ напримѣръ известно, что земля, гдѣ вырыта катакомба Callisto, была собственностью христіанки Lucina.—Вотъ что знаютъ о происхожденіи этого замѣчательнаго кладбища, въ составъ котораго въ послѣдствіи вошли крпты Lucina. Въ милѣ приблизительно отъ стѣнъ Рима, въ право отъ консулярной Аппіевой дороги, нашли эпитафій и колумбарій первыхъ временъ имперіи, принадлежавшія членамъ фамиліи Сæcilii и ихъ отпущенникамъ; недалеко отъ Рима, также у Аппіеваго пути находились согласно Циперону монументы и гробницы фамиліи Сæcilii Metelli. *) Въ этихъ самыхъ мѣстахъ развивается подъ

*) Отъ нихъ остались развалины возвогнанаго навзоела Сæcilia Metella, дочери Metellus Creticus, жоны триумира Красса.

землей катакомба Callisto, и многія изъ ея галерей начинаются у фамильныхъ христіанскихъ слеповъ, гдѣ въ послѣднее время открыты надгробныя надписи съ именами Sæcili Sæciliani *). Не безъ основанія, можно потому предположить, что первоначальныя гробницы эти были выкопаны въ землѣ принадлежавшей gens Sæcili и что тутъ скорошили членовъ этой фамиліи принявшихъ христіанство. Въ началѣ третьяго столѣтія, т. е. въ тѣ времена, когда катакомбы стали переходить въ руки церкви, папа Зеферинъ поручилъ Каллисту, будущему своему приемнику, управленіе подземнымъ кладбищемъ возлѣ Аппіевой дороги, и оно съ тѣхъ поръ стало называться именемъ послѣдняго. Это извѣстно изъ церковныхъ документовъ; въ нихъ также называютъ катакомбу Callisto кладбищемъ Lucina (Cœmeterium Lucinae), прибавляя, что оно было выкопано въ землѣ христіанки этого имени, которая потому жила во второмъ, можетъ быть даже въ первомъ столѣтіи, и по всей вѣроятности принадлежала къ фамиліи Цецліи или была съ нею въ родствѣ. Другая Lucina въ 252 году похоронила папу и мученика Корнелія въ своемъ особенномъ подземельѣ, находившемся возлѣ кладбища Callisto, и тогда еще не соединеннаго съ нимъ. Это тотъ ипогей, о которомъ мы теперь говоримъ; послѣдняя Lucina однако не могла быть его основательницей, потому что онъ существовалъ задолго до погребенія въ немъ папы Корнелія вмѣстѣ съ другими мучениками. Но кто бы ни былъ его первоначальный хозяинъ, онъ несомнѣнно былъ вырытъ въ первыя времена христіанства.

Лѣстница удобная и просторная вела прежде съ поверхности земли къ двойному subiculum, который былъ такъ сказать точкой исхода и самой древней частью всего ипогея, и несмотря на то, что эта семейная гробница страшно пострадала отъ разрушителей, еще можно различить ея первоначальную форму. Двѣ небольшія квадратныя комнаты находятся въ прямомъ сообщеніи между собою посредствомъ двери; въ бокахъ высѣчены просторныя loculi хорошихъ размѣровъ. Къ несчастію плиты ихъ выбиты и уничтожены, такъ что имена похороненныхъ нель-

*) Нельзя предположить, что тутъ дѣло идетъ объ отпущеникахъ (которые вышедши изъ рабства часто принимали фамиліи своихъ прежнихъ владѣльцевъ), потому что въ этихъ именахъ прибавлено vir clarissimus, clarissima foemina, puella, honesta foemina и т. д., что въ древнемъ Римѣ дѣлалось только говоря о членахъ патриціальныхъ родовъ.

зя въстановить по надписямъ. Но фрески украшающія потолки комнатъ и пространства на стѣвахъ между гробницами (написанныя на стукѣ или стукатурѣ очень хорошаго качества, каковую употребляли Римляне въ первое столѣтіе имперіи) мало попорчены. Онѣ въ высшей степени интересны и очень напоминаютъ стѣнную живопись открытую въ развалинахъ термъ императора Тита и въ Помпеѣ. *) Поэтическое воззрѣніе на христіанское ученіе преобладаетъ въ нихъ надъ догматической его стороной; такъ напримѣръ, на плоскомъ потолкѣ одной изъ двухъ комнатъ, среди граціозныхъ украшеній и яркихъ красныхъ и синихъ линий и круговъ, среди гирляндъ цвѣтовъ, зелени, птицъ, крылатыхъ амуровъ, и головъ геніевъ, представлены добрые пастыри **) съ овечкой на пле-

*) Надо предполагать, что онѣ одновременны.— По мнѣнію известнаго нѣмецкаго археолога Walker'a ереси двойнаго subitum пріять Ласіпа слѣдуетъ отнести къ концу пераго столѣтія. Въ отдѣлѣ христіанскаго искусства, гдѣ мы снова возвратимся къ нимъ, будутъ помѣщены хронологическія кривыя съ ними.

**) Описаніе и объясненіе этого изображенія равно какъ и исследованіе его происхожденія должно войти въ отдѣлъ исторіи христіанскаго искусства, но мы уже столько разъ называли добраго пастыря, что считаемъ не лишнимъ дать о немъ нѣкоторое понятіе. Изъ всѣхъ образовъ, въ которыхъ Спаситель явился въружичамъ, изъ всѣхъ сценъ, которыя онъ любилъ дѣлать съ собою, послѣдователи его ученія въ Римѣ, избрали для искусства самое милосердное и поэтическое. „Я есмь пастырь добрый“, говорилъ о себѣ Христосъ, — „Пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ.“— И когда евангелъ и евангелисты рисовали, что онъ прикинулся грѣшникомъ и ѣлъ съ ними, Онъ сказалъ имъ слѣдующую притчу:— „Кто изъ васъ, имѣя сто овецъ, и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяносто девяти въ пустыни, и не пойдетъ за пропавшею, пока не найдетъ ея? А нашедши возмнетъ ея на плече своемъ съ радостію.“ (Отъ Луки глав. XV). Въ такомъ видѣ, т. е. добрымъ пастыремъ первые христіане изображала Спасителя съ самыхъ раннихъ временъ; фигуру пастуха встрѣчаемъ въ христіанскихъ памятникахъ апокалиптическихъ временъ; она повторится впоследствии безчисленное количество разъ, но чаще въ перыхъ три столѣтія, чѣмъ въ слѣдующія, и начинаетъ пропасть только въ шестомъ или седьмомъ вѣкѣ. Въ образѣ добраго пастыря Спаситель пока не имѣетъ постоянно одно и то же лице, потому что изображеніе это употребляли преимущественно въ тѣ времена, когда тѣмъ Христа еще не успѣлъ сформироваться. Это обыкновенно молодой человекъ, почти юноша, лице котораго старался вдохновить любовью и добротой. Онъ безъ борозд (испаденія очень рѣдки) съ непокрытой головою, короткими волосами, и одѣтъ какъ пастухъ у древнихъ Римлянъ (ѣтъ ни одного прилѣпа совершенно нагого добраго пастыря) въ короткую подпоясанную тунику надувшую до колѣнъ, сверху которой иногда наброшено рѣдъ шерстянаго плаща (sagum); съ нимъ принадлежность его ремесла: носокъ загнутый у овецъ (pedum), чтобы ловить за ноги овецъ и овецъ, сосудъ для сжиганія молока (mactra) и свирѣль (syrinx), на которой онъ иногда представляется играющимъ; звукъ этого инструмента пастуха въ античномъ мѣрѣ сывали овецъ передъ тѣмъ, чтобы вести

цахъ, въ вдохновенной и оживленной позѣ, какую не встрѣчаешь позже въ томъ же изображеніи, и женщины задранированные по античному съ поднятыми руками въ положеніи молящихся. Въ живописи этой такъ много классическаго, что современные язычники, которымъ она попадалась на глаза, не могли находить въ ней ничего необыкновеннаго, ничего достойнаго ихъ особеннаго вниманія. Другія фрески этой комнаты сохраняютъ тотъ же характеръ и представляютъ рыбъ плывущихъ и несущихъ на спинѣхъ корзинки съ хлѣбами, между которыми видны сосуды наполненные краснымъ виномъ (по всей вѣроятности символическое изображеніе таинства евхаристіи), *) птицъ среди цвѣтущихъ луговъ, что могло означать души праведныхъ въ вѣчномъ блаженствѣ и

ихъ въ ошарашив. Но всего чаще добраго пастыря изображали въ ту минуту, когда онъ забываетъ нести на своихъ плечахъ къ стаду заблудшую овцу, какъ читатель видитъ въ вышотѣхъ на заглавномъ листѣ книги; это рисункомъ со статуи изъ бѣлаго мрамора, немного меньше натуральной величины (она находится теперь въ христіанскомъ отдѣленіи Латеранскаго музея въ Римѣ); безъ сомнѣнія одно изъ лучшихъ произведеній христіанской скульптуры первыхъ вѣковъ, судя по отливу конца втораго или начала третьяго столѣтія; лице пастыря вдохновлено добротой и радостью, что потерявшая овца возвращена стаду, и вся фигура его полна граціи и благородства. Двѣ овцы обыкновенно стоятъ по сторонамъ добраго пастыря, а во ересахъ катакомбъ онъ иногда окруженъ ими, одинъ изъ нихъ смотритъ на него какъ бы слушая его рѣчи, другіе равнодушно щипаютъ траву или отходятъ въ сторону; первыя изображаютъ вѣрующихъ, а послѣдніе тѣхъ, сердца которыхъ еще не тронуты его ученіемъ. Образъ божественнаго пастуха встрѣчается беспрестанно въ христіанскихъ памятникахъ различнаго рода, въ надгробныхъ надписяхъ, во ересахъ, въ глинныхъ работахъ на стекляннихъ сосудахъ и бѣздахъ, въ барельефахъ саркофаговъ, на вольцахъ, лампахъ, и т. д. Его находятъ не только въ епископѣ Римѣ, но и всюду, куда въ первыя вѣка проникло христіанское ученіе. Это самое трогательное и вѣрное изъ всѣхъ изображеній Христа не только этого классическаго періода христіанскаго искусства, но и вообще всѣхъ другихъ вѣковъ, и никогда, можно сказать, представляя Спасителя не придавали ему болѣе любимаго и милосерднаго характера пренебрежительнаго понеченія о людяхъ и самоходженія въ ихъ слабостяхъ и заблужденіяхъ.

*) Изображеніе рыби имѣло у первыхъ христіанъ скрытое значеніе: нѣтъ выражали исповѣданіе Спасителя, вѣру въ него, и иногда его самого; вотъ на какомъ основаніи: если взять первую букву наидаго слова ослѣдующей ереси на греческомъ языкѣ „Іисусъ Христосъ сынъ Божій Спаситель“ и соединить ихъ вышотѣ, то получится слово ΙΧΘΥΣ, что на греческомъ означаетъ „рыба“. Въ христіанскихъ памятникахъ фигура рыби повторится безчисленное число разъ, съ самыхъ раннихъ временъ и пропадетъ только въ началѣ пятаго столѣтія; она имѣла и другія значенія, но къ темъ случаямъ, о которыхъ говорилъ мы, всего вѣроятнѣе принадлежала символически Христа, несущаго своимъ несутельную прощу и свое тѣло.

т. д. Тѣ изъ монахъ читателей, которые видѣли фрески этой комнаты (ея обыкновенно не показываютъ путешественникамъ посѣщающимъ катакомбы) согласятся, что онѣ выходятъ изъ ряда обыкновенной стѣнной живописи катакомбъ и столько же граціозны и прекрасны, сколько свободны въ выраженіи христіанскихъ чувствъ и идей. Нѣтъ сомнѣнія, что мы находимся тутъ въ эпогеѣ самыхъ раннихъ, можетъ быть даже апостольскихъ временъ, и въ живописи его видимъ наивное выраженіе необыкновеннаго впечатлѣнія, производимаго на Римлянъ язычниковъ ученіемъ Спасителя.

Первоначальную величину агеа, или земли эпогеа Lucina можно опредѣлить съ нѣкоторою точностію; она имѣла 100 римскихъ футовъ длины по фасаду и 230 ширины. Это были въ древнемъ Римѣ обыкновенные размѣры участка отданнаго подъ погребальный монументъ. Въ его предѣлахъ находилась гробница хозяина и тѣхъ, кому онъ давалъ мѣсто возлѣ себя. Галереи крипты Lucina, начинающіяся у двойнаго sub-silium описаннаго выше, развивались, какъ теперь еще можно видѣть, не переступая извѣстныхъ предѣловъ, т. е. по всей вѣроятности границъ земли принадлежащей эпогею, агеа. Когда въ ходахъ перваго яруса, вырытаго высоко въ холмѣ и замѣчательнаго многочисленностію кубиковъ хорошихъ размѣровъ, не было больше мѣста для новыхъ loculi, подъ ними провели новый этажъ гораздо обширнѣе перваго. Впослѣдствіи эти первобытныя части крипты Lucina соединились съ катакомбой Callisto, были увеличены, расширены и при этомъ потеряли свои первоначальныя формы. Нѣсколько ниже втораго этажа, въ створѣ, въ углубленіи, которое позже было украшено живописью византійскаго стиля, и очень посѣщаемо богомольцами, G. B. de Rossi открылъ мѣсто погребенія папы и мученика св. Корнелія, чѣмъ и опредѣлилъ время устройства крипты Lucina. *) Второй этажъ его существо-

*) Особенное обстоятельство сопровождало это открытіе. Въ концѣ 1849-го года G. B. de Rossi нашелъ въ могребѣ одного виноградина возлѣ via Appia большой обломокъ керамной плитки, на которой увидѣлъ слѣдующія буквы неолонной надписи „*nohis martur*“. Изъ указаній богомольцевъ можно было заключить, что не далеко отъ этого мѣста была прежде гробница папы Корнелія, который согласно съ преданіями церкви былъ похороненъ отдѣльно отъ своихъ предшественниковъ, се многими другими мучениками христіанскаго патриціальнаго рода Lucina въ ея подземельѣ. Rossi потому не замедлилъ выразить нѣжіе, что этотъ кусокъ плитки, отбитый и случайно удаленный отъ своего мѣста, принадлежалъ гробницѣ Корнелія мученика, и что надпись, вырѣзанная на немъ, содержитъ послѣднія буквы имени

валъ сѣдовательно уже раньше середины третьяго столѣтія; Корнелій умеръ въ 252-мъ году, притомъ по надписямъ съ числами сосѣднихъ Iosuli и по положенію того склена, гдѣ находится эта историческая гробница, видно, что онъ былъ выкопанъ гораздо прежде 252-го года и послѣ всѣхъ другихъ комнатъ того же уровня. Можно потому предположить, что галереи втораго этажа были проведены во второмъ столѣтіи; это также доказывается и эпитафіями. Первый или верхній ярусъ имѣющій болѣе правильныя формы, чѣмъ остальные, существовалъ раньше нижнихъ, обстоятельство отдаляющее его образованіе къ первымъ годамъ втораго столѣтія. Особенности работы, произведенныя въ немъ въ срединѣ третьяго вѣка, и короткія надгробныя надписи на греческомъ языкѣ, заключающія только одно имя умершаго безъ другихъ подробностей и имѣющія характеръ большой древности, оправдываютъ подобное предположеніе. Что же касается до двойнаго subiculum описаннаго

этого папы. Въ самомъ дѣлѣ, когда нѣсколько лѣтъ спустя въ 1852-мъ году была очищена и разрыта въ кринтахъ Lucina одна изъ комнатъ втораго яруса, находившаяся именно подъ виноградникомъ, гдѣ была найдена первая часть надписи, указывала остальную часть плиты, съ тремя первыми булвами имени Cornelius и внизу Ер. т. е. Епископъ. Составленные вмѣстѣ, эти обломки приходились къ отверстию гробницы того же subiculum. Такии образомъ опредѣлялось какъ нельзя вѣрнѣе мѣсто, гдѣ былъ погребенъ папа Корнелій, и устанавливалась точка опоры для опредѣленія времени сосѣднихъ памятниковъ и самого подземелья. Въ той же катакомбѣ Bossi открылъ мѣсто указываемое путеводителемъ по свѣтымъ мѣстамъ Рима, гдѣ лежали тѣла почти всѣхъ папъ 3-го столѣтія, отъ Зефиріана до Мильціана (Де Зефиріана папъ хоронили въ Ватиканской катакомбѣ). Это помина (subiculum) небольшихъ размѣровъ; она была завалена до верха землей, мусоромъ и не привлекала на себя вниманія археологовъ, предшественниковъ Rossi; верхнія части ея, всего болѣе попорченныя, не представляли ничего особеннаго, но по мѣрѣ того какъ раскапываніе шло впередъ, явились на свѣтъ остатки богатыхъ украшеній и работъ произведенныхъ послѣ торжества церкви. Стѣны ея были не разъ расписаны фресками, и наконецъ нѣсколько варварски покрыты мраморными плитами; а въ наполнявшихъ ее развалинахъ нашли каинтели колоннъ, пиластры, обломки саркофаговъ съ барельежами и разбитыя плиты съ надписями; составивъ послѣдній, Rossi прочиталъ имена нѣсколькихъ папъ 3-го столѣтія; эпитафія ихъ отличаются краткостію и заключаютъ только одно имя папы безъ похвалъ или сощальній; къ имени папы Fabianus другая рука вѣроятно позже прибавила слово *мученикъ*. Объяснительная надпись была поставлена тутъ папой Дамазомъ въ четвертомъ столѣтіи; она указывала находившееся прежде въ этой комнатѣ епископское кресло или каменное сидѣнье Сикста II-го, на которомъ солдаты императора Валеріана отрубили голову этому папѣ, застигнувъ его вмѣстѣ съ другими христіанами въ одной изъ чащовень (cella) надъ катакомбами Pretestato.

выше, то безъ сомнѣнія го́ръ древнѣе окружающихъ галерей, и время его основанія восходитъ потому къ концу перваго столѣтїя.

Такимъ образомъ помимо стѣнной живописи этихъ комнатъ можно приблизительно сказать, когда они были выкопаны. Остальные ярусы галерей и кубиколовъ крипты *Lucina* устроены послѣ третьяго столѣтїя, имѣютъ вполне характеръ поспѣшныхъ и часто небрежныхъ работъ этого времени.

Что этотъ криптъ принадлежалъ первоначально патрициальной римской фамилии, видно по его топографическому положенію, по богатству украшеній, по остаткамъ дорогихъ мраморныхъ саркофаговъ и его надгробнымъ надписямъ. Въ послѣднихъ встрѣчаются имена значительныхъ римскихъ родовъ *Sæcili*, *) *Cornelii*, *Aemilii*, а на обломкахъ саркофаговъ, которые нашли возлѣ двойнаго *cubiculum* украшеннаго фресками, были прочтены имена *Annia Faustina*, *Lucinia Faustina*, *Acilia Vera*, *Annius Catus*, *Sæcilius Faustus*, *Faustinus Atticus*, *Pompeia Attica*, *Atticianus* и т. д. **) принадлежащія лицамъ знатныхъ фамилій, находившихся въ союзѣ *Gens Sæcilia*, и родственникамъ нѣкоторыхъ императоровъ изъ Антониновъ.

Надъ криптами *Lucina*, въ предѣлахъ ея земли видны развалины древней постройки; это безъ сомнѣнія одно изъ тѣхъ небольшихъ зданій (*memorie; martyrium*), которыя христіане еще до торжества церкви строили надъ катакомбами, и всего чаще надъ могилами мучениковъ.

Не трудно вообразить себѣ, какой видъ и какую форму должны были первоначально имѣть эти христіанскія гробницы подобныя ипогею *Lucina*, перешедшія впослѣдствіи въ руки церкви, до соединенія и перемѣнъ произведенныхъ въ нихъ во время гоненій второй половины третьяго столѣтїя.

На поверхности столбики или невысокія стѣнки обозначали участки земли почти постоянно правильныхъ размѣровъ; въ предѣлахъ его находились постройки въ честь похороненныхъ и другія зданія; мѣста свободныя воздѣлывали и усаживали деревьями; подземныя работы были

*) Гробница св. Цециліи, открытая Rossi въ катакомбахъ *Callisto*, окружена могилами членовъ этой фамиліи, обстоятельство дающее право предполагать, что эта мученица была изъ рода *Sæcili*.

**) Между ними вѣроятно есть потомки извѣстнаго *Pomponius Atticus*, осторожнаго прїятеля всѣхъ сильныхъ людей его времени и замѣчательнаго всего больше своею друбой и перепиской съ Цицерономъ.

обозначены на поверхности, и группы ходовъ и комнатъ опредѣляли въ глубинѣ земли пространство, составлявшее неотчуждаемую собственность погребальнаго монумента. Внизъ спускались иногда изъ зданія, иногда изъ сръзванной отлогости холма, и лѣстница широкая и удобная находилась въ прямомъ сообщеніи съ одной или нѣсколькими комнатами под-земелья. Каждая подобная группа гробницъ имѣла свое имя, которое часто оставалось за нею при соединеніи съ другими сосѣдними ипогеями. Потому то катакомбы въ дѣяніяхъ мучениковъ и въ другихъ древнихъ литературныхъ памятникахъ церкви названы очень рѣдко въ честь особенно уважаемаго мученика, погребеннаго въ нихъ, или по мѣсту положенія, а всего чаще именемъ лицъ неизвѣстныхъ, безъ сомнѣнія первоначальныхъ владѣтелей гробницы, и земли присоединенной къ ней, какъ напримѣръ катакомба Priscillæ возлѣ дороги Salaria nova, Prætextati возлѣ пути Appia, Domitillæ возлѣ дороги Ardeatina и т. д. *). Скрывать свои ипогеи не было христіанамъ никакой необходимости, они долгое время существовали вполне законно **).

III.

Устройство подобнаго склепа съ его монументами и другими постройками, съ его садами и полями, требовало большихъ издержекъ и было

*) Мы уже сказали, откуда происходитъ названіе катакомбы Callisto. Она съ 3-го столѣтія сдѣлалась главнымъ кладбищемъ Рима, и въ нейъ начали хоронить папъ, не смотря на то, что были приняты столь же древніе и вѣроятно болѣе уважаемые, какъ заключающіе гробницы извѣстныхъ мучениковъ. Это можетъ быть произошло въ слѣдствіе того, что катакомба Callisto, первая изъ всѣхъ христіанскихъ ипогеевъ Рима, превратилась въ кладбище общественное и перешла въ руки церкви.

**) Такимъ образомъ разрѣшается самъ собою вопросъ, приводившій долгое время исследователей подземнаго Рима въ большое затрудненіе, куда могли дѣвать христіане землю набравшуюся въ значительномъ количествѣ при пропавшави галерей катакомбъ? Не будучи принуждены прятать ее, христіане могли свалдвать этотъ матеріалъ туда, гдѣ имъ это было удобно, — въ тѣ же мѣста, куда свалдывали его Евреи, послѣдователи восточныхъ поклоненій, вообще всѣ тѣ, которые вынаывали около Рима ипогеи.

возможно богатому человѣку. Но не слѣдуетъ предполагать, что христіанское ученіе въ первое время своего распространенія находило послѣдователей исключительно въ низшемъ и бѣдномъ классѣ общества, между рабами, отпущенниками и ремесленниками. Нѣтъ сомнѣнія, что слова Спасителя, обладая великой утѣшительной силой, всего болѣе привлекали къ себѣ людей обиженныхъ, жизнь которыхъ шла тяжело въ сопровожденіи съ печалями, лишеніями и оскорбленіями всякаго рода. Обѣщаніе награжденія на небѣ за страданія, перенесенныя на землѣ, особенно сладко тѣмъ, кому жизнь представляетъ мало отрады. Но и въ высшихъ классахъ римскаго общества при появленіи христіанства были страданія своего рода, именно тѣ моральныя болѣзни, постоянно сопровождающія гражданскія разложенія и уничтоженіе вѣры въ божественныя силы священныя прежде. Однихъ, среди этого нравственнаго и религіознаго разстройства, удовлетворяли столько же пустыя по содержанію, сколько сложныя по формамъ таинства поклоненія персидскому богу Митра, или египетскимъ и сирійскимъ богамъ и богинямъ; другіе руководились въ жизни принципами философіи и при видѣ возрастающей несправды и постояннаго торжества ея искали опоры и утѣшенія въ идеяхъ стоицизма. Но тѣ, которыхъ религіозное стремленіе не могло быть удовлетворено пустыми мистическими формами или строгими выводами разсудка, которые чувствовали больше другихъ, и видѣ предѣловъ этого міра искали лучшее всего, что окружало ихъ на землѣ, эти люди принадлежали христіанству. Подобныя нѣжныя и страдающія сердца находились и въ высшихъ слояхъ римскаго общества, особенно между женщинами, и если ученіе Спасителя при появленіи своемъ въ Римѣ нашло большое число послѣдователей въ жилищѣ бѣдныхъ людей и рабовъ, въ притонахъ неимущихъ и въ темницахъ, то въ то же время проложило себѣ дорогу къ домамъ богатыхъ и знатныхъ фамилій, и вскорѣ проникло даже на Палатинъ, во дворецъ императора. Сами христіане должны были заботиться объ обращеніи въ свою вѣру людей достаточныхъ и вліятельныхъ, покровительство и средства которыхъ помогали существованію общины и могли защищать ее въ минуту опасности.

Извѣстно, что еще въ первомъ вѣкѣ женщины патриціальныхъ родовъ приняли христіанство и сдѣлались ревностными послѣдовательницами ученія Спасителя. Тацитъ въ своихъ Лѣтописяхъ говоритъ между прочимъ, что въ царствованіе императора Клавдія, женщина знатнаго рода Pomponia Græcina, жена Plautio побѣдителя Британцевъ, была

обыкновенно въ слѣдованіи иностраннымъ суевѣріямъ. Согласно древнему обычаю ее судилъ мужъ передъ семейнымъ совѣтомъ, и несмотря на то, что Ротронія была оправдана нѣтъ, она провела всю остальную часть своей жизни, около сорока лѣтъ, въ грусти, печали и уединеніи. Можно безъ основанія предположить, что иностраннымъ суевѣріемъ, заставляющемъ жить въ постоянномъ удаленіи отъ свѣта, ничто иное какъ христіанство. Открытіе въ крѣпкахъ Лусіана надгробной надписи конца втораго или начала третьаго столѣтія съ именемъ Ротроніусъ Грассіанусъ*), можетъ быть потомка Ротроніа, дать нѣкоторое, хотя и слабое подтвержденіе этому мнѣнію. Болѣе достовѣрно извѣстно, что родственники Веспасіана, Домитилла и Флавій Клементъ приняли христіанство и пострадали за это въ царствованіе сына этого императора—Домиціана. Въ послѣднее время открыты ипогей, по всей вѣроятности принадлежавшіи Домицилѣ; мы будемъ говорить о немъ ниже.

Церковные писатели сообщаютъ намъ однако далеко неполныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ и говорятъ мало, или вовсе не упоминаютъ о христіанахъ дворца императора, de domo Caesaris, которымъ апостолъ Павелъ посылаетъ поклонъ, о родственникахъ императора Веспасіана, упомянутыхъ выше, о сенаторѣ Апполоніи, мученикѣ при императорѣ Коммодѣ, и о многихъ другихъ лицахъ знатнаго происхожденія, пострадавшихъ за вѣру во второмъ столѣтіи. Извѣстно также, что императоръ Септимій Северъ покровительствовалъ нѣкоторымъ сенаторамъ и женамъ ихъ принявшимъ христіанство; а въ началѣ третьаго столѣтія Тертуліанъ не страшился утверждать открыто передъ лицомъ языческихъ властей, что христіане населяютъ города и наполняютъ суды, дворцы, сенатъ и т. д. Въ третьемъ вѣкѣ христіанство было принято женами, матерями, сестрами многихъ императоровъ, которыя тайно или явно слѣдовали или только сочувствовали ученію Спасителя.

Памятники катакомбъ даютъ намъ болѣе положительныя свѣдѣнія о значительности распространенія христіанства въ высшихъ слояхъ римскаго общества, чѣмъ церковная литература; такъ напримѣръ, нѣкоторыя части римскихъ подземныхъ кладбищъ, образовавшіяся несомнѣнно въ

*) Это обстоятельство и родство фамиліи Caecilia и Ротроніа навели G. B. de Rossi на мысль, что христіанка Lucina владѣтельница земли, въ которой былъ выкопанъ первоначальный ипогей названный стѣнъ инокенъ, можетъ быть нитю иная какъ Ротронія Grassiana. Но пока это, разумѣется, только одно предположеніе.

первый период распространения новой веры, можно даже сказать во времена апостольския, имѣютъ вполне характеръ иногеевъ знатныхъ фамилій и могли принадлежать только людямъ очень богатымъ; это видно по обломкамъ мраморныхъ саркофаговъ, по лѣннымъ работамъ и многочисленнымъ фрескамъ, которыя были въ нихъ открыты *), а въ надгробныхъ надписяхъ встрѣчаются имена сенаторскихъ фамилій и близкихъ родственниковъ нѣкоторыхъ императоровъ.

Богатые Римляне язычники, если они были великодушны, давали въ своемъ иногеѣ или мавзолеѣ мѣсто клиентамъ и отпущенникамъ обоюго пола, иногда и потомкамъ ихъ (*libertis libertabus et posteris eorum*). По многочисленнымъ надписямъ видно, что рѣдко хозяинъ гробницы желалъ погостить въ ней совершенно одинъ, чаще онъ позволялъ хоронить возлѣ себя извѣстныхъ лицъ, вмѣняя въ обязанность своимъ родственникамъ или отпущенникамъ воздѣлывать землю кругомъ монумента, грозя проклятіемъ, если воля его не будетъ исполнена. На томъ же основаніи люди достаточные, принявшіе христіанство, могли устраивать въ своихъ обширныхъ иногеяхъ гробницы для бѣдныхъ братьевъ общины; они имѣли на это полное право; мы видѣли, до какой степени въ этомъ случаѣ законъ повровительствовалъ волю умершихъ. Если они дѣлали это только для людей одной религіи съ ними, то подобное ограниченіе не могло удивлять и казаться необыкновеннымъ. Этому обычаю слѣдовали поглонниа вѣрованій появившихся въ Римѣ раньше христіан-

*) Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи катакомба Priscillaе возлѣ дороги Salaria Nova. Классическій стиль ея стѣнной живописи, изображающей догматы и легенды съ тою свободою въ выборѣ, пониманіи и передачѣ сюжета, которая была возможна только въ первые времена распространения новой веры, когда символизированіе не успѣлъ установиться и принять въ искусство стеротипическій, неизмѣняющійся характеръ; дорогіе лѣнные работы, напоминающія подобныя же открытыя въ термахъ Тита; особенное устройство главной комнаты не высѣченной въ туфѣ, а сложенной изъ кирпичей безъ горизонтальныхъ нишей (*loculus*), изъ чего видно, что она назначалась только для саркофаговъ: все это несомнѣнно признаки очень ранняго и богатаго христіанскаго иногея. Къ тому же заключенію приходимъ осматривая надгробныя надписи; онѣ очень коротки и содержатъ имя умершаго, иногда только одно апостольское пріѣзствіе „*Rex tecum*“ (ириь съ тобою). Однѣ изъ нихъ на греческомъ языкѣ и написаны красною краской, что также представляетъ кѣнотерую особенность; другія вырѣзаны на мраморныхъ плитахъ и прекрасными формами своихъ буквъ напоминаютъ монументальный шрифтъ языческихъ римскихъ надписей перваго и втораго столѣтія.

ства. Желаніе послѣ смерти быть погребеннымъ въ средѣ своихъ едино-вѣрцевъ существовало и существуетъ во всё времена.

Въ одной надписи *) , удаленной отъ своего первоначального мѣста, но по смыслу которой видно, что она находилась прежде у гробницы, сказано, что хозяинъ устроилъ ее для себя, для потомковъ и отпущенниковъ обоого пола, но его религіи: «Ad religionem pertinentes meam». Въ несчастію въ надписи не объяснено, какой религіи былъ этотъ чедовѣкъ. Трудно предположить, что тутъ дѣло идетъ о римскомъ языческомъ поклоненіи. Множество эпиграфическихъ памятниковъ уже объяснили намъ, въ чемъ состояли права владѣтелей гробницъ въ Римѣ античномъ, но ни въ одной изъ нихъ хозяинъ ипогея, монумента, мавзолея и т. д. не дѣлаетъ этого условія, даруя мѣсто праху своихъ родственниковъ, кліентовъ и отпущенниковъ, тогда какъ въ христіанскихъ надписяхъ есть намеки и слѣды подобныхъ ограниченій. Самый смыслъ фразы приведенной выше противорѣчитъ характеру понятіямъ и понятію о религіи древнихъ Римлянъ; у нихъ слова «моя религія» (religio mea) не имѣли это исключительнаго значенія, которое мы привыкли придавать имъ, и выражали скорѣе набожный страхъ, строгое и точное до суевѣрія исполненіе извѣстныхъ обрядовъ для расположенія въ свою пользу божества, чѣмъ принятіе какой либо вѣры и постоянное слѣдованіе ея законамъ. Римляне не считали ложными всѣ другія вѣрованія исключая своего; они признавали и иногда перенимали поклоненія народовъ, городовъ, даже отдѣльныхъ фамилій. Такую надпись не могъ сдѣлать членъ одного изъ тѣхъ многочисленныхъ обществъ, составляемыхъ обожателями восточныхъ богинь и боговъ. Эти товарищества не называли себя religio, и можно было не оставляя своего вѣрованія принять посвященіе въ таинства какого нибудь особеннаго поклоненія. Всего вѣроятнѣе, что слово religio означало тутъ христіанство или законъ Моисея. Если Евреи въ Римѣ и прозелиты ихъ религіи могли, какъ это намъ извѣстно, ни сколько не стѣсняясь, писать въ своихъ надписяхъ „religio judaica“, то разумѣется и имѣли право называть ее въ завѣщаніяхъ и въ другихъ законныхъ актахъ, опредѣляя условія пользованія ихъ ипогеями. Христіане также могли дѣлать это до Нерона и послѣ паденія его до гоненія Домиціана, можетъ быть даже при императорѣ Нервѣ и въ началѣ царствованія Траяна. Но рѣшить, кто именно—христіанинъ

*) Она была найдена въ Римѣ около виллы фамиліи Patricii.

или Еврей поставилъ эту надпись, едвали возможно. Надо однако замѣтить, что она имѣетъ классическій характеръ, преобладающій въ христіанскихъ эпиграфическихъ памятникахъ и отсутствующій въ еврейскихъ. Во всякомъ случаѣ она можетъ служить доказательствомъ, до какой степени были терпимы въ Римѣ мѣста погребенія иностранныхъ вѣрованій, и какъ сильно было желаніе поклонниковъ одного Бога покониться послѣ смерти отдѣльно, не въ снѣженіи съ послѣдователями другихъ исповѣданій.

Христіанскіе ипогеи, когда они, превращаясь въ слѣдствіе благотворительности своихъ хозяевъ въ общія кладбища, продолжали принадлежать одному лицу, имѣли видъ частной собственности. Хотѣли ли потому христіане пользоваться правами, которыя законы римскіе гарантировали гробницамъ, приносило ли подобное покровительство имъ пользу или стѣсняло ихъ, они должны были подчиниться ему. Только въ одномъ случаѣ оно могло быть для нихъ затрудненіемъ, именно при сношеніи съ священными, или лучше сказать, духовными римскими властями, подъ надзоромъ которыхъ находились мѣста погребенія. При окончаніи постройки cella или мавзолея, при перемѣнахъ, произведенныхъ въ устройствѣ ихъ, при помѣщеніи трупа, при поправкѣ или перестройкѣ этихъ зданій, равно какъ и вообще всякаго рода гробницъ, въ глубинѣ земли или на поверхности ея расположенныхъ, необходимо было испрашивать разрѣшеніе духовныхъ языческихъ властей.

Слѣдуетъ потому предположить, что и христіане обязаны были объявлять о расширеніи своихъ ипогеевъ и перенесеніи туда умершихъ, что конечно не мало затрудняло ихъ, не потому что они боялись указать правительству на свои кладбища, а потому что всякое сношеніе съ языческими жрецами не могло ни оскорблять ихъ религіозныхъ чувствъ. Въ глубинѣ отдаленныхъ галерей они, вѣроятно, не разъ избавляли себя отъ этой непріятной формальности, но тѣмъ ближе гробницы находились ко входу въ ипогеи и къ поверхности земли, тѣмъ болѣе онѣ были доступны взору каждаго, тѣмъ труднѣе и опаснѣе становилось скрывать работы и перемѣны производимыя въ нихъ. Надо однако замѣтить, что, прося разрѣшенія похоронить умершаго или увеличить число loculi и agrosolia въ подземельѣ, христіане не дѣлали ничего противнаго ихъ совѣсти, и не осуждали себя совершеніемъ языческихъ обрядовъ. Искушительное, или вѣрнѣе, очистительное жертвоприношеніе, дѣлавшееся въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ если при перестройкѣ гроб-

ницы отырывались или обнажались восты погребеннаго), можно было забирать и отапливать. За исключением этого, духовныя власти въ подобномъ случаѣ дѣйствовали въ чисто гражданскомъ смыслѣ; слѣдующій фактъ всего лучше доказываетъ это: императоръ Константъ, сынъ Константина, во время своего управленія Римомъ и Италіей, хотя и былъ христіанинъ, не мѣнялъ этого учрежденія, и оставилъ за языческимъ властямъ право разрѣшать перестройки и увеличеніе гробницъ всѣхъ религій безъ различія.

IV.

Подобная безопасность христіанскихъ гробницъ результируется не была постоянна, и все, что мы сказали выше, относится къ извѣстнымъ, правда очень продолжительнымъ періодамъ, но однако не ко всему времени, которое протекло отъ появленія новой религіи до признанія церкви. Въ первые три столѣтія христіанская община въ Римѣ пережила нѣсколько эпохъ болѣе или менѣе спокойнаго существованія, терпимости и гоненій, которыя отразились въ устройствѣ и расположеніи ея катакомбъ.

Такъ какъ въ началѣ проповѣдники ученія Спасителя были Евреи, то христіане считались римскимъ правительствомъ іудейской сектой и въ первое время раздѣляли судьбу Евреевъ. Мы знаемъ, что эти послѣдніе, ихъ вѣра, ихъ религіозныя и національныя учрежденія и обычаи не только были терпимы въ Римѣ, но даже признаны властями, и иногда пользовались ихъ покровительствомъ, какъ напримѣръ во времена Цезаря и въ царствованіе Августа. Все первое столѣтіе Іудеи жили и размножались въ Римѣ спокойно, исключая короткихъ періодовъ, во время которыхъ привилегіи ихъ, хотя не уничтожены совершенно, не были уважены. Въ царствованіе Тиберія они претерпѣли гоненіе, продолжавшееся впрочемъ не долго, и при Калигулѣ снова подверглись притѣсненіямъ; преемникъ его, императоръ Клавдій, обнаруживалъ противъ нихъ адиктъ, дѣйствіе котораго было также кратковременно, и когда въ цар-

ствование Нерона апостолъ Павелъ прибылъ въ Римъ, то засталъ тамъ многочисленную колонію Евреевъ, свободно совершавшихъ свои религиозные обряды *).

Гоненія Евреевъ вовсе не имѣли кроваваго характера преслѣдованія христіанъ, и ограничивались изгнаніемъ массами изъ Рима и Италіи людей этой націи и прозелитовъ ихъ религіи, но разумѣется, никто не думалъ принуждать ихъ отвергать законъ Моисея. Въ промежутки этихъ кратковременныхъ невзгодъ, выражавшихъ скорѣе личные чувства императоровъ, чѣмъ правильное дѣйствіе законовъ, Евреи ничего не терпѣли ни отъ властей, ни отъ народа **). Религіозная пропаганда ихъ, какъ кажется, не была запрещена положительнымъ образомъ, исключая развѣ непродолжительные періоды гоненій. Извѣстно, что не смотря на презрѣніе, въ которомъ они находились у Римлянъ, число послѣдователей ихъ вѣрованія было очень значительно во всѣхъ классахъ общества; это обстоятельство было вѣроятно одной изъ главныхъ причинъ преслѣдованія Евреевъ при Тиберіи. Нѣкоторые изъ этихъ прозелитовъ окончательно принимали законъ Моисея; другіе, не исполняя всѣхъ его обрядовъ и постановленій, отвергали языческихъ боговъ и поклонялись Богу единому, Богу Авраама и пророковъ. Что это можно было дѣлать безнаказанно, свидѣтельствуютъ римскіе историки, еврейскія надписи и дѣянія апостольскія.

При появленіи своемъ въ Римѣ и въ провинціяхъ, христіане были приняты за еврейскую секту не въ слѣдствіе непониманія со стороны властей и заблужденія ихъ, какъ обыкновенно предполагаютъ, но совер-

*) Въ Помпей нашли надпись, относящуюся къ Евреямъ либертинцамъ и ихъ слугамъ. Въ послѣднее время увидѣли тамъ же при раскопкѣ большой улицы термъ Стабиа на стѣнѣ одной изъ комнатъ дома очень блѣдой наружности слова едва понятныя начерченные углемъ, содержавшія, согласно G. B. de Bossi, надпись надъ христіанами. Это можетъ быть самый древній эпиграфическій памятникъ изъ до сихъ поръ открытыхъ, въ которыхъ называютъ христіанъ, и первый слѣдъ существованія ихъ въ Помпей, если въ самомъ дѣлѣ слово *Christianos*, какъ говоритъ G. B. de Bossi, можно было прочесть въ этой надписи, исчезнувшей отъ дѣйствія воздуха, скорѣе послѣ того какъ ее отыскали. Надо замѣтить, что директоръ раскопокъ Помпей Кои. Фиорелли не раздѣляетъ этого мнѣнія; но другой извѣстный археологъ Неаполя Милерини, призванный въ Помпей по этому случаю, стоитъ на сторонѣ de Bossi.

**) Можно не преувеличивая сказать, что положеніе ихъ было не лучше въ Римѣ языческихъ императоровъ, чѣмъ въ средніе вѣка и даже до нашего времени въ Римѣ иагъ.

шенно согласно со смыслом законовъ и вообще правъ вѣрованій въ Римской имперіи. Когда апостолы и ихъ ученики, Іудеи по происхожденію, проповѣдывали Бога Моисея и пророковъ, и спорили въ синагогахъ, убѣждая, что ожидаемый Мессія—Христосъ Сынъ Божій, то все это не могло казаться римскимъ властямъ ничѣмъ другимъ, какъ раздоромъ догматическаго характера въ средѣ Евреевъ, въ который они не удостоивали вмешиваться, презирая этотъ народъ и все, что касалось его.

Подтвержденіе этого факта мы находимъ въ дѣяніяхъ апостольскихъ; такъ наприѣръ въ нихъ сказано *)), что когда Іудеи привели апостола Павла передъ судилище Галліона проконсула Ахайя, обвиняя его въ томъ, что онъ распространяетъ въ народѣ богопочтеніе несогласное съ закономъ, и когда Павелъ хотѣлъ отверзать уста, то Галліонъ сказалъ Іудеямъ: «Іудеи! если бы дѣло шло объ обидѣ или о тяжкомъ преступленіи, то я имѣлъ бы причину выслушать васъ; но когда идетъ споръ о ученіи, о именахъ и о законѣ вашемъ, то разбирайтесь сами; въ этомъ быть судьбою я не хочу». И прогналъ ихъ отъ судилища.

Нѣсколько времени спустя тысяченачальникъ Клавдій Лісій **) писалъ Феликсу правителю Іудеи, что апостола Павла обвиняютъ въ нѣкоторыхъ спорныхъ мнѣніяхъ, относящихся до закона ихъ, но что впрочемъ нѣтъ въ немъ никакой вины, достойной смерти или оковъ. Въ другомъ мѣстѣ Феликсъ ***) говоритъ о христіанскомъ ученіи: «Я узнаю о сѣи ереси точнѣе». — Исключая этихъ приѣмровъ, въ Дѣяніяхъ апостольскихъ нѣсколько разъ ясно высказывается мнѣніе, что римское правительство въ Іудеѣ принимало христіанъ за еврейскую секту, и не считало ихъ достойными наказанія †).

Тоже самое должно было происходить въ столицѣ имперіи во времена апостольскія, и если Евреямъ не было запрещено обращать Римлянъ въ свою религію, то и христіанство могло въ первое время распространяться тамъ безъ большихъ стѣненій. Мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что апостолъ Павелъ открыто кѣмъ два года передъ глазами своихъ стражей проповѣдывалъ въ Римѣ ученіе Спасителя ††).

*) Гл. XVIII.

**) Дѣянія апостольскія гл. XXIII.

***) Дѣянія апостольскія гл. XXIV.

†) Языческіе писатели и историки точно такъ же сѣнзиавать христіанъ съ Евреями, и принимаютъ перамъ за людей отбросившихъ вѣру отцовъ.

††) Дѣянія апостольскія гл. XXVIII.

Нѣтъ сомнѣнія, что если христіане этого времени, оскорбленные снѣшеніемъ съ Евреями, старались объяснить различіе между собою и этими послѣдними, то римскія власти, всегда очень осторожныя до того, что касалось національныхъ привилегій или вѣрованій, не трудились разбирать спорные вопросы, поднятые въ синагогахъ, и не входя въ подробности незнакомыхъ для нихъ религій и догматовъ, поступали подобно проконсулу Галліону. Пользоваться этихъ исключительнымъ попомнѣнъ, если оно помогало распространенію новой вѣры, христіане могли не обременяя своей совѣсти. Въ объявленія нагѣрціи жить по закону Моисея (которое иногда требовалось отъ прозелитовъ еврейской вѣры) Римляне, обращенные въ христіанство, не могли находить для себя ничего освящающаго. Эти прозелиты были двухъ родовъ: одни принимали окончательно законъ Моисея и получали въ средѣ Іудеевъ права гражданства, другіе отвергнувъ языческихъ боговъ молились Богу единому *); христіане не Евреи могли быть причислены къ послѣднимъ.

До Нерона и даже послѣ него все первое столѣтіе, христіане раздѣляли участь Евреевъ и вѣроятно не одне притѣсненіе послѣднихъ коснулось первыхъ, но пока не какъ христіанъ, а какъ еврейскую секту. Такъ наприимѣръ императоръ Клавдіи, согласно Светонію, изгналъ изъ Рима всѣхъ Евреевъ безъ различія, «постоянно бунтующихъ и возмущенныхъ по поводу *Chrestus*». Можно не безъ основанія предположить, что этотъ *Chrestus*, никто иной какъ Христосъ, неправильно названный римскими историками, и что беспорядки и волненія происходили въ Римѣ среди еврейской колоніи въ слѣдствіе распространенія ученія Спасителя, принятаго одними и отвергнутаго другими. Въ концѣ царствованія Клавдія Евреи снова возвратились въ Римъ.

Но это исключительное состояніе не могло продолжаться долгое время. Евреи въ свою очередь протестовали противъ неправильнаго снѣшенія ихъ съ ненавистной сектой; обвиняли христіанъ передъ властями въ слѣдованіи суевѣрїю новаго, вреднаго, противозаконнаго; распускали въ народѣ римскомъ слухъ, что въ средѣ ихъ появилось преступное исповѣданіе атеизма, послѣдователи котораго не признають никакихъ властей и отдѣляются отъ остальныхъ людей. Обвиненія христіанъ въ ненависти ко всему роду человѣческому, которое мы встрѣчаемъ въ рим-

*) Они назывались чтецами Бога; въ Дѣяніяхъ апостольскихъ о нихъ говорится нѣсколько разъ.

смыслъ историчать этого времени, шло разубѣдится отъ Карсена, и первоначально только ими могло быть распространяемо.

Писатели церкви первыхъ вѣковъ единогласно утверждаютъ, что преслѣдованіе христіанъ началось въ синагогахъ, что Евреи при появленіи новаго ученія были болѣе ожесточенными врагами его, чѣмъ самые язычники, и главными виновниками гоненій.

Въ началѣ они, обвиняя христіанъ передъ трибуналомъ, не получали никакого удовлетворенія; вопросы, поднятые ими, производили волненіе, а римское правительство прежде всего любило порядокъ. Очень вѣроятно, что оно въ это время было иногда на сторонѣ христіанъ, и обуздывало ярость и нетерпимость ихъ враговъ. Когда же эти раздоры нарушали общественное спокойствіе и принимали значительные размѣры, то власти изгоняли изъ Рима безъ различія всѣхъ послѣдователей закона Моисея, принадлежали ли они къ сектамъ или нѣтъ, какъ это сдѣлалъ императоръ Клавдій. Но клеветы Евреевъ не могли оставаться совершенно безъ результата, и общественное мнѣніе не было расположено въ пользу христіанъ.

Наступило наконецъ время, когда при постоянно возрастающемъ числѣ послѣдователей ученія Спасителя римское правительство было поставлено въ необходимость или признать это исповѣданіе законнымъ наравнѣ съ еврейской религіей, или запретить его какъ суевѣріе новое и преступное. Тутъ, можно сказать, случай рѣшилъ вопросъ противъ христіанъ.

Послѣ большаго пожара 64-го года, истребившаго значительную часть Рима, Неронъ, узнавъ что общественное мнѣніе обвиняетъ его въ этомъ несчастіи, дабы отклонить отъ себя подозрѣніе, воспользовался недобрыми слухами, которые ходили въ народѣ о христіанахъ, и указалъ на нихъ какъ на поджигателей Рима *). По его приказанію христіанъ преслѣдовали и подвергали жестокииъ мученіямъ. Однихъ зашивали въ звѣринныя кожи и травили собаками, другіе умирали на крестѣ, или покрытые воспламеняющими веществами горѣли какъ факелы въ садахъ Нерона. Римляне съ состраданіемъ смотрѣли на этихъ несчастныхъ жертвъ,

*) Согласно историчу Юстину, жена Нерона Пеллея, которая была ревностной покровительницей Евреевъ, и потому злорадно наблюдала за христіанами, обратила на послѣднихъ вниманіе императора.

которые умирани не въ видахъ общей пользы, а въ слѣдствіе жестокосердія одного.

Свирѣпствовало ли гоненіе Нерона исключительно въ одномъ только Римѣ, или также и въ провинціяхъ, осталось неизвѣстно; всего вѣроятнѣе, что оно, не будучи повсемѣстно, отразилось въ нѣкоторыхъ городахъ имперіи, потому что судъ обвинилъ христіанъ, согласно Тациту, не столько въ пожарѣ Рима, сколько въ ненависти къ роду человѣческому, подтвердивъ такимъ образомъ клеветы, распространяемыя Евреями.

Христіане въ слѣдствіе этого перваго преслѣдованія, которое продолжалось очень короткое время, не были однако лишены правъ на существованіе и поставлены внѣ закона. Мы видимъ напротивъ, что послѣ смерти Нерона они около тридцати лѣтъ жили спокойно. Тиранъ былъ низверженъ, признанъ врагомъ общественнымъ, эдикты его потеряли силу, и христіанъ перестали тревожить. Слѣдующее гоненіе ихъ при императорѣ Домиціанѣ было одновременно съ притѣсненіемъ Евреевъ. Послѣднихъ заставляли платить извѣстную подать^{*)}, и по Светонію видно, что при Домиціанѣ ее взимали съ большею строгостію, чѣмъ въ предшествовавшія царствованія, требуя не только отъ людей этой націи, но и отъ приверженцевъ ихъ вѣры, которые хотя не объявили себя Евреями, но жили по закону Моисея.

Изъ словъ историка Діона можно, по мнѣнію G. V. de Rossi, заключить, что между прозелитами Евреевъ отличали тѣхъ, которые съ еврейскими обычаями соединяли нечестивость; эти послѣдніе не могли быть никто другіе, какъ христіане; отъ первыхъ требовали налога, вторыхъ ссылали и казнили. Въ самомъ дѣлѣ, какъ нельзя болѣе правдоподобно, что во времена Домиціана, по случаю строгаго вниманія подати съ Евреевъ и ихъ прозелитовъ, римскія власти вникали въ положеніе христіанъ, въ ихъ отношенія къ Іудеямъ, къ языческому обществу и дѣлали различіе между простыми приверженцами закона Моисея и послѣдователями ученія Спасителя; и это привлекло на послѣднихъ новое преслѣдованіе, въ слѣдствіе обвиненія ихъ въ нечестивости, чему вѣроятно способствовали клеветы Евреевъ и фактъ предшествовавшаго гоненія при Неронѣ.

^{*)} Дѣя пражны съ головамъ; этотъ налогъ Евреи прежде добровольно вносили для украшенія и поддержки своего храма; императоръ Веспасіанъ, побѣдивъ ихъ, заставлялъ платить ту же сумму храму Юпитера Капитольскаго.

Какая бы ни была причина, вызвавшая гонения христианъ при Домицианѣ, оно было, можно сказать, почти мгновенно. Наслѣдникъ этого императора на престолѣ, Нерва запретилъ принимать доносы въ нечестивости и въ слѣдованіи іудейскаго закона; это означало благопріятіемъ для христианъ, потому что первое изъ этихъ обвиненій касалось также и ихъ. Подъ словомъ нечестивость понимали въ Римѣ во времена императоровъ оскорбленіе величества, и христианъ называли *нечестивыми*, какъ членовъ секты противуположенной, преступной, вредной, враждебной установленному порядку вещей, потому *императору*, представителю государства, охранителю общественныхъ учрежденій равнаго богамъ, изображеніе котораго они отказывались почитать возліаніемъ вина и куреніемъ опиума.

Донось въ слѣдованіи закона Моисея относился къ прозелитамъ еврейской религіи, и касался только одного фиска, тогда какъ обвиненіе въ нечестивости получало тотчасъ же уголовный характеръ.

Но если гоненіе христианъ было снова прекращено, то положеніе ихъ уже измѣнилось къ худшему; они были отличены властями отъ Евреевъ и ихъ прозелиты признаны нечестивыми, осуждены какъ враги общества и государства, и только личныя чувства человѣколюбиваго императора прекратили ихъ казни. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ смерти Нервы снова возобновляются обвиненія и доносы на христианъ, тогда какъ Евреевъ и ихъ приверженцевъ оставляютъ въ сторонѣ. Такъ продолжалось до первыхъ годовъ царствованія Траяна.

У.

Слѣдовательно все первое столѣтіе и начало второго, исключая гоненія Нерона и непродолжительнаго преслѣдованія Домициана, христианъ оставляли въ покоѣ, и ничто не принуждало ихъ таить существованіе своихъ гробницъ. Какой видъ и форму онѣ имѣли въ этотъ періодъ, и какъ мало были скрыты, мы уже видѣли по двойному *cubiculum* въ криптѣ

Lucina. Другой семейный икогей, по всей вѣроятности этого же времени, недавно открытый въ катакомбах Domitilla, еще болѣе подтверждаетъ все сказанное выше и вмѣстѣ даетъ возможность прослѣдить постепенныя преобразованія, совершавшіяся въ подземномъ Римѣ, подъ вліяніемъ времени, обстоятельствъ и болѣе или менѣе законнаго положенія христіанской общины.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ икогей, необходимо сказать, кто была Domitilla, именемъ которой называютъ одну изъ римскихъ катакомбъ. Мы уже упомянули выше, что нѣсколько лицъ изъ царскаго рода Флавіевъ приняли христіанство и при послѣднемъ императорѣ этой фамиліи Домиціанѣ претерпѣли мученическую смерть. Языческіе историки сообщаютъ церковнымъ писателямъ самыя вѣрныя и положительныя свѣдѣнія объ этомъ событіи, потому что все сказанное о немъ въ дѣяніяхъ мучениковъ неполно и сблвчиво. У императора Веспасіана былъ старшій братъ Титъ Флавій Сабинъ (Titus Flavius Sabinus), занимавшій продолжительное время мѣсто префекта города Рима при Неронѣ и послѣ него. Между дѣтьми Sabinus, равно какъ и между женщинами изъ фамиліи императора Веспасіана, которыя вступили съ ними въ супружество, были христіане. Sabinus находился въ должности префекта Рима, когда происходило первое гоненіе христіанъ; онъ конечно зналъ, въ чемъ состояла ихъ вина, и вѣроятно разбиралъ ихъ дѣло. Тацитъ хвалитъ его справедливость, умѣренность и говоритъ, что это былъ человекъ кроткій, имѣвшій отвращеніе къ кровопролитію и убійствамъ.

Не было ли мягкосердечіе Тита Флавія Сабина и его доброта, говорить G. V. de Rossi, отраженіемъ христіанскаго ученія, о которомъ онъ могъ имѣть нѣкоторое понятіе; но это разумѣется только одно предположеніе. Болѣе положительно извѣстно, что сынъ его Титъ Флавій Клеменсъ (Titus Flavius Clemens), жена послѣдняго Флавія Домитилла (Flavia Domitilla), внучка Веспасіана и племянница Домиціана (дочь сестры этого императора), претерпѣли гоненіе и смерть за христіанскую вѣру въ царствованіе Домиціана. Историкъ Діонъ говоритъ, что этотъ императоръ казнилъ смертью Тита Флавія, не взирая на то, что онъ былъ его двоюродный братъ и находился въ супружествѣ съ его племянницей. Флавія Домитилла была сослана на островъ Пандатарію*). Оба они, со-

*) Pandataria, теперь S-ta Maria, небольшой островокъ между островами Понца и Мезія.

гласно Діону, были обвинены въ атеизмъ, за что преслѣдовали и казнили много другихъ лицъ, слѣдовавшихъ еврейскимъ обычаямъ. Подъ словомъ *атеизма* въ этомъ случаѣ трудно разуть что либо другое, какъ христіанское ученіе: Евреевъ и ихъ прозелитовъ никогда не обвиняли въ атеизмъ. Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о другихъ родственникахъ императора Домиціана, принявшихъ христіанство, темны и запутаны, но это для насъ не можетъ имѣть большой важности; трудно сомнѣваться въ томъ, что Домитилла и ея мужъ были христіане, и умерли за свою вѣру; этого пока достаточно.

Въ дѣяніяхъ мучениковъ сказано, что тѣла Флавіи Домитиллы и двухъ ея подругъ были положены въ саркофагъ и погребены въ Террачинѣ, не два другихъ мученика Нерей и Ахилей (*Nereus et Achilleus*), служители (*subdiaconi*) въ домѣ племянницы Тита Флавія Клеменса, также христіанки, похоронены въ особенной гробницѣ,—въ землѣ Флавіи Домитиллы возлѣ дороги *Ardeatina*, въ полторахъ миляхъ отъ Рима, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ прахъ Св. Петрониллы (*Petronilla*), названной дочерью апостола Петра. Древній указатель римскихъ первобытныхъ кладбищъ, составленіе котораго можно отнести къ первымъ вѣкамъ торжества церкви, опредѣляя названіе и топографическое положеніе каждой катакомбы, перечисляя главныя святыни ихъ и особенно почитаемыя гробницы, говоритъ между прочимъ, что возлѣ дороги *Ardeatina* есть кладбище Домитиллы (*coemeterium Domitillae*), гдѣ похоронены мученики Нерей и Ахилей вмѣстѣ со св. Петрониллой. Изъ этого видно, что въ первые вѣка христіанства въ руки церкви перешелъ ипогей принадлежавшій прежде Домитиллѣ, въ которомъ были схоронены Нерей Ахилей и Петронилла. Кто была Петронилла, названная на надписи богатаго саркофага «*Augusta Petronilla*», и принадлежала ли она также фамиліи Флавіевъ, сказать пока трудно, но уже одно имя свидѣтельствуетъ о ея знатномъ происхожденіи.

Настоящее положеніе катакомбы Домитиллы открыто и опредѣлено точнымъ образомъ *). Топографической путеводитель по святымъ мѣстамъ Рима указываетъ очень ясно, гдѣ въ древнія времена богомольцы видѣли гробницы Нерей и Ахилей и возлѣ нихъ объяснительную надпись папы Дамаза, равно какъ и базилику, построенную надъ гробни-

*) Теперь участокъ, въ которомъ разивается эта катакомба, носитъ названіе *Tom. Maracina*.

ной св. Петрониллы. Что земля, на которой находились всё эти памятники въ первомъ вѣдѣ, принадлежала Флавіи Домитиллѣ, доказываетъ надпись, сдѣланная на найденномъ тутъ мраморномъ полустолбикѣ, — въ ней сказано, что пространство въ тридцать пять футовъ длины и сорокъ ширины благосклонно (*ex indulgentia*) отдано *Flaviae Domitillae* для устройства гробницы (неизвестно однако христіанской или языческой) тремъ особамъ. Другой эпитафическій памятникъ, открытый тутъ же по близости, въ которомъ Флавія Домитилла названа внучкой *Vespasiana (Vespasiani nepotis)*, говорить о новой подобной же уступкѣ. Слѣдовательно не безъ основанія можно предположить, что между составными частями кладбища Домитиллы должны быть гробницы, комнаты и галерея, вырытыя въ концѣ перваго столѣтія и можетъ быть даже семейный впогей христіанинъ Флавіи Домитиллы, гдѣ былъ погребенъ ея мужъ — мученикъ *Titus Flavius Clemens*. Въ самомъ дѣлѣ, уже прежде было извѣстно, что въ катакомбѣ Домитиллы есть фрески и надписи, принадлежащія къ концу перваго или къ началу втораго вѣка; а раскопки, произведенныя въ послѣднее время братьями *Rossi*, открыли существованіе очень замѣчательнаго и обширнаго впогея. Широкая и хорошо построенная лѣстница вела прямо къ нему съ поверхности земли; первоначально онъ былъ назначенъ не для *Ioculi*, высѣченныхъ въ туфѣ, а для немногихъ саркофаговъ гробницъ богѣе богатыхъ, которыя стояли въ особыхъ углубленіяхъ или нишахъ *). Стѣны и своды его, мѣстами украшенныя гѣбными работами, были покрыты ступкомъ превосходнаго качества и на немъ видны остатки живописи, приближающейся едва ли не богѣе всѣхъ до сихъ поръ открытыхъ фресокъ катакомбъ къ классическому римскому искусству первыхъ вѣковъ имперіи. Такъ наприимѣръ въ сводѣ главной галереи у начала ея изображены крылатые геніи, занятые собираніемъ винограда, на вѣткахъ лозы среди птицъ и зелени. Сцена эта представленная очень искусно, съ рѣдкой граціей и большой любовью природы, распространяется свободно по стѣнѣ не стѣсненная геометрической линіей правильнаго раздѣленія; склонность къ холодному симметрическому расположенію сюжетовъ, преобладающая въ живописи катакомбъ третьяго, четвертаго, можно да-

*) Къ несчастію этотъ впогей былъ варварски опустошенъ еще въ прошломъ столѣтіи; саркофаги его разбиты или похищены, равно какъ и плиты съ надписями, ереси отдѣлены отъ стѣнъ и унесены, причемъ впогей и изъ нихъ разбился въ куски.

же сказать второго столѣтія, вовсе не замѣтна тутъ. Другія фрески еще болѣе пострадали отъ разрушительскѣ; онѣ изображали пастушескія сцены, ландшафты, рыбную ловлю и пиришества, употребленныя какъ простое украшеніе, безъ символическаго значенія, что встрѣчаешь только въ памятникахъ очень ранняго времени христіанскаго искусства. Вообще стиль этихъ работъ напоминаетъ какъ нельзя болѣе стѣнную живопись, открытую въ развалинахъ виллы Ливіи и въ колумбаріяхъ времени Августа. Можно было бы подумать, что это подземелье принадлежало язычникамъ, если бы рядомъ съ произведеніями чисто классическаго искусства не были видны сцены вполне христіанскаго символическаго значенія, всего чаще встрѣчающіяся въ катакомбахъ и всего болѣе любимыя первыми христіанами, какъ напримѣръ: Давидъ во львиномъ рвѣ. Изображеніе этого пророка, открытое тутъ, безъ сомнѣнія самое древнее изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ. Давидъ одѣтый въ короткую туннику стоитъ на возвышеніи съ поднятыми руками, вдохновенный молитвой между двумя бросающимися на него львами. Въ фигурѣ его нѣтъ пока ничего условнаго, и достаточно однако взгляда для убѣжденія, что въ ней преобладаетъ та свобода въ передачѣ сюжета и артистическій смыслъ, которые не встрѣчаются въ томъ же изображеніи послѣдующихъ вѣковъ. Возлѣ нашли другія фрески, представляющія Ноя въ ковчегѣ, добрыхъ пастырей, и тому подобныя христіанскія сцены. Надписи, открытыя тутъ, судя по ихъ формѣ и содержанію, принадлежать несомнѣнно къ первымъ временамъ христіанства.

Блѣзна на кирпичяхъ, которые употреблены въ этомъ ипогеѣ при второстепенныхъ работахъ послѣ устройства и украшенія главныхъ его гробницъ, свидѣтельствуютъ, что различныя перемѣны были произведены въ немъ въ царствованіе Марка Аврелія, — его слѣдовательно выкопали и расписали фресками раньше этого времени. Дальнѣйшія раскопки привели тутъ къ новымъ открытіямъ. Когда былъ разрытъ холмъ наносной земли и развалины, находившіяся передъ входомъ въ ипогей, оказалось небольшое зданіе хорошаго стиля римской архитектуры, достаточно сохранившееся для восстановленія его первоначальной формы. Это — небольшое, сложное изъ кирпичей, квадратное, нѣсколько продолговатое строеніе, обращенное фасадомъ на проходившую тутъ прежде дорогу, примыкая противоположной своей стороной къ срыванной отлогости холма. Оно находится въ прямомъ сообщеніи съ широкой нѣсколько спускающейся подземной галереей, въ бокахъ которой высѣчены четырёхуголь-

ныя ниши для саркофаговъ, и безъ сомнѣнiя составляло родъ преддверiя ипогея не скрытое, но выступающее впередъ на поверхности земли. Надъ дверьми видны остатки красиваго карниза изъ обожженной глинны и мѣсто для надписи, въ несчастiю болѣе не существующей. Преддверiе это, судя по стилю и владѣ, перваго или втораго столѣтiя имперiи, стояло передъ глазами каждаго проходящаго. Съ дороги можно было видѣть не только постройку съ ея надписью, но при открытыхъ дверяхъ и широкую галерею, гдѣ изображены библейскiя сцены, Даниилъ между львами и Ной въ ковчегѣ, въ такомъ мѣстѣ, куда проникать дневной свѣтъ.

Ничего не сдѣлано тутъ, чтобы скрыть ипогей, и не принято никакой предосторожности для отклоненiя отъ него вниманiя постороннихъ; ни одна изъ языческихъ гробницъ, сохранившихся до нашего времени, не представляетъ болѣе явннй, болѣе очевидный характеръ *).

По всему видно, что это подземелье было выкопано въ періодъ полной терпимости и безопасности не только глѣдницъ первыхъ христіанъ, но и ихъ самихъ; и если вѣтъ достаточно доводовъ для доказательства, что это семейный ипогей Домитиллы, который она устроила себѣ при жизни, то онъ безъ сомнѣнiя принадлежитъ къ тому времени, когда жила племянница Веспасіана, и находится въ землѣ бывшей ея собственностію. Впослѣдствіи крѣпче этотъ соединился съ сообщеніями галереями и комнатами катакомбы Домитиллы. Про другія зданiя, примыкавшiя къ преддверiю, мы будемъ говорить ниже, потому что онѣ были построены въ болѣе позднюю эпоху.

*) Совершенно такое же небольшое зданіе у сръзанной отлогости холма съ есадоуъ на дорогу и надписью надъ нимъ находилось предъ входомъ въ семейный склепъ савиніи Назоні, также выстѣченный въ туеъ эпоху консульской дороги Фламиніа, устройство котораго по характеристикамъ его памятниковъ слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ втораго столѣтiя. Онъ былъ открытъ въ прошломъ вѣкѣ и впоследствии разрушенъ.

VI.

Въ царствованіе Траяна въ отношеніяхъ римскаго правительства къ послѣдователямъ ученія Спасителя произошло перемѣна невыгодная для послѣднихъ, ихъ положеніе значительно ухудшилось и для нихъ наступилъ новый періодъ существованія, несравненно менѣе благоприятный предшествующаго съ той минуты, когда этотъ императоръ въ письмѣ къ Плинію говоритъ о христіанахъ какъ о людяхъ заслуживающихъ наказаніе. Извѣстно, что Плиній младшій, будучи проконсуломъ въ Вонніи, написалъ къ Траяну, освѣдомляясь, какъ слѣдуетъ поступать съ христіанами. Вотъ общій смыслъ этого письма. Плиній сознается, что находится въ большомъ затрудненіи, не зная въ какой мѣрѣ, и за что именно наказывать ихъ, должно ли при этомъ принимать во вниманіе возрастъ обвиненнаго и прощать изъявившимъ раскаяніе. «До сихъ поръ, говоритъ онъ, я руководился слѣдующими правилами: я спрашивалъ во второй и третій разъ, въ самомъ ли дѣлѣ они христіане; тѣмъ, которые признавались въ этомъ, грозилъ въ случаѣ упорства; и если они подтверждали свои слова, то казнилъ ихъ, потому что, какова бы рода ни было это сознаніе, я считалъ нужнымъ наказать такую непреклонную упорность. Нѣсколько другихъ, ослѣпленныхъ тѣмъ же безуміемъ, я пошелъ въ Римъ, такъ какъ они римскіе граждане. Но число обвиненныхъ умножается, многіе въ мое присутствіи и въ предписанныхъ мною формахъ молились богамъ и почтили изображеніе ваше приношеніемъ вина и оміама; они произносили даже проклятія противъ Христа, къ чему, какъ говорятъ, невозможно принудить настоящихъ христіанъ; я потому оправдалъ ихъ. Другіе выданные доносителями сознались, что принадлежали прежде къ христіанамъ, но удалились отъ нихъ—одни три года тому назадъ, другіе больше, нѣкоторые уже двадцать лѣтъ. Впрочемъ если вѣрить имъ, вся вина ихъ заключалась только въ слѣдующемъ. Въ извѣстные дни до восхода солнца они собирались и по очереди пѣли гимны восхваляя Христа какъ Бога, за тѣмъ обязывались взаимной клятвой не къ какому нибудь злодѣянію или преступленію, а напротивъ обѣщали не совершать воровства, грабежа, прелюбодѣйствія, не нарушать даннаго слова, не утаивать похвѣреннаго и потомъ расходились, чтобы, собравшись снова, вкушать вмѣстѣ яства обыкновеннаго невиннаго характера. Они говорятъ, продол-

жасть Плиний, что перестали посещать эти собрания въ слѣдствіе моего эдикта, которымъ я, согласно вашему повелѣнію, запретилъ всякаго рода товарищества». — Траянъ отвѣчалъ, что «въ дѣлахъ подобнаго рода нельзя постановить общаго неизмѣннаго правила, что не нужно отыскивать христіанъ, но когда они обвинены и изоблечены, то должно наказывать ихъ (*conquirendi non sunt, si deferantur et arguantur capiendi sunt*). Если же обвиненный утверждаетъ, что онъ не христіанинъ и доказываетъ это молясь и взывая къ богамъ, то его слѣдуетъ оправдать изъ уваженія къ раскаянію, какъ бы ни было сильно и основательно лавшее на него подозрѣніе. Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ этотъ императоръ, ни въ какого рода обвиненіяхъ не должно принимать неподписанныхъ, безыменныхъ доносовъ, — это было бы пагубнымъ прихвѣромъ, не согласнымъ съ принципами нашего царствованія».

Слова Траяна подтвердили и установили законность преслѣдованія христіанъ. Съ этихъ поръ единственнымъ спасеніемъ ихъ было добродушіе и терпимость нѣкоторыхъ императоровъ, полагавшихъ препятствіе обвиненіямъ и укрощавшихъ ревность донощиковъ. Власть и законы римскіе уже не видѣли болѣе ничего общаго между Евреями и христіанами: *) религія первыхъ, исключая короткихъ періодовъ притѣсне-

*) Это отдѣленіе христіанъ отъ Евреевъ оказалось иногда невыгоднымъ для первыхъ. По мнѣнію власти и общества античнаго Рима всѣ національныя племена были достойны уваженія, и слѣдовать вѣрѣ отцовъ была обязанность народа. Еврейская вѣра имѣла національный характеръ, христіанская напротивъ лишена его. Обѣ эти религіи въ противоположность языческимъ племенамъ, которыя допускали существованіе другихъ боговъ, были въ глазахъ Римлянъ принципомъ исключительности и истинности въ основаніи своего ученія и догматовъ, что постоянно возбуждало въ нихъ враждебныя чувства со стороны язычниковъ. Обыкновеніе Евреевъ держаться въ отдаленіи не смѣшиваясь съ другими народами, считая себя племенемъ избраннымъ Богомъ, могло казаться страннымъ и безумнымъ, но такъ какъ народъ этотъ уже нѣсколько столѣтій слѣдовалъ законамъ Моисея и не могъ уклониться отъ нихъ не сдѣлавъ преступленія, то привязанность къ нимъ и ревность въ исполненіи ихъ предписаній были понятны и несли даже оправданіе. Христіане находились въ совершенно иномъ положеніи: принявъ всецѣпную вѣру Спасителя, они растеряли умъ съ религіей своихъ отцевъ и дѣлались, по мнѣнію язычниковъ, послѣдователями не какого либо національнаго племеннаго вѣрованія, а секты истеричной, которая гордо презирала все, что въ древнемъ мірѣ было почитаемо священнымъ. Исключительность Евреевъ извѣстна ихъ національными учрежденіями, въ основаніи которыхъ лежала религія, истеричность христіанъ не могла оправдываться этнически, и потому ее, приписывали враждебности во всему роду человѣческому. По идеямъ Римлянъ христіане, связанные между со-

ний, вызванных постоянно беспокойным и мятежным поведением их, продолжала пользоваться привилегиями и покровительством властей, тогда как вѣроисповѣданіе вторыхъ или было преслѣдуемо, или только терпимо, но такъ мало находилась въ опасности, что даже въ царствованіе императоровъ благосклонныхъ къ христіанамъ, строгій приговоръ Траяна былъ приводить въ исполненіе надъ каждымъ, кто въ должныхъ формахъ сознавался въ слѣдованіи ученія Спасителя. *)

Все это пока не касалось владѣнщъ христіанъ, а только лично ихъ самихъ, и то время, когда начались преслѣдованія въ подземельяхъ, запрещенія собраній и конфискація катакомбъ, было еще довольно отда-

бою тѣсными узамъ дружбы и братства, предпочитали свои личные чувства и вѣрованію поклоненію и союзу національному, что въ древнѣхъ Римѣ считалось преступленіемъ.

*) Христіанъ судили не исключительными, а обыкновенными законами государства. Отказываясь принести жертву языческимъ богамъ и гонію императора, они дѣлались виновны въ святотатствѣ и оскорбленіи величества. „Вы упрекаете насъ“ говоритъ Тертуліанъ обращаясь къ язычникамъ, — „въ томъ что мы не обожаемъ вашихъ боговъ и не приносимъ жертвоприношеній изображенію императора, вотъ за что мы обвинены въ святотатствѣ и оскорбленіи величества“..... Законы противъ этихъ преступленій были необыкновенной строгости для всѣхъ одинаково; принадлежалъ ли подсудимый по рожденію и сану къ высшимъ или низкимъ классамъ общества, былъ ли онъ honestior или humillior, при допросѣ его подвергала пытка и если признавала виновнымъ, то назначала мучительную смертью. Судья въ необходимыхъ дѣлахъ дѣйствовалъ съ большимъ произволомъ, что касалось опредѣленія степени виновности и приговора наказанія, чѣмъ въ другихъ процессахъ. Римляне язычниковъ, обвиненныхъ въ святотатствѣ или оскорбленіи величества, подвергала тѣмъ же разнообразнымъ мученіямъ какъ и христіанъ; но удивительно потому, что эти послѣдніе пользовались относительно большимъ безопасностію въ царствованіи императоровъ, запрещавшихъ принимать обвиненія въ оскорбленіи величества, сдѣланныя источниками доходовъ для доносителей. Сверхъ того собранія христіанъ, когда они не могли принять законнаго вида (что—какъ мы увидимъ ниже—было иногда возможно), или когда были запрещены особенными эдиктами императоровъ, имѣли преступный характеръ. Зачинщиковъ, организаторовъ собраній незаконныхъ, особенно если они происходили въ ночное время, наказывали смертью. Но законъ древній еще болѣе положительной и неостановимый, запрещавшій введеніе иностранныхъ вѣрованій не признанныхъ сенатомъ, поклоненій новымъ и предвзвѣдновъ способныхъ тревожить и волновать умы, постоянно угрожалъ послѣдователямъ ученія Спасителя; онъ не всегда приводился въ дѣйствіе, иногда даже и забывался на время, но существовалъ однако грозя христіанамъ, религіи которыхъ, какъ видно изъ того, что говорить о ней языческіе писатели, считалась римскими властями суевѣріемъ новымъ „*pova superstitio*“, сектой зловерной, производящей волненія и беспорядки; къ этому присоединялось иногда обвиненіе въ колдовствѣ и чароудѣствѣ.

лено. Однако не смотря на то, что гробницы христіанъ продолжали быть неприкосновенны и не теряли своего священнаго характера, неосторожно было послѣ Траяна безгранично пользоваться этимъ правомъ, и открыто, какъ прежде, выставлять около большихъ дорогъ входы въ ипогеи. Подземныя работы приняла потому въ этотъ періодъ большое развитіе, и тѣ наружныя украшенія, которыя до тѣхъ поръ дѣлались на поверхности земли, были перенесены въ глубину галерей, какъ можно видѣть въ катакомбѣ *Pretestato*, гдѣ въ недавнее время открыто нѣсколько комнатъ не высѣченныхъ въ туфѣ, но сложенныхъ изъ кирпичей. Фасады ихъ украшены нишами и карнизами изъ обожженной глины въ классическомъ стилѣ, а стѣны покрыты или мраморными плитами или расписаны фресками. Надписи и остатки живописи на первомъ словѣ стука, изображающей чисто христіанскія сцены и легенды, какъ на примѣръ Моисея изсѣкающаго воду изъ скалы, Іону поглощеннаго чудищемъ, добраго пастыря и т. д. свидѣтельствуютъ, что эти склепы были построены христіанами, а не перешли къ нимъ—какъ можно было бы предположить—отъ язычниковъ, будучи окружены сѣтью катакомбныхъ галерей. Устройство ихъ слѣдуетъ отнести ко временамъ Антониновъ и не трудно замѣтить, что они подражаніе тѣхъ преддверій ипогеевъ, которыя прежде строили на поверхности земли, какъ мы это видѣли у катакомбы *Домитиллы*. Въ большой осторожности христіане были также принуждены постепеннымъ расширеніемъ своихъ подземелій, которое шло рядомъ съ постоянно возрастающимъ числомъ послѣдователей ученія Спасителя. Увеличиваясь, христіанскія кладбища теряли характеръ многочисленныхъ въ Римѣ языческомъ семейныхъ гробницъ богатыхъ людей, и должны были привлекать вниманіе властей своимъ особеннымъ характеромъ, выходя изъ ряда склеповъ отдѣльныхъ фамилій. Если Плиній въ письмѣ своемъ къ Траяну по поводу христіанъ, говоря о ихъ собраніяхъ запрещенныхъ прежними законами и новыми эдиктами, не упоминаетъ о кладбищахъ; то это можно объяснить тѣмъ, что послѣдніе еще не успѣли принять значительное развитіе и не потеряли пока вида ипогеевъ, собственности частныхъ людей.

Потому, когда катакомбы приняли, во второмъ столѣтіи, большія размѣры, сдѣлалось необходимо, не только удалить ихъ отъ взоровъ общества, но и придать имъ новую законную форму. Достигнуть этого можно было, превративъ ихъ изъ семейныхъ и частныхъ въ общія.

Въ древнемъ Римѣ существовали кладбища товариществъ или союзовъ, которыя можно назвать обществами погребенія. Главная цѣль составленія ихъ была обезпечить членамъ своимъ послѣ смерти приличныя похороны и гробницу. Правительство позволяло имъ владѣть колумбаріями и иногемии. Это обстоятельство вѣроятно помогло христіанамъ снова дать легальный видъ своимъ разширяющимся крипамъ. Въ самомъ дѣлѣ надписи и новѣйшія откритія въ катакомбахъ вполнѣ даютъ право предположить, что во второмъ столѣтіи, если не въ частныя христіанскіе иногеміи Рима, то по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ превратились постепенно въ мѣста погребенія коллегій или товариществъ, дозволенныхъ правительствомъ. Но прежде чѣмъ говорить объ этой новой фазѣ существованія катакомбъ, необходимо объяснить, какого рода были эти общества и какими правами пользовались они въ Римѣ языческомъ.

VII.

Исторія образованія погребальныхъ коллегій въ античномъ мѣрѣ находится въ тѣсной связи съ исторіей экономическихъ ассоціацій, и потому слѣдуетъ предварительно сказать о послѣднихъ нѣсколько словъ.

Товарищества взаимной помощи перешли въ Римъ изъ Греціи, но только у Грековъ они имѣли болѣе благотворительный характеръ. *)

Религиозныя братства, составившіяся внѣ падающихъ и уничтожающихся официальныхъ вѣрованій, распространяясь въ большомъ количествѣ особенно въ послѣднія столѣтія до появленія христіанства въ Греціи и въ тѣхъ странахъ востока, гдѣ преобладало классическое образованіе, были въ одно и тоже время экономическія и религиозныя. Какъ первыя, они соотвѣтствуютъ ассоціаціямъ взаимной помощи, которыя въ наше время составились въ большомъ количествѣ на западѣ,

*) Revue Archéologique. Notice sur deux inscriptions de l'île de Théra. Inscriptions de l'île de Rhodes. Notice sur un fragment de stèle trouvé à Athènes par Wescher, и т. д.

преимущественно въ Англіи. Отечествомъ ихъ въ древнемъ мірѣ были Аѳины, гдѣ они существовали исключительно какъ экономическія общества (*ἔρανος*) съ очень давнихъ временъ, и эта столица античнаго образованія въ послѣдствіи сдѣлалась ихъ центромъ. Управляясь особеными уставами постановленными на собраніяхъ, они выбирали членовъ, которые вели дѣла и распорядились общою казною. Последняя составлялась изъ опредѣленныхъ взносов, добровольныхъ приношеній и суммъ оставленныхъ завѣщаніемъ. На организацію ассоціаціи нужно было разрѣшеніе властей; но разъ дозволивъ, они больше не вмешивались въ управленіе и внутреннія дѣла ея: она дѣлалась гражданскимъ лицомъ, получала право наследовать, вести процессы и т. д. Цѣль ихъ была взаимная помощь сотоварищей въ случаѣ несчастія, нужды, болѣзни, пособіе въ упражненіи какиимъ либо ремесломъ, искусствомъ, въ торговомъ предпріятіи и т. д., но также обезпеченія каждому члену послѣ смерти приличныхъ похоронъ и гробницы.

Какъ духовныя братства, эти общества были конгрегаціи, посвященныя въ таинства какого нибудь поклоненія или исповѣдующія особенное вѣрованіе (*θῆσος*). Они появились сперва на востокѣ, въ Египтѣ, Сиріи, Малой Азійи, и сохранили отпечатокъ восточнаго мистицизма. Первоначально союзы религіозныя имѣли исключительно духовный характеръ. Но распространяясь въ Греціи, приняли организацію и устройство экономическихъ товариществъ, а эти послѣднія съ своей стороны получили религіозный оттѣнокъ, поручивъ себя покровительству какого нибудь божества. Побѣды Александра Македонскаго, сблизивъ востокъ съ Греціей, не мало способствовали этому преобразованію. При преемникахъ его, раздѣлившихъ основанную имъ монархію, значительно увеличилось число обществъ. Съ этихъ поръ также различіе между ними пропадаетъ, и они въ одно и тоже время дѣлаются религіозными и экономическими, называясь то *θῆσος*, то *ἔρανος* на эпиграфическихъ памятникахъ. Чтобы отличиться другъ отъ друга, они принимали имя особенно почитаемаго божества, подъ покровительствомъ котораго устраивали ассоціацію. Такъ, наприимѣръ въ одной надписи говорится о товариществѣ Тирскихъ Иракленстовъ (т. е. поклонниковъ Геркулеса) купцовъ и судохозяевъ. Охлажденіе къ языческимъ поклоненіямъ было главною причиною значительнаго распространенія братскихъ союзовъ, которыя болѣе, чѣмъ холодныя официальные вѣрованія, удовлетворяли влеченію людей искавшихъ новыхъ общественныхъ соединеній, новой моральной опоры и религіозной силы.

Вотъ нѣкоторыя подробности ихъ организаціи, возстановленныя по сохранившимся надписямъ. Они были свободными ассоціаціями и имѣли нѣсколько мистическій характеръ, но главною цѣлью братское дружелюбие и взаимную помощь; власти, избранныя на извѣстное время общей подачей голосовъ или назначенныя по жребію, управляли ими; казна ихъ составлялась изъ опредѣленныхъ взносовъ, обязательныхъ для каждаго члена, и изъ добровольныхъ приношеній. Круговая порука лежала въ основаніи ихъ экономическаго устройства; члены поддерживали другъ друга въ нуждѣ и несчастіи такимъ образомъ, что иногда богатый платилъ, тогда какъ бѣдный получалъ; притомъ бѣдность вовсе не была достаточной причиною для исключенія изъ ассоціаціи. Члена неплатящаго установленный взносъ исключали только въ томъ случаѣ, если онъ не могъ доказать, что дѣлалъ это въ слѣдствіе болѣзни или несостоятельности. Испытывали ли кто нибудь изъ братства неудачи или несчастія въ своихъ дѣлахъ, онъ имѣлъ право на вспоможеніе изъ общей казны съ условіемъ возвратить заемъ, когда дѣла его поправились. Всего замѣчательнѣе тотъ фактъ, что женщины могли быть приняты въ эти союзы и избирали своихъ представительницъ или начальницъ. Правила требовали отъ вступающаго честность, набожность, добросердечіе. Въ опредѣленные дни члены сходились для разсужденія о дѣлахъ, для правдоуказанія годовщины составленія общества и другихъ замѣчательныхъ событій происшедшихъ въ его средѣ, причемъ совершались братскія пиршества, на которыхъ царствовало равенство и согласіе. Постановленія дѣлаемыя въ эти дни писались на мраморныхъ или бронзовыхъ плитахъ или полустолбахъ, которые потомъ ставили въ святилищѣ храма, гдѣ поклонялись божеству-покровителю. Это были такъ сказать архивы союза, и они открыли намъ существованіе ассоціацій въ древнемъ мірѣ. Собранія происходили въ садахъ окруженныхъ пертиками, но серединѣ находился алтарь для жертвоприношеній. Религіозныя обряды исполняемые при этомъ имѣли характеръ суевѣрій восточныхъ вѣрованій, но за то экономическое и социальное устройство обществъ заключало много человѣколюбивыхъ принциповъ и носило отпечатокъ развитыхъ идей древней Греціи. Если притомъ принять во вниманіе, что они составлялись изъ соединенія людей богатыхъ и немущихъ, для улучшенія моральнаго и матеріальнаго состоянія членовъ, принимая въ среду свою женщинъ на равныхъ правахъ съ мужчинами, и что все это происходило раньше появленія христіанства, то—нельзя не сознаться—фактъ этотъ очень замѣ-

чательнѣ и можетъ служить точкой опоры для опредѣленія степени нравственнаго развитія общества міра античнаго. Многочисленны были ассоціаціи въ Греціи, въ Архипелагѣ и на востокѣ по берегамъ Средиземнаго моря. На островѣ Родосѣ вѣстѣ съ сосѣдними небольшими островами можно возстановить по уцѣлѣвшимъ надписямъ существованіе девятнадцати подобныхъ союзовъ.

VIII.

Въ Римѣ и Италіи ассоціаціи экономическія и религіозныя братства (*collegium, sodalitium*) существовали съ давнихъ поръ, особенно вторые, и размножились въ послѣдніе вѣка республики; *) но если въ Греціи онѣ не казались опасными и могли безпрепятственно организоваться, то въ Римѣ произошло совершенно противоположное. Тамъ союзы, составлявшіеся помимо ассоціацій государственныхъ, внѣ семейства и сословія, по большей части изъ людей бѣдныхъ принадлежащихъ къ массѣ народа, не могли внушать большаго довѣрія патриціямъ, представителямъ власти, которую они съ таинкимъ упорствомъ и такъ ревниво сохраняли въ своихъ рукахъ. Плебеи Рима и люди изъ низшаго класса охотно вступали въ товарищества взаимной помощи, особенно если они имѣли религіозный характеръ; но правительство республики не было къ нимъ благосклонно, оно постоянно старалось уничтожить или стѣснить дѣятельность тѣхъ обществъ, которыя находило въ завоеванныхъ странахъ востока, и въ тоже время полагало препятствія образованію ихъ въ Римѣ, въ Италіи, вообще на западѣ.

По римскому праву простое собраніе, если оно не имѣло шумнаго и бунтующаго характера и если не происходило ночью, не было запрещено никакимъ закономъ. Даже и обыкновенныя ассоціаціи были дозволены, но они не могли безъ особеннаго разрѣшенія сената и вполнѣдствіи им-

*) De Collegiis et Sodalitiis Romanorum. Accedit Inscriptio Lanuvina. Th. Mommsen. Kiliae. 1843.

ператора сдѣлаться гражданскимъ лицомъ, т. е. коллегіей призванной (collegium) владѣть собственностію, рабами, освобождать ихъ, наследовать, вести тяжбы, имѣть казну, выбирать казначея, старшину и довѣренныхъ для сношеній съ властями и съ частными людьми, точно также не могло существовать само по себѣ, независимо отъ членовъ основателей, и отъ переимѣнъ происходившихъ въ составѣ ихъ. Не всѣ эти права имѣли товарищества въ провинціяхъ. Разрѣшеніе властей было потому необходимо для существованія общества, и напрасно было бы приступать къ составленію его не испросивъ на это дозволенія у кого слѣдовало. Давая его, правительство дѣлало различныя ограниченія иногда очень стѣснительныя. Тамъ напримѣръ, оно опредѣляло число членовъ, которое нельзя было переступать, разрѣшало собранія ихъ только черезъ дальніе сроки, лишало права имѣть казну и т. д. Строгія наказанія угрожали нарушителю этихъ постановленій. Можно предположить, что они не всегда исполнялись, особенно что касается товариществъ религіозныхъ по преимуществу, которыхъ власти республики допускали съ большою легкостію, чѣмъ экономическія ассоціаціи. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что братства, почитавшія какое нибудь божество, всего чаще восточное, снова появлялись въ Римѣ скоро послѣ ихъ запрещенія. Этому, вѣроятно, не мало способствовалъ постоянный наплывъ къ столицѣ міра жителей изъ покоренныхъ странъ Востока.

Особенно въ послѣднее столѣтіе республики коллегіи экономическія сдѣлались предметомъ безякобствъ для правительства, и оно начинаетъ принимать противъ нихъ рѣшительныя мѣры; прежде они пользовались относительно большою свободою. Увеличеніе строгости было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что много новыхъ обществъ приняли въ это время политическій характеръ и сдѣлались центрами демагогической агитаціи. Въ 684-мъ г. отъ основанія Рима сенатское постановленіе уничтожало collegia, исключая тѣхъ, которыя существовали съ давнихъ поръ законнымъ образомъ, и запретило составленіе новыхъ безъ дозволенія. Свобода ассоціаціи была снова восстановлена десять лѣтъ спустя, но на короткое время, трибуномъ Клодіемъ, который желалъ угодить народу и неалъ его расположенія.

Императоры Рима, сосредоточивъ власть въ своихъ рукахъ, были склонны во всякаго рода ассоціаціи гражданъ видѣть что то угрожающее; коллегіи должны были казаться имъ еще опаснѣе, чѣмъ правительству республики; не удивительно потому, что они никогда не упустили

ихъ изъ вида и постоянно были имъ враждебны. Одной изъ главныхъ заботъ Цезаря диктатора было уничтоженіе обществъ, уже существовавшихъ, и запрещеніе организовать новыя; а такъ какъ во время войнъ, слѣдовавшихъ за его смертію, они снова появились, то Августъ подтвердилъ и вновь привелъ въ дѣйствіе это постановленіе; у правителей провинцій было отнято право разрѣшать устройство коллегій, а военачальникамъ запрещено позволять союзы солдатъ въ лагеряхъ. Ассоціаціи, составившіяся безъ разрѣшенія императора, не только были уничтожаемы, но и члены ихъ преслѣдуемы какъ за оскорбленіе величества и какъ враги общественные. Строгому наказанію подвергались и тѣ, которые подъ религіознымъ предлогомъ составили собраніе принявшее экономическій характеръ. Положительная бѣдность и незначительность, можно даже сказать ничтожность, требовалась отъ людей получившихъ право сдѣлать религіозное собраніе, но и при этихъ условіяхъ оно было допускаемо съ большими ограниченіями.

Что же касается обществъ экономическихъ, то правительство, какъ видно по надписямъ, охотнѣе разрѣшало составленіе ихъ ремесленникамъ изготовлявшимъ предметы первой необходимости и общей пользы, чѣмъ людямъ занимавшимся торговлей или производствомъ предметовъ роскоши. Иногда помощь оказываемая ими бѣднымъ казалась опасною, такъ напримѣръ императоръ Клавдій повелѣлъ закрыть тѣ трактиры, мѣста собраній членовъ коллегій, гдѣ немужские люди могли получать по дешевымъ цѣнамъ вареное мясо и теплую воду. Въ столько же жестокое, сколько и беспорядочное царствованіе Каллигулы ассоціаціи были снова дозволены, но свобода ихъ продолжалась короткое время. Даже Траянъ, котораго считаютъ однимъ изъ самыхъ человеколюбивыхъ и либеральныхъ императоровъ Рима, постоянно отказывалъ въ позволеніи составлять коллегіи и смотрѣлъ съ недовѣріемъ на всякаго рода ассоціаціи (*collegia, sodalitates*). По его повелѣнію Плиній Младшій, будучи проконсуломъ въ Вѣннѣ, запретилъ ихъ. Вотъ по какому случаю выразилъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ Траянъ. Большой пожаръ истребилъ множество зданій частныхъ и общественныхъ въ городѣ Накмедіи. Плиній, который тогда управлялъ Вѣнней, обратился къ императору, прося его разрѣшить составленіе товарищества изъ ста пятидесяти ремесленниковъ-плотниковъ (*collegium fabrorum*) готовыхъ принять на себя обязанность тушить пожары. Траянъ отказалъ въ этой просьбѣ; „не слѣдуетъ забывать, говоритъ онъ въ письмѣ къ своему проконсулу, что

эти общества почти всегда производят беспорядки; какъ бы мы ихъ ни называли, подъ какимъ бы предлогомъ они ни собирались, какое бы короткое время ни происходили эти собранія, есть постоянная опасность въ ихъ существованіи.“ Но вѣроятно были и при императорахъ времена болѣе благопріятныя для ассоціацій, когда ихъ запрещали съ меньшею послѣдовательностію, чѣмъ въ царствованіе Траяна. Притомъ стремленіе бѣдныхъ разрозненныхъ людей соединиться для достиженія большей силы, большаго значенія, слишкомъ естественно и сильно, чтобы оставаться передъ препятствіями. Общества устраивались во множествѣ въ Римѣ и провинціяхъ, не взирая на оппозицію правительства, вѣроятно даже и помимо его. Они были многочисленны особенно во второй половинѣ втораго и въ третьемъ столѣтіи. Надо предположить, что нѣкоторые императоры этого времени, подобно Александру Северу, разрѣшали составленіе ихъ съ большою легкостію. По эпиграфическимъ памятникамъ, которые были открыты въ въ самомъ Римѣ, въ Остіи, въ Моденѣ, Миланѣ, Бомо, Веронѣ, Ліонѣ, Арлѣ, Дижонѣ, Бельгѣ, Майнцѣ и другихъ городахъ, принадлежавшихъ Римлянамъ, можно возстановить существованіе во времена республики равно какъ и имперіи коллегіи *) лодочниковъ, рыбаковъ, столяровъ, булочниковъ, продавцевъ соли, скота, вина, хлѣба въ зернѣ, башмачниковъ, слесарей, переписчиковъ, банкировъ, медиковъ, мимовъ, атлетовъ, гладіаторовъ, актеровъ, вучеровъ цирка, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и т. д. **) Можно сказать, что почти всѣ ремесла и роды торговли извѣстные въ древномъ мірѣ названы въ надписяхъ экономическихъ ассоціацій, поручавшихъ себя покровительству каковаго нибудь божества, какъ напримѣръ Юпитеру, Сатурну, Меркурію, Венерѣ, Минервѣ и пр., именуясь ихъ поклонниками или обожателями.

Общества составлялись также изъ членовъ различнаго ремесла и занятій, или изъ людей одной націи живущихъ далеко отъ отечества, часто изъ обитателей одного и того же квартала, поручавшихъ себя покровительству божества, около храма котораго находились ихъ жилища. Желаніе найти компанію, составить дружескія связи было вѣроятно одной изъ главныхъ цѣлей образованія этихъ союзовъ. Не всѣ онѣ, разумѣется, были обществами взаимной помощи, но нельзя отвергать, что существо-

*) Въ своихъ надписяхъ они часто упоминаютъ, что дозволены властими.

**) *Essai sur Marc-Aurèle d'après les monuments épigraphiques* par Mr. Noël des Vergers: Paris. Firmin Didot frères 1860.

вали ассоціаціи подобнаго рода въ Римѣ античномъ, хотя тамъ они не имѣли того благотворительнаго и развитаго характера, которымъ отличались въ Греціи и ея колоніяхъ.

IX.

Исключая экономической и религіозной цѣли, большая часть коллегій обязывалась доставить каждому умирающему члену приличную гробницу и похоронить его съ должными обрядами. Но были также ассоціаціи, составившіяся исключительно для этого послѣдняго назначенія (*collegia funeraticia*), они всего чаще позволялись правительствомъ, и какъ видно по эпитафическимъ памятникамъ, существовали въ большомъ количествѣ.

Право на гробницу, признаваемое за умершимъ, уваженіе къ его праху и забота каждаго о приготовленіи себѣ мѣста покоя послѣ смерти, преобладавшія въ мірѣ античномъ, объясняютъ многочисленность обществъ погребенія и свободу, которой они пользовались, тогда какъ экономическія товарищества развѣшались съ большею трудностію. Не безъ основанія можно предположить, *) что многія изъ религіозныхъ конгрегацій, слѣды которыхъ часто встрѣчаются въ надписяхъ, были въ тоже самое время погребальными коллегіями. Они состояли преимущественно изъ бѣдняковъ, рабовъ, отпущенниковъ.

Богатый человекъ въ Римѣ языческомъ умиралъ съ увѣренностію, что будетъ кому позаботиться о его прахѣ, но пролетарій не оставлявшій послѣ себя никакого имущества, кончая жизнь, не могъ быть такъ покоенъ относительно участи его тѣла: оно могло или пропасть въ общихъ ямахъ (*puticuli*), или сгорѣть безъ всякихъ церемоній на общественныхъ кострахъ (*ustrinae publicae*). Чтобы отвратить подобное, по мнѣнію древнихъ, большое несчастье, бѣдные люди составляли союзы,

*) De Collegiis et Sodalicis Romanorum. Accedit Inscriptio Lanuvina. Th. Мем-мюен. Килие 1843.

дѣлали между собой складчины, вносили ежемѣсячно известную плату до своей кончины, и обязывались взаимно совершать надъ умершими товарищами должные обряды и доставить имъ приличное мѣсто покая. Такимъ образомъ бѣднякъ былъ утѣшенъ мыслью, что тѣло его сожгутъ на отдѣльномъ кострѣ въ присутствіи членовъ общества, что оставшіяся пепель, заботливо собранный, положить въ урну, которую помѣстятъ въ нишѣ колумбарія, и подъ нею напишутъ его имя; а память его будетъ почтена приличнымъ образомъ братскимъ пиршествомъ. Особенно рабы должны были страшиться, что послѣ смерти съ ихъ прахомъ поступать такъ же безцеремонно, какъ съ особами ихъ обращались при жизни. *) Потому то они составляли большинство въ коллегіяхъ погребенія и лишали себя самаго необходимаго, жертвуя послѣднимъ, чтобы сдѣлаться ихъ членами.

Союзы подобнаго рода не могли казаться опасными правительству, и въ законахъ, запрещавшихъ ассоціаціи, было исключеніе въ пользу бѣдныхъ людей Рима (*tenues*), которымъ дозволялось составлять общества погребенія, имѣть казну и дѣлать собранія. Известныя ограниченія стѣсняли ихъ до нѣкоторой степени: они обязывались заниматься только погребеніемъ умершихъ членовъ, ни подъ какимъ предлогомъ не переступать предѣлы своихъ правъ, и не собираться чаще одного раза въ мѣсяць. Это право было распространено императоромъ Септиміемъ Северомъ на провинціи. Погребальныя коллегіи около этого времени свободно размножились подъ разными именами. Вѣроятно онѣ могли составляться не испрашивая на это позволенія властей. Въ концѣ втораго столѣтія и въ третьемъ ихъ такъ было много, что имъ стали давать названіе коллегій (*collegium*) безъ другаго прибавленія или объясненія.

Изъ дошедшихъ до насъ надписей погребальныхъ обществъ самая интересная своими подробностями та, которая заключаетъ уставъ коллегіи, основанной въ 133 г. по Р. Х. въ городѣ *Lanuvium* близъ Рима подъ покровительствомъ Діаны и Антиной. **) Въ ней очень подробно объяснены цѣль и управленіе общества состоявшаго преимущественно

* Въ одной надписи рабъ говоритъ что сдѣлалъ себѣ гробницу на свои экономіи, „*frugalitate mea feci*“. Въ другой открытой на югѣ Италіи сказано, что трое друзей умершаго, рабы какъ и онъ, соединились для сооруженія ему гробницы.

**) Этотъ замѣчательный эпиграфическій памятникъ былъ открытъ въ 1816 году въ развалинахъ термъ города *Lanuvium*, теперь *Civita di Livignu*.

изъ рабовъ. *) Въ началѣ цитироване сенатское постановленіе позволявшее составленіе collegia funeraticia. Поступавшій обязывался внести въ казну сто сестерцій (на наши деньги приблизительно 4 руб. 50 к. с.) и угостить членовъ амфорой хереспаго вина; потомъ до самой смерти платить ежемѣсячно 5 асовъ (въ это время равнялся 1 съ $\frac{1}{4}$ к. среб.). Общество это, которое какъ видно было очень бѣдно, не владѣло погребальнымъ монументомъ, но каждому умершему товарищу дѣлало похороны въ 300 сестерцій, изъ которыхъ 50 раздавались присутствующимъ членамъ. На похороны умиравшимъ внѣ Lavinium, но не дальше двадцати миль отъ города, посылали трехъ представителей collegii, которые получали за это 20 сестерцій. Если жестокосердый хозяинъ отказывалъ отдать тѣло своего умершаго раба, то похороны дѣлали его изображенію. Самеубійцы теряли право на погребеніе, равно какъ и неисправно платящіе члены. Освобожденный рабъ долженъ былъ угостить общество амфорой вина, а глава или старшина при его избраніи обязанъ былъ дать ужинъ. Въ опредѣленные дни происходили жертвоприношенія богамъ. Кромя возліанія вина и обѣдовъ (которые можно назвать поминками) при похоронахъ умершихъ членовъ, въ дни рожденія ихъ и т. д. общество дѣлало шесть торжественныхъ (разумѣется относительно) банкетовъ въ честь Діаны и Антиноя и для прославленія своего покровителя. **) На эти пиры каждый членъ долженъ былъ приносить свои съѣстные припасы, и одинъ изъ нихъ поочередно приготавливалъ всѣ необходимыя принадлежности обѣда какъ-то, посуду, хлѣбъ и вино, раздѣляемое между товарищами, теплую воду, постели для возлежаній у стола, иногда и одежду для пирующихъ и т. д.

*) Они могли вступать въ collegii только съ разрѣшенія ихъ владѣтелей, но ихъ низкое состояніе не было препятствіемъ избранія ея директора и назначен.

**) Почти у всякой collegii былъ покровитель, обыкновенно значительное или важное лице, иногда просто богатый человѣкъ, сдѣлавшій какой нибудь подарокъ обществу, за что оно въ видѣ благодарности избрало его своимъ протекторомъ. Въ одной надписи сказано, что нѣкто *Furius Lollianus* оставилъ обществу капиталъ отъ суммъ назначенной имъ для своихъ похоронъ, чтобы на проценты этихъ денегъ ежегодно въ день его рожденія столько то было употреблено на жертвоприношеніе, столько то на извѣстныя надгробныя церемоніи и столько то на поупку для этого рѣзь. Другая свидѣтельствуетъ о пожертвованіи сдѣланномъ обществу *L. Domitius Rhodion* извѣстныхъ земель съ условіемъ, что на доходы ихъ, ежегодно въ день рожденія императора Домиціана и жены его Домиціи, было сдѣлано жертвоприношеніе богамъ и вслѣдъ за нимъ обѣдъ членамъ.

Если кто либо хотѣлъ принести жалобу или выразить свое неудовольствие на управленіе, то долженъ былъ дѣлать это на обыкновенномъ, а не на праздничномъ собраніи, «дабы мы», какъ сказано въ уставѣ общества полонниговъ Дианы и Антиноя, «во время пиршествъ нашихъ были веселы и покойны»; за нарушение этихъ правилъ, за обиду нанесенную товарищу или за непрямичное или безпокойное поведеніе на банкетѣ были положены штрафы въ 4, 12 и 20 сестерцій. Въ заключеніе каждый желающій вступить въ общество обязанъ былъ предварительно ознакомиться съ его уставомъ, чтобы не роптать потомъ и не жаловаться. *) Сколько видно изъ этого устава, беззаботная веселость преобладала на банкетахъ и праздникахъ коллегій, и было что то живое въ ея собраніяхъ, противорѣчащее похоронному ихъ назначенію. Можно даже подумать, что для этихъ бездомныхъ людей забота погребенія была только предлогомъ для полученія права собираться, братски проводить вѣсть и связывать узы дружескихъ сношеній. Исключенные по своему рожденію и состоянію изъ ассоціацій государственныхъ правльныхъ и практическимъ, но строгимъ и холоднымъ строемъ римскихъ гражданскихъ учрежденій, разединенные между собой, лишенные часто въ слѣдствіе крайней бѣдности или рабства отрадъ и утѣшеній семейной жизни, эти бѣдняки находили въ погребальныхъ товариществахъ нѣкоторое довольство, мгновенную независимость, своего рода родственныя связи, или по крайней мѣрѣ компанію такихъ же пролетаріевъ, какъ они, и забывали свое бездомное положеніе во время банкетовъ, веселость которыхъ не позволялось нарушать жалобами и неприятностями. Дружескія отношенія ихъ рождались въ слѣдствіе равно тягостной доли, но ихъ сближали также и взаимное обѣщаніе провожать тѣло умершаго до костра и вспоминать его въ извѣстные дни. Не удивительно потому, что бѣдный народъ такъ охотно составлялъ погребальныя братства, и что ихъ было такъ много во всѣхъ концахъ имперіи.

*) Въ надписи нѣсколько комическаго содержанія, найденной въ Давин и сдѣланной въ 167 г. по Р. Х., одинъ изъ президентовъ (magistri) коллегіи, рабъ жалуетса, что число членовъ отъ пятидесяти четырехъ уменьшилось до семнадцати, никто болѣе не платитъ и не приходитъ на собранія, говоритъ онъ, онъ сдалъ счета и предуведомляетъ бывшихъ членовъ, чтобы въ случай смерти они не воображали себѣ, что товарищество существуетъ и не разчитывали болѣе на безвозвратное погребеніе. Въ другомъ эпитафическомъ памятникѣ объясняется покупка обществомъ земли съ дѣланіемъ устроить мѣсто погребенія для членовъ, для ихъ женъ, дѣтей и т. д.

Коллегіи погребальныя, равно какъ и экономическія, если онѣ не были очень бѣдны, имѣли свое мѣсто сходога, алтарь для жертвоприношеній божеству покровителю, залу (triclinium) и особенное зданіе для собраній, которыя служили также мѣстомъ отдыха и бесѣды членовъ и назывались *schola collegii, ehedra*; эти послѣднія были иногда покрыты, иногда безъ свода и часто имѣли форму полукружія; развалины ихъ до прошлаго столѣтія видны были въ Римѣ. Тутъ же находилась и общая гробница, если коллегія не ограничивалась однимъ погребеніемъ умершихъ, но и устроивала кладбище въ землѣ купленной ею, или подаренной ей богатымъ благодѣтелемъ, *) обыкновенно съ условіемъ исполнять различныя религіозныя обряды надъ его гробницей въ положенные дни. Внутреннее управленіе погребальныхъ обществъ было копей въ миниатюрѣ муниципальнаго устройства и республиканскихъ учрежденій древняго Рима. Члены избирали ежегодно двухъ старшинъ (*magistri*), какъ консуловъ въ республикѣ, и другихъ второстепенныхъ распорядителей. Эти власти составляли высшій классъ союза (*ordo*), подобно курии въ муниципіи или сената въ Римѣ; они пользовались нѣкоторыми привилегіями, занимали почетныя мѣста на банкетахъ, получали лучшія порціи и больше другихъ при раздачѣ денегъ. Остальная часть членовъ называлась *plebs* и все общество взятое вмѣстѣ *populus* или *respublica*. **)

Иногда бѣдные люди соединялись только для постройки колумбарія. По надписямъ можно прослѣдить ***) , какъ составлялись и вели свои дѣла подобныя ассоціаціи.

Когда правительство разрѣшало составленіе общества, члены его, съ тою склонностію къ порядку и правильности постоянно отличавшей Римлянъ, дѣлились на декуріи (*decuria*), и каждая изъ нихъ выбирала своего декуріона (*decurio*); они разумеется не были знатные люди, и

*) Въ 1864 изъ году была открыта въ окрестностяхъ Рима, возлѣ дороги *Nonentana*, надпись приблизительно третьяго столѣтія; въ ней сказано, что нѣкто *Nedulejus Januarius* купилъ землю съ цѣлію построить зданіе для собраній товарищества *Serrensius* (*Schola sodalium Serrensius*), названнаго такъ вѣроятно по мѣстечку *Serrense*. Вмѣстѣ съ этимъ эпитафическимъ памятникомъ были найдены двѣ вазы для измѣренія жидкости, принадлежавшія этому же братству.

**) Подобное же управленіе имѣли и экономическія ассоціаціи, о которыхъ было говорено выше.

***) *Monumenti ed Annali pubblicati dall' Instituto di Corrispondenza Archeologica nel 1856 sui colombarii di Vigna Codini. Henzen.*

между ними не рѣдко встрѣчаешь каменщиковъ, цирюльниковъ и другихъ ремесленниковъ. За тѣмъ всѣ декуріи принимали участіе въ избраніи казначея (quaestor) и одного или нѣсколькихъ старшинъ (magistri, curatores); эти послѣдніе должны были вести дѣла коллегии, распоряжаться постройкой колумбарія и заботиться потомъ о его сохраненіи и содержаніи въ приличномъ видѣ. Подобно муниципальнымъ властямъ, которые платили щедростями городу за свое избраніе, старшины общества и декуріоны благодарили за честь сдѣланную имъ, украшая входъ и внутренность колумбарія, предпринимая на свой счетъ различныя работы для поддержки и сбереженія его, угощая членовъ и т. д. Особенно отпущенники отличаются своимъ великолѣпіемъ и первенствуютъ среди этого бѣднаго народа; ихъ обыкновенно выбираютъ въ декуріоны, старшины, и такъ какъ они побогаче другихъ, то дѣлаютъ различныя подарки коллегіи, за что она благодаритъ ихъ въ надписяхъ, превознося ихъ великодушіе. Колумбаріи (colombaria) строили на общія деньги старшины и окончивъ работы созывали членовъ, чтобы получить ихъ одобреніе. Если они были довольны своейгробницей, то принимали ее и посвящали назначенію, при чемъ происходили банкеты. За тѣмъ по жребію распредѣляли мѣста, и каждый членъ писалъ свое имя подъ нишей, указанной ему судьбой, въ которой со временемъ должна была помѣститься урна съ его послѣдними остатками. Смотра по суммѣ, вносимой членомъ для постройки колумбарія, ему опредѣлялось известное число нишъ, дѣлавшихся его собственностію: онъ могъ сохранить ихъ для своего семейства, подарить или продать ихъ. Женщины были приняты въ эти ассоціаціи, даже иногда избираемы въ декуріоны.

X.

Образованіе многочисленныхъ союзовъ подобнаго рода, разрѣшаемыхъ правительствомъ съ большою легкостію, на составленіе которыхъ иногда и не требовалось дозволенія, было какъ нельзя болѣе удобно хрестіа-

намъ. Вѣроятно они не замедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы приобрести безопасность катакомбъ и придать законную форму своимъ собраниямъ, организуя коллегіи и принимая видъ обществъ погребеній. Это можно заключить изъ открытій, произведенныхъ въ послѣднее время G. B. de Rossi.

Что у христіанъ въ Римѣ и въ другихъ городахъ имперіи были уже въ концѣ втораго столѣтія мѣста погребенія и собранія принадлежащія всей общинѣ, въ этомъ нельзя сомнѣваться; памятники, надписи и творенія христіанскихъ писателей подтверждаютъ этотъ фактъ. Точно также и императоры въ серединѣ третьяго вѣка говорятъ въ эдиктахъ о катакомбахъ, какъ о кладбищахъ христіанъ, существующихъ съ давняго времени и извѣстныхъ правительству, пользованіе которыми было иногда дозволено имъ, иногда запрещено. *) Невольно слѣдовательно рождается вопросъ, въ силу какаго закона, какою привилегіи могли существовать катакомбы какъ мѣста погребенія цѣлаго общества (*collegium*) законнаго только при извѣстныхъ условіяхъ. **) Если частные люди и объявляли себя владѣтелями ихъ передъ властями, то подобное оправданіе могло быть достаточно въ первомъ столѣтіи, пожалуй и во все второе, но въ началѣ третьяго, когда община значительно увеличилась, едва ли стало возможно таять далѣе настоящій характеръ и назначеніе катакомбъ. Предположивъ, что христіане искусно скрывали послѣднія, покажется невѣроятнымъ, что власти ничего не знали объ этомъ до середины третьяго столѣтія, когда въ первый разъ появляются эдикты конфискаціи подземныхъ кладбищъ и запрещеніе собираться въ нихъ. Сходиться и хоронить въ катакомбахъ и въ то же время совершенно скрыть ихъ отъ язычниковъ и правительства, особенно въ тѣ періоды, когда онѣ начали разрастаться и дѣлались съ каждымъ годомъ все обширнѣе и обширнѣе, исполнѣ невозможно. Притомъ по расположенію и формамъ катакомбъ какъ нельзя яснѣ видно, что христіане вовсе не усиливались достигнуть этого. Вообще они были болѣе осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ чѣмъ таинственны, они старались не обращать на себя внима-

*) Тертуліанъ свидѣтельствуетъ о раззореніи въ первыхъ годахъ третьяго столѣтія народовъ въ Карагогѣ христіанскихъ кладбищъ, изъ чего видно, что ихъ тамъ было нѣсколько. Невозможно потому, чтобы община христіанъ въ Римѣ столь многочисленная не имѣла бы въ это время своего большого кладбища.

**) Очень мало могло помогать въ этомъ случаѣ терпимость и даже покровительство нѣкоторыхъ императоровъ, сифидеимыхъ на престолѣ гонителями христіанъ.

нія язычниковъ, не возбуждать ихъ подозрѣнія и любопытства, чтобы люди чуждые имъ или враждебные не слѣдили за ними; но не думали утаивать существованіе своихъ кладбищъ. Послѣ того какъ начались преслѣдованія въ подземельяхъ, христіане заваливали входы ихъ, иногда и ближайшія къ нимъ галереи; тутъ они въ самомъ дѣлѣ производили различныя работы, чтобы скрыть, на сколько это было возможно, гробницы и мѣста собраній; но не видно, что подобныя предосторожности были приняты ими раньше середины третьяго столѣтія. Такъ было въ Римѣ; но тамъ, гдѣ почва не позволяла выкапывать катакомбы, гдѣ гробницы находились на поверхности земли, существованіе ихъ было еще болѣе явно; можно потому объяснить странный фактъ, что христіане въ періодъ гоненій обладали катакомбами и дѣлали въ нихъ собранія, только тѣмъ, что все это происходило въ законной формѣ, которая не могла быть ни чѣмъ другимъ, какъ погребальной коллегіей. *)

Нельзя въ самомъ дѣлѣ представить себѣ учрежденія болѣе удобнаго, болѣе благоприятнаго христіанамъ, какъ эти погребальныя коллегии. Подъ видомъ ихъ они могли владѣть ипогеями, зданіями, землями и получали право собираться для совершенія религіозныхъ обрядовъ, молитвъ, проповѣдей, почтенія праха мучениковъ, и для братскихъ трапезъ, про которыя Плиній писалъ Траяну, что они имѣютъ совершенно безобидный, невинный характеръ.

Позволеніе организовать *collegia funeraticia*, которое вѣроятно почти всегда нужно было испросить у правительства и влекло за собою внимательства гражданскихъ или религіозныхъ властей и считалось мѣрой сохраненія общественнаго порядка. Большое число погребальныхъ

*) Слѣдуетъ замѣтить, что число ихъ особенно увеличилось въ Римѣ въ концѣ 2-го столѣтія, т. е. въ то самое время, когда ипогеи должны были превратиться въ кладбища общественныя; можно даже предположить, что это умноженіе погребальныхъ ассоціацій и было произведено христіанами. Въ это же время появляется первый дошедшій до насъ прикѣръ распоряженія властимаи церкви катакомбами Рима, именно назначеніе наной Зеэриномъ Каллиста управителемъ подземнаго кладбища, которое теперь носитъ его имя; а такъ какъ въ первые годы управленія этого папы былъ обнародованъ эдиктъ Септімія Севера, которымъ онъ утверждалъ привилегіи *collegia funeraticia*, и распространялъ на провинціи право вѣдомымъ людямъ (*testiugos*) составлять ихъ, то нельзя не придти къ заключенію, что должна существовать нѣкоторая связь между эдиктомъ Септімія Севера и одновременнымъ съ нимъ появленіемъ христіанскихъ мѣстъ погребенія, несомнѣнно принадлежавшихъ всей общинѣ и управляемыхъ главами ея.

обществъ въ Римѣ во второмъ столѣтіи приучало смотрѣть безъ удивленія на гробницы различныхъ корпорацій. Collegia христіанскія попадали въ массѣ языческихъ, и вѣроятно не обращали на себя вниманіе правительства даже и въ томъ случаѣ, если христіане иногда дѣлали собранія и хоронили умершихъ, не составивъ предварительно товарищество по всѣмъ установленнымъ правиламъ. Законы касающіеся союзовъ этого рода приводились въ дѣйствіе въ Римѣ очень либерально, и безъ сомнѣнія давали мѣсто существованію христіанскимъ братствамъ. Они не должны были во многомъ отличаться отъ языческихъ коллегій для не посвященныхъ въ таинства ихъ внутренней жизни. Исключая жертвоприношеній христіане совершали на гробницахъ своихъ умершихъ тѣ же обряды какъ и язычники, или по крайней мѣрѣ очень приближающіеся къ нимъ внѣшними формами. Подобно послѣднимъ, они собирались въ извѣстные дни и имѣли свою назву. Братскія благотворительныя трапезы христіанъ, агаре, имѣли характеръ пишествъ коллегій, при которыхъ общественная касса снабжала бѣдныхъ членовъ пищею и одеждою. *)

Обыкновеніе языческихъ союзовъ называть себя поклонниками (cultores) какаго нибудь бога или героя, Юпитера, Геркулеса (Iovis, Herculis), должно было затруднять христіанъ; потому что никакимъ образомъ нельзя предположить, что они согласились, хотя бы только передъ лицомъ римскихъ властей и для соблюденія одной формальности, называть себя чтителями языческаго божества, но это препятствіе или вѣрнѣе неудобство легко было обойти. Языческія братства иногда называли себя по мѣсту, гдѣ собирались и чтили память своего благодѣтеля или покровителя; точно также и христіанскія общества могли принять имя мѣстности, гдѣ находились ихъ катакомбы, и объявить себя чтителями памяти мученика или христіанина, давшего землю для устройства кладбища. Мы видѣли, что они давали имя первоначальнаго владѣтеля семей-

*) Во время послѣдняго гоненія христіанъ при императорѣ Діоклеціанѣ въ зданияхъ неостроенныхъ надъ катакомбами, гдѣ происходили собранія, были найдены золотыя и серебряныя чаши, сосуды и ланкы, большое количество обуви, мужского и женскаго платья, запасы вина, оливковаго масла, хлѣба въ зернѣ и т. д. Тертуліанъ въ такомъ смислѣ говоритъ о собраніяхъ христіанъ, происходившихъ подъ предѣлительствомъ избранныхъ или членовъ, и объ общей вазѣ ихъ, составленной изъ добровольныхъ періодическихъ взносовъ, употребленной на погребеніе бѣдныхъ, что нельзя не видѣть во всемъ этомъ слѣдовъ организаціи погребальной коллегіи.

наго иногда той группѣ галерей и комнатъ, которая впоследствии образовалась кругомъ его. Наконецъ христіане могли дать своей коллегіи названіе не имѣющее ничего языческаго; *) могли, однимъ словомъ, употребить въ этомъ случаѣ тѣ же приемы, тѣ же уловки, къ которымъ прибѣгали, когда, не желая обнаружить своего вѣрованія и подвергнуть оскверненію язычниковъ выраженіе своихъ догматовъ и идей, придумывали различные символическіе знаки и фигуры скрытаго значенія, понятныя только однимъ вѣрующимъ. **) Названіе впрочемъ не было существеннымъ вопросомъ въ этомъ дѣлѣ, и законъ, позволявшій бѣднымъ людямъ составлять общества погребенія, не требовалъ, чтобы они приняли то или другое названіе и объявили его.

*) Какъ напримѣръ въ родѣ слѣдующаго: *collegium convictorum qui una erulo vasesi volent*, т. е. коллегія сожителей имѣющихъ обмылованіе питаться одинъ разъ въ день, которое приняло одно языческое товарищество въ г. Фано, какъ видно по надписи.

**) Въ развалинахъ города Сасага въ Аерикѣ, вѣроятно со многими другими христіанскими памятниками нашли надпись, въ которой сказано, что живые *Evelrio*, называющій себя обомателемъ слова (*cultor verbi*), построилъ на свой счетъ зданіе для собраній погребальнаго назначенія (*cellam*) и отдалъ его съ землей (*agera*) для устройства иногда святому собранію (*Ecclesia sanctae*). Названіе *cultor verbi* очень напоминаетъ тѣ, которыми принимали не христіанскія коллегіи, какъ напримѣръ: *Cultores Jovis, Dianae, Herculis* и т. д., но разумеется не имѣетъ языческаго характера послѣднихъ. По мнѣнію *G. B. de Rossi* надпись эта христіанскаго происхожденія и была сдѣлана раньше Константина, около средины 3-го столѣтія, но она не оригиналь, — въ концѣ прибавлено, что *Ecclesia fratrum* т. е. собраніе братьевъ восстановила ее. Можетъ быть она была уничтожена во время гоненій 257-го или 304 г., но нельзя предположить, что при восстановленіи въ содержаніи ея были сдѣланы перемѣны. Приведенное выше названіе *Ecclesia fratrum* также часто употребляли братства посвященныя въ таинства покаянія кому нибудь божеству, и очень вѣроятно, многіе христіанскіе союзы давали себѣ это имя, потому что въ немъ не только нѣтъ ничего языческаго, но напротивъ, оно какъ нельзя лучше соответствуетъ чувству братскаго соединенія и согласія окумевляющаго христіанъ. Ихъ община въ эмигрантскихъ памятникахъ часто названа *ecclesia fratrum, uncti fratres* или просто *fratres* (братья). Названіе *Ecclesia fratrum* снова дано христіанамъ въ другой надписи, открытой въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и первая, но болѣе поздняго времени, — въ ней говорится о пристройкѣ сдѣланной въ гробницѣ въ память умершихъ и погребенныхъ тутъ.

XI.

Памятникъ, открытый въ послѣдніе годы G. V. de Rossi и находящійся возлѣ входа въ семейный ипогей катакомбъ Домитиллы, о которомъ уже говорено, подтверждаетъ все сказанное выше. Съ обѣихъ сторонъ выступающаго отъ срубанной отлогости холма преддверія показались при дальнѣйшихъ раскопкахъ зданія, сложенныя изъ туфа, совершенно на поверхности земли. Они—внѣшнее прибавленіе къ ипогею, имѣютъ однако другое назначеніе и состоятъ изъ слѣдующихъ частей: съ правой стороны къ преддверію примыкаютъ развалины нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ безъ гробницъ; въ послѣдней изъ нихъ, немного обширнѣе остальныхъ, находится колодець или водохранилище и чаша фонтана; въ стѣнѣ устроены большія ниши (подобныя тѣмъ, которыя видны въ развалинахъ римскихъ бань), чтобы ставить сосуды и вазы; вкругомъ вдоль стѣнъ идетъ возвышеніе формы ступеньки для сидѣнья. Можно подуматъ, что тутъ находишься въ углу какого нибудь небогатаго помпеевскаго дома. Съ лѣвой стороны пристроена большая зала, также безъ слѣда гробницъ, и съ такимъ-же сидѣньемъ въ видѣ ступеньки. Стѣны и своды этихъ комнатъ покрыты стукомъ и окрашены красной краской, по которой мѣстами проведены цвѣтныя полосы; кое-гдѣ видны остатки фресокъ въ классическомъ стилѣ, но плохого и небрежнаго исполненія. Большая зала находится въ сообщеніи съ двумя комнатами (cubicula), вырытыми въ холмѣ и назначенными для гробницъ.

Разсматривая формы, размѣры и расположеніе этихъ строеній и сравнивая ихъ съ другими памятниками подобнаго-же рода или съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ описаній о зданіяхъ принадлежавшихъ погребальнымъ коллегіямъ, нельзя не придти къ заключенію, что эта пристройка къ ипогею Domitilla ничто иное, какъ одна изъ тѣхъ scho'a sodalium, воздвигаемыхъ товариществами около своихъ кладбищъ для сходокъ и пиршествъ погребальнаго характера (funerum causa). Большая зала рассчитана на многочисленное собраніе и не похожа на комнаты, обыкновенно находящіяся возлѣ семейныхъ гробницъ для семейныхъ поминковъ; не далеко отъ нея находится водохранилище и видны несомнѣнные слѣды хозяйственнаго устройства необходимаго для банкетовъ коллегіи; въ отдаленномъ углу оставлено мѣсто для сторожившихъ

монументъ (*custodia monumenti*). По кладѣ зданія и по стилю живописи, сохранившейся мѣстами на стѣнахъ, видно, что оно было построено послѣ преддверія, къ которому примыкаетъ, но раньше Константина. Нельзя предположить, что эта *schola* принадлежала языческому товариществу, основанному тутъ, возлѣ христіанскаго подземелья, и совершавшему въ двухъ шагахъ отъ гробницъ и религіозныхъ изображеній другаго вѣрованія свои сходки и жертвоприношенія; это было бы въ прямомъ противорѣчій съ обычаями античнаго міра и съ отвращеніемъ, постоянно преобладавшимъ среди древнихъ народовъ хоронить своихъ родныхъ и друзей въ сосѣдствѣ съ могилами чужаго вѣрованія. Едва ли можно потому сомнѣваться, что семейный ипотей катакомбъ Домитиллы превратился до торжества церкви въ общественное кладбище христіанъ Рима, и что мы имѣемъ тутъ передъ глазами зданіе, гдѣ не разъ во второмъ и третьемъ столѣтіи происходили собранія и совершались братскія трапезы послѣдователей ученія Спасителя подъ видомъ погребальной коллегіи. *)

Открытіе этого памятника даетъ намъ возможность прослѣдить преобразованія, совершавшіяся въ христіанской живописи въ первые три столѣтія, особенно что касается выбора сюжета религіознаго изображенія смотря по мѣсту его назначенія. Существованіе христіанской общины, какъ погребальной коллегіи, хотя и вполне законнымъ образомъ, не могло быть очень прочно и представляло немало неудобства; оно напимѣръ должно было подвергаться христіанъ постоянному надзору властей, обязанныхъ наблюдать, не переступаютъ ли общества постановленныхъ ограниченій, не собираются ли больше дозволеннаго числа разъ, не превращаются ли въ ассоціаціи экономическія и т. д. Сверхъ того власти иногда повровительствовали коллегіямъ, что для христіанъ во многихъ случаяхъ было болѣе опасно, чѣмъ полезно. Условія такого исключительнаго положенія отразились въ христіанскомъ искусствѣ. Мы уже видѣли, что во фрескахъ катакомбъ и въ барельефахъ саркофаговъ, которые изготовлялись только на поверхности земли, было различіе въ выборѣ сюжетовъ и въ свободѣ выраженія догматовъ и идей новой вѣры. Подобная

*) Надъ другими рисунками катакомбъ, какъ напимѣръ Протекстата и Каллиста, видны развалины, но не такъ удѣльшія, подобныхъ-же зданій, такіе совершенно сходны по формѣ своимъ съ *schola* товариществъ: они, разумеется, могли принадлежать только христіанскимъ коллегіямъ.

же разница существовала и въ стѣнной живописи ипогеевъ, смотря потому, была ли она скрыта въ глубинѣ подземелья, или находилась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ее видѣли люди непосвященные въ таинства христіанскаго ученія и враги его. Такъ напримѣръ на стѣнахъ *schola collegii* описанной выше, построенной приблизительно въ третьемъ столѣтіи, и вѣроятно не разъ посѣщаемой римскими властями, не открыто ни одного библейскаго изображенія (даже и въ двухъ *subicula*, вырытыхъ въ холмѣ позади большой залы), но только декоративныя украшенія, не имѣющія никакого опредѣленнаго значенія или очень скрытаго символическаго смысла. Въ этихъ фрескахъ нѣтъ ничего языческаго, напротивъ тутъ не видно ни одной изъ мифологическихъ сценъ, часто представляемыхъ въ римскихъ гробницахъ и на барельефахъ саркофаговъ; но очень заботливо и съ большимъ умѣніемъ набраны сюжеты, которые, имѣя мало установленное значеніе въ мірѣ античномъ, могли выражать догматы Евангелія. Такъ напримѣръ мы видимъ, что птицы, корзины наполненныя зеленью и плодами, виноградныя кисти, гирлянды цвѣтовъ, которыя въ сосѣднемъ ипогеѣ, и вообще въ отдаленныхъ комнатахъ катакомбъ, являются на второмъ планѣ и употреблены только какъ украшеніе въ углахъ расписанныхъ потолковъ, между раздѣленій, тутъ напоминаютъ мѣста обыкновенно занятые библейскими сценами и легендами, а вмѣсто послѣднихъ въ одной изъ погребальныхъ комнатъ, гдѣ лучше, чѣмъ въ другихъ частяхъ всего памятника, сохранилась стѣнная живопись; три раза въ различныхъ позахъ представлена Психея (эмблематическое изображеніе безсмертія души въ мірѣ классическомъ и у христіанъ), одѣтая въ длинную тунику и наполняющая вмѣстѣ съ крылатыми геніями корзину цвѣтами. Эта наивная и граціозная композиція ни разу до сихъ поръ не была открыта въ отдаленныхъ *subicula* катакомбъ, но очень напоминаетъ барельефъ одного христіанскаго саркофага *) представляющій Психею и Амура занятыхъ жатвой винограда. Нельзя приписать одному случаю повтореніе той же сцены вполне классическаго стиля на двухъ христіанскихъ памятникахъ, изъ которыхъ первый легко могли видѣть язычники, а второй вѣроятно вышелъ изъ мастерской скульптора язычника. Напротивъ въ самомъ ипогеѣ Домитиллы хотя и менѣе утаеннаго, чѣмъ многія отдаленныя комнаты и галереи подземелій, но все таки не до такой степени открытаго, какъ пристроенная къ его преддверію *schola хри-*

*) Она находится въ Римѣ, въ христіанскомъ отдѣленіи Латеранскаго музея.

отанской коллегии, мы видимъ стѣнную живопись представляющую не только виноградную лозу (одинъ изъ главныхъ евангелическихъ символовъ), но и часто библейскія сцены, — Даниилъ между львами, Ноѣ въ ковчегѣ и т. д., тогда какъ ландшафты, гирлянды цвѣтовъ, птицы и танцующіе гонимы употреблены только съ декоративной цѣлью.

XII.

Со времени Траяна до середины третьяго вѣка отношенія христіанъ къ правительству Рима были слѣдующаго рода: законы противъ нихъ существовали въ полной силѣ и были приводимы въ исполненіе иногда съ меньшею, иногда съ большею послѣдовательностію, съ большимъ или съ меньшимъ рвеніемъ, согласно личнымъ чувствамъ и взгляду на это дѣло императоровъ и ихъ представителей въ провинціи. Каждый обвиненный въ слѣдованіи ученія Спасителя, если онъ не отвергалъ его въ опредѣленныхъ формахъ, долженъ былъ подвергнуться казни. Но гробницы и собранія христіанъ, имѣвшія видъ кладбищъ и сходокъ, *collegia funeraticia*, не трогали и не запрещали. Все второе столѣтіе въ эдиктахъ императоровъ противъ или въ пользу христіанъ ни разу ни упомянуты катаномбы, и этотъ фактъ казался необыкновенно страннымъ, пока G. V. de Rossi не нашелъ отношеній между погребальными коллегіями и общиной послѣдователей ученія Спасителя.

Въ первые годы третьяго вѣка, во время преслѣдованія Септимія Севера римскія власти отступили нѣсколько отъ этого правила. Когда папа Зефиринъ наслѣдовалъ папѣ Виктору въ 202 г., миръ для христіанъ продолжался уже долгое время; число ихъ въ Римѣ очень увеличилось, это испугало правительство; началось преслѣдованіе. Они были такъ многочисленны, что не могли сходиться не будучи замѣчены, и власти старались застигнуть ихъ въ мѣстахъ собранія и захватить вмѣстѣ. Изъ этого видно, что если христіане могли какъ погребальное общество владѣть кладбищами, землями, постройками и производить собранія, то эти

последнія не всегда были въ опасности. Надо однако замѣтить, что послѣ смерти Септимія Севера до преслѣдованія Валеріана, въ среднѣхъ третьяго столѣтія, было два другихъ гоненія не коснувшихся ни катакомбъ, ни собраний. Въ этотъ промежутокъ времени царствовали два императора покровители христіанъ, Александръ Северъ и Филиппъ Арабъ; второй, какъ предполагають, принялъ христіанство *).

Великодушное поведеніе съ христіанами Александра Севера представляетъ особенный интересъ. Уваженіе къ религіи Спасителя было внушено ему по всей вѣроятности его матерью Маммеею. Извѣстно, что она была благосклонно расположена къ христіанамъ, и проѣзжая черезъ городъ Антіохію слушала рѣчи Оригена, о благочестіи и учености котораго шла молва по всему востоку. Въ сынѣ ея, Александрѣ Северѣ, выразилось съ большей силой, чѣмъ въ другихъ императорахъ втораго и третьяго вѣка, желаніе, преобладавшее тогда въ римскомъ обществѣ, соединить восточныя вѣрованія и религіи съ официальнымъ римскимъ поклоненіемъ; примирить христіанскіе догматы и принципы съ язычествомъ и суевѣріями Востока. Были сдѣланы неоднократно попытки въ этомъ смыслѣ даже во дворцѣ Цезарей. Въ божицѣ Александра Севера между домашними его богами стояли изображенія Орфея, Авраама, Иисуса Христа, Апполонія Тіанскаго, которыхъ онъ почиталъ какъ мудрецовъ научившихъ людей различнымъ формамъ поклоненія божеству всевышнему и всемірному. При такомъ религіозномъ настроеніи, неудивительно, что сынъ Маммен былъ снисходителенъ къ христіанамъ, и если нѣтъ достаточно основаній предполагать, что онъ въ началѣ своего царствованія хотѣлъ, какъ увѣряють, торжественно признать христіанскую религію и позволить ея распространеніе, то нѣтъ сомнѣнія, что этотъ императоръ не ограничивался обуздывать ненависть язычниковъ къ христіанамъ, но и явно покровительствовалъ послѣднихъ. Очень вѣроятно потому, что во время его правленія христіанскія погребальныя коллегіи вошли въ сношеніе съ языческими властями, какъ общество моральное и вполне законное; это видно между прочимъ изъ слѣдующаго факта. Въ его царствованіе христіане Рима хотѣли построить церковь на землѣ не заня-

*) Изъ твореній христіанскихъ писателей видно, что многіе императоры втораго и третьяго столѣтія и особенно восточнаго происхожденія выказали въ сношеніяхъ съ христіанами большую терпимость.

той; *) ее начали оспаривать у них *poripagi*, т. е. содержатели народных трактировъ, въ которыхъ происходили оргіи и собирались солдаты и вообще люди изъ низшихъ классовъ общества. *Poripagi* принесли жалобу Александру Северу, но онъ рѣшилъ дѣло въ пользу христіанъ и утвердилъ ихъ во владѣніи спорной земли, сказавъ, что предпочитаетъ видѣть тутъ поклоненіе Богу подъ какой бы то ни было формой скорѣе, чѣмъ оставить это мѣсто въ рукахъ людей безнравственной жизни и ремесла. При этомъ случаѣ, сколько до сихъ поръ извѣстно, въ первый разъ упоминается о христіанской церкви въ Римѣ построенной на поверхности земли до прекращенія преслѣдованій, т. е. до Константина; и тутъ снова является вопросъ, на какомъ основаніи христіане въ этотъ періодъ могли въ самой столицѣ имѣть храмы, не представлявшіяся уже какъ *schola collegii*, но настоящій характеръ которыхъ—сколько видно изъ процесса съ *poripagi*—былъ вполне извѣстенъ римскому правительству. Слѣдуетъ потому предположить, что до конца 2-го столѣтія христіане производили собранія и владѣли катакомбами какъ *collegia fupercaticia*, но въ первыхъ годахъ третьяго вѣка Александръ Северъ, или можетъ быть одинъ изъ предшественниковъ его на престолѣ, благосклонный къ христіанамъ, сдѣлалъ еще больше, признавъ ихъ за общество моральное, и позволилъ имъ строить храмы.

Когда, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ это было сдѣлано, осталось неизвѣстно. **) Несомнѣнно однако, что у христіанъ въ Римѣ и провинціяхъ были въ концѣ третьяго столѣтія многочисленныя церкви. Во всякомъ случаѣ одинъ фактъ рѣшенія процесса христіанъ съ содержателями народныхъ трактировъ въ пользу первыхъ, есть доказательство, что Александръ Северъ смотрѣлъ на нихъ какъ на общество, законнымъ образомъ организованное, имѣющее право строить храмы. Эти привилегіи, вѣроятно утвержденныя другими императорами третьяго столѣтія, до такой степени обратились въ дѣло обсужденное и рѣшенное, что правительство стало смотрѣть на земли, постройки, ипогеи и церкви христіанъ, какъ на собственность правильно принадлежащую ихъ об-

*) Предполагать, что это приблизительно то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ церковь *S-ta Maria in Trastevere*.

**) Всего вѣроятнѣе, что инициаторъ эту спазалъ христіанамъ Александръ Северъ, постоянно отличавшійся большою вѣротерпимостію и усерднымъ покровителемъ негребальнымъ и эконоическимъ коллегіи; нѣкоторые изъ нихъ онъ даже самъ основалъ.

ществу, и когда имущество это при послѣднихъ гоненіяхъ было конфисковано, то не на основаніи обыкновенныхъ законовъ, а въ силу спеціальныхъ эдиктовъ. Если потому нужно было исключительное дѣйствіе высшей власти для подобной конфискаціи, то это достаточно доказываетъ, что въ 3-й столѣтіи христіане могли владѣть гробницами и религиозными зданіями; фактъ этотъ еще болѣе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ превращенія преслѣдованія отобранную собственность христіанъ правительство возвращало не частнымъ лицамъ изъ среды ихъ, а властямъ церкви. *)

XIII.

Но не слѣдуетъ предполагать, что эти права и покровительство нѣкоторыхъ императоровъ 3-го вѣка были гарантіей прочной безопасности для христіанъ; религія ихъ не была пока признана и законы запрещающіе ее не уничтожены. Мѣсто императора покровителя занималъ императоръ гонитель, и преслѣдованіе возобновлялось съ новою силой. А такъ какъ гоненія въ это столѣтіе наступали послѣ продолжительныхъ періодовъ спокойствія и терпимости, во время которыхъ христіанская община увеличивалась, прибрѣтала значеніе и умножала свое имущество, то они постепенно принимали большія размѣры и болѣе кровавый характеръ.

До середины третьяго вѣка преслѣдованія касались только каждаго

*) Въ 3-й столѣтіи были построены надъ катакомбами многочисленныя зданія для собраний. Папа Фабианъ, погребшій впоследствии, во время гоненія императора Деція, раздѣливъ христіанскій Римъ на приходы, приказалъ каждому изъ нихъ „строить на кладбищахъ“; а такъ какъ въ самыхъ катакомбахъ нельзя строить, а только производить различныя второстепенныя работы, напримѣръ, дѣлать поддержки для сводовъ и стѣнъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ туеъ не представлялось достаточной твердости и т. п., то нужно предположить, что тутъ дѣло идетъ о постройкахъ на поверхности земли. G. B. de Rossi нашелъ надъ катакомбами Callisto развалины зданій, которыми слѣдуетъ отнести къ этому времени.

христианина какъ лица отдѣльнаго, и не были направлены противъ собраний и владѣній общины; но съ тѣхъ поръ какъ существованіе и организація ея дѣлались съ каждымъ годомъ извѣстнѣе и всюду начали проявляться, гоненія также измѣнили характеръ и имѣли въ виду уже не наказаніе упорства отдѣльныхъ лицъ, а уничтоженіе всего союза ихъ и вмѣстѣ конфискацію его катакомбъ, церквей и другихъ зданій.

Преслѣдованіе Деція, какъ видно изъ его эдиктовъ, изъ дѣяній мучениковъ и исторіи церкви, не приняло этого направленія; но совершенно новой характеръ получаютъ нѣсколько лѣтъ спустя дѣйствія императора Валеріана противъ христіанъ. Особеннымъ эдиктомъ въ 257 г. этотъ императоръ конфисковалъ земли, постройки и имущество христіанъ, запретивъ имъ собираться подъ какими бы то ни было предлогомъ и посѣщать кладбища. Нарушителю этого повелѣнія грозила смертная казнь. Съ появленія новой вѣры въ первый разъ гоненіе относилось къ христіанамъ какъ къ обществу, и съ этой минуты наступаетъ періодъ разрушенія его памятниковъ.

Передъ закономъ христіане были *collegia funeraticia* и, чтобы лишить ихъ преимуществъ сенатскаго постановленія, нужно было опредѣлить, что они вышли изъ предѣловъ правъ данныхъ этимъ послѣднимъ и составляютъ непозволенную коллегію; *) послѣдствіемъ этого преступленія было уничтоженіе ея и наказаніе его членовъ. Этому признанію христіанскихъ коллегій противузаконными и преступными равнялся каждый изъ спеціальныхъ эдиктовъ, которыми имъ запрещали собираться и конфисковали изъ кладбища и мѣста сходокъ.

Повелѣніе императора, какъ видно, исполнялось съ большою строгостію. Папа Сикстъ II-й, застигнутый въ зданіи надъ катакомбами Претекстата среди христіанъ въ минуту исполненія религиозныхъ обрядовъ, былъ умерщвленъ на мѣстѣ. Солдаты Валеріана отрубили ему и четыремъ его дьяконамъ головы. Каменное епископское сидѣніе или кресло Сикста, окрашенное его кровью, было поставлено у его гробницы въ одной изъ комнатъ катакомбы Каллиста. Надпись, сдѣланная папой Дамазомъ, которую нѣсколько столѣтій спустя видѣли въ этомъ мѣстѣ богомольцы, объясняла и подтверждала это событіе.

*) *Dummodo hoc praetextii collegium illicitum non coeat* т. е. „но чтобы подъ этимъ предлогомъ коллегія незаконная не собиралась“, какъ сказано въ сенатскомъ постановленіи разрѣшавшемъ образованіе *collegia funeraticia*.

Скоро потомъ императоръ Валеріанъ предпринялъ войну противъ Персовъ, былъ взятъ ими въ плѣнъ и умеръ въ неволѣ. Сынъ и наследникъ его Галліенъ, въ несчастное царствованіе котораго увеличались еще болѣе бѣдствія имперіи, не смотря на жестокость и безнравственность своихъ дѣйствій, былъ однако благосклоненъ къ христіанамъ. Въ 260-мъ году онъ прекратилъ гоненіе ихъ; отменилъ эдикты отца и отдалъ по всему государству повелѣніе возвратить земли и постройки, конфискованныя у христіанъ, ихъ епископамъ. Многихъ изъ нихъ Галліенъ самъ увѣдомилъ объ этомъ отдѣльными письмами. Такимъ образомъ христіанская община снова приобрѣла свои права и имущество какъ погребальная коллегія. Въ Римѣ катакомбы были отданы не частнымъ людямъ, а папѣ Діонисію, который раздѣлилъ ихъ между двадцатью приходами города и поручилъ священникамъ. Управленіе кладбищемъ Callisto осталось за самимъ епископомъ.

Изъ распоряженій Галліена можно заключить, что въ слѣдствіе эдиктовъ Валеріана не однимъ образомъ поступили съ зданіями, гдѣ происходили собранія христіанъ, и съ ихъ ипогеями. Первые были конфискованы властями и даже проданы; вторые только, и можетъ быть не повсюду, заняты и отобраны, но не какъ кладбища запрещеннаго вѣрованія, а какъ мѣста собранія людей исповѣдующихъ его. При томъ надо замѣтить, что въ эдиктахъ Валеріана и впослѣдствіи Діоклеціана противъ христіанъ не говорится объ отънятій ими землями, ипогеями и постройками, какъ о дѣлѣ противузаконномъ, но какъ о правѣ, которое высшая власть государства лишаетъ ихъ или уничтожаетъ на время. Что касается до кладбищъ, то въ нихъ не переставали хоронить: даже и въ періоды конфискацій, такъ напримѣръ умерщвленный папа Сикстъ II-й былъ похороненъ въ катакомбѣ Каллиста возлѣ гробницъ его предшественниковъ. Точно также тѣло казненаго въ это же время карагенскаго епископа Кипріана было торжественно передъ глазами языческихъ властей и при большомъ стеченіи народа предано землѣ.

Галліенъ, обратившись къ христіанскимъ епископамъ, непосредственно призналъ ихъ этими какъ представителей и старшинъ общины. Не будучи окончательно уничтожены, законъ противъ новой вѣры пали въ забвеніе на нѣкоторое время. Изъ дѣяній мучениковъ видно, что власти Рима языческаго въ концѣ 3-го столѣтія уже очень хорошо отличали христіанъ отъ севтъ вѣры Спасителя.

Спокойное состояніе церкви продолжалось до конца царствованія Діоклеціана, т. е. 43 года, если исключить очень кратковременное преслѣдованіе Авреліана, окончившееся съ его смертію. Что принудило его начать вдругъ гоненіе послѣ большой терпимости, можно даже сказать покровительства христіанамъ, осталось неизвѣстно; но изъ этого факта видно, до какой степени было ненадежно для нихъ даже личное заступничество Цезарей. Во второй половинѣ 3-го столѣтія большая терпимость христіанъ смѣнялась жестокими гоненіями, но такъ какъ послѣднія оканчивались скоро и за ними слѣдовали продолжительныя періоды безопасности, то довѣренность къ своему положенію снова восстанавливалась среди общины. Забывая перенесенныя бѣдствія и преслѣдованія всегда готова обрушиться на ея голову, она, какъ видно по памятникамъ, пренебрегала всякою предосторожностью, совершая свои собранія и религіозныя обряды, строила на поверхности земли и расширяла подземелья.

Между Валеріаномъ и Діоклеціаномъ въ катакомбѣ Callisto были произведены въ большихъ размѣрахъ разнаго рода работы. Комнаты украшены колоннами, карнизами и другими архитектурными элементами, а стѣны ихъ покрыты мраморными плитами. Изъ крѣпкъ проведены широкія трубы (lumina) къ поверхности земли и самое кладбище соединено со многими сосѣдними ипогеями. Въ этотъ періодъ христіане воздвигли многочисленныя зданія религіознаго назначенія, разрушили старыя церкви, а на ихъ мѣстѣ построили новыя большихъ размѣровъ, и украсили великолѣпно гробницы мучениковъ. Послѣдніе годы правленія императора Діоклеціана, который до того времени былъ постоянно благосклоненъ къ христіанамъ, ознаменовало самое страшное гоненіе, которое когда либо претерпѣвала церковь, и самое разрушительное для ея памятниковъ. Оно началось въ 303-мъ году тѣмъ, что отъ священниковъ и епископовъ языческія власти начали требовать выдачу церковныхъ книгъ, архива общины и всего, чѣмъ она владела. Всѣ христіанскія церкви *) и постройки были сожжены и разрушены, а ипогеи и земли конфискованы. **) Противъ духовенства былъ обнародованъ особенный

*) Въ это время ихъ было болѣе сорока въ одномъ Римѣ, въ каждомъ городѣ или надъ катакомбами.

**) Зданія религіознаго назначенія и гробницы, находящіяся на поверхности земли, христіане первыхъ трехъ столѣтій вѣроятно не въ такой степени украсили какъ комнаты катакомбъ; но если и были такія являлись памятники искусства, ерес-

едить. Много произведеній христіанскаго искусства погубило въ это послѣднее преслѣдованіе. Приблизительно въ 306-мъ году оно было прекращено въ Римѣ, а въ 311-мъ году папѣ Мильціаду возвратили имущество или, какъ тогда называли *мѣста церквей* „*loci ecclesiastica*“, принадлежащія „*Corpus christianorum*“ т. е. христіанской общинѣ. Этихъ снова были признаны ея власть и законность ея существованія. Скоро потомъ эра гоненій для христіанской вѣры окончилась и она сдѣлалась официальной религіей имперіи.

XIV.

Запрещеніе собраній и конфискація имущества, сопровождавшія послѣднія гоненія, принудили христіанъ скрыть по возможности свои кривты и исвать потаенныя мѣста для сходокъ. При преслѣдованіяхъ Валеріана, Діоклеціана и Авреліана въ подземномъ Римѣ производилась съ этой цѣлью особеннаго рода работы, которыхъ прежде не видно и слѣда. Застигнутые опасностію, христіане разрушали широкія лѣстницы и входы въ катакомбы, а ближайшія къ нимъ галереи заваливали землей; прокапывали скрытые спуски въ нпгоен изъ аренарій и другихъ удаленныхъ мѣстъ. Не выносили болѣе набравшіяся при работахъ туфъ, а складывали его въ галереяхъ уже наполненныхъ гробницами. Необходимость заставляла христіанъ въ это время превращать оставленные кони поцоланы въ кладбища или выкапывать склены въ близкомъ ихъ сосѣдствѣ. Подъ вліяніемъ этихъ исключительныхъ обстоятельствъ об-

ли, саркофаги и т. д. въ церквяхъ и другихъ христіанскихъ строеніяхъ, то на нихъ должна была прежде всего обрушиться злоба гонителей 3-го вѣка, такъ какъ они постоянно были передъ глазами изычниковъ. Многие уцѣло въ катакомбахъ именно потому, что было скрыто. Перовинная у народовъ восточныхъ странъ обычай хоронить въ подземельяхъ, христіане первоначально вѣроятно не думали такъ свои гробницы, но этотъ образъ погребенія впоследствии какъ нельзя лучше удовлетворялъ требованіямъ ихъ непрочноаго положенія и необходимости удалитъ по времени отъ глазъ изычниковъ свои памятники и скрывать свои собранія.

разовалось нѣсколько катакомбъ совершенно различныхъ по формамъ и расположенію отъ существовавшихъ прежде. *) Но всего больше старались христіане спасти тѣла особенно почитаемыхъ мучениковъ, — они переносили ихъ въ отдаленныя комнаты катакомбъ, заваливали землей и каменьями гробницы, гдѣ они лежали, и такъ тщательно заботились скрыть эти послѣднія, что послѣ торжества церкви многія изъ нихъ были потеряны, забыты и снова открыты и раскопаны — одни при папѣ Дамазѣ, другіе только въ наши дни. Можно сказать, что разрушеніе и забвеніе катакомбъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ частей ихъ, начинается съ этой порѣ.

Такъ какъ подобныя работы не требовали много времени, то христіане вѣроятно успѣвали производить ихъ въ первыя дни гоненій или даже раньше. Они не начинались одновременно повсемѣстно, и не трудно ихъ было предугадать. Эдикты Діоклеціана — наприимѣръ, были приведены въ исполненіе — гдѣ раньше, гдѣ позже — приблизительно во второй половинѣ 303-го года. Но не всюду съ одинаковой послѣдностью, и извѣстно, что въ концѣ того же года нѣсколько христіанскихъ церквей въ Римѣ были еще открыты и посѣщаемы. Разрушеніе многочисленныхъ мѣстъ собранія, конфискація столькаго имущества были разумѣется актами постепенными, продолжавшимися долгое время, и христіане имѣли полную возможность принять должныя предосторожности, чтобы драгоценныя для нихъ святыни не попали въ руки язычниковъ.

Въ катакомбѣ Callisto, которая была тогда главнымъ кладбищемъ Рима, легко можно отличить работы произведенныя въ это время. Такъ

*) Въ 1864-мъ году при проведеніи желѣзной дороги открыто подземное кладбище *Castulo* возлѣ *via Labicana*, которое слѣдуетъ отнести ко второй половинѣ третьяго столѣтія; этотъ мученикъ, слушатель въ домѣ Діоклеціана, былъ застигнутъ въ аренаріи, находившейся подъ водопроводомъ *Claudia*, и погребенъ живой подъ грудой песка. Сплохо его уважаемыхъ остатковъ, какъ это часто происходило въ подобныхъ случаяхъ, сгруппировались гробницы другихъ христіанъ и образовалась катакомба. При таковыхъ же условіяхъ произошла катакомба, находившаяся въ нѣтъ милахъ отъ Рима возлѣ дороги *Portuensis* и недалеко отъ Тибра, открытая въ 1868 году. Она развивалась въ холмѣхъ подъ священной рощей и храмомъ братства *Arvali* (*Fratres Arvales*). Странное положеніе ея объясняется тѣмъ, что это древнее и очень уважаемое религиозное товарищество уже не существовало болѣе, когда были погребены въ землѣ, прежде принадлежавшей ему, тѣла мучениковъ *Simplicius* и *Faustinus*, брошенные въ Тибръ во время гоненія Діоклеціана. Гробницы ихъ, выкопанныя вблизи аренарія, положили начало образованію небольшой катакомбы.

напримѣръ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ нея прорыты ходы въ сосѣднія копи поццоланы, находящіяся въ другомъ уровнѣ; и эти сообщенія, пересѣченныя нѣсколько разъ стѣнами, проходя среди сѣти перекрещивающихся галерей, составляютъ настоящий лабиринтъ. Въ другомъ мѣстѣ соединенія съ ближней пещерой расположены такъ, что если гонители проникали изъ послѣдней въ катакомбу черезъ одно отверстіе, христіане, находившіеся тамъ, могли, не будучи замѣчены, перейти въ аренарію черезъ другой потаенный ходъ, и потомъ войти въ кампанію посредствомъ узкой и скрытой лѣстницы. Иногда сходъ изъ копи поццоланы въ криштъ прерывается не дойдя до него, такъ что спуститься можно только съ помощію деревянной лѣстницы, поданной снизу. *)

Весь первый этажъ галерей и комнатъ катакомбъ Callisto былъ заваленъ глыбами туфа во время преслѣдованія Діоклеціана, и всѣ лѣстницы его разрушены. Въ другихъ ярусахъ завалили только гробницы особенно уважаемыхъ мучениковъ. Комната, гдѣ были погребены многіе папы, долгое время и послѣ прекращенія гоненія оставалась засыпана землей. Собранія христіанъ происходили въ эти тяжелые для нихъ періоды въ отдаленныхъ мѣстахъ катакомбъ, въ копияхъ поццоланы, вообще всюду, гдѣ они могли найти болѣе или менѣе надежное убѣжище. Въ кладбищѣ Callisto отрыли шесть кубиковъ, расположенныхъ одинъ противъ другаго и раздѣленныхъ галереей, вдоль стѣнъ ихъ были устроены мраморныя сидѣнья. G. V. de Rossi предполагаетъ, что первоначально эти комнаты были погребями; владѣтель ихъ и виноградики, находившагося надъ ними, вѣроятно христіанинъ, позволилъ своимъ братьямъ по вѣрѣ собираться въ нихъ. Впослѣдствіи онѣ были соединены галереей съ сосѣднимъ ипогеємъ.

Слѣдовательно только во время гоненій Валеріана, Авреліана, и Діоклеціана катакомбѣ принимаютъ тотъ таинственный и скрытый характеръ, который, какъ до сихъ поръ предполагали, они постоянно имѣли до торжества церкви; и всѣ преданія и легенды о христіанахъ, искавшихъ убѣжище въ аренаріяхъ, собиравшихся тамъ для молитвъ, о муче-

*) Нѣкоторыя изъ этихъ работъ были произведены въ царствованіе Сентинія Севера; но такъ какъ при гоненіи этого императора, хотя и старались застигнуть христіанъ во время ихъ собраній, но не разрушали памятниковъ и не копировали катакомбъ, то они не заваливали входы и спуски въ ипогеи, гдѣ хоронили, а только пропалывали изъ нихъ скрытыя сообщенія съ копиями поццоланы, въ которыхъ тайно собиравались.

никахъ, застигнутыхъ гонителями въ колахъ поццоланы и погребенныхъ живыми подъ глыбою песка, о папахъ, скрывавшихся и убитыхъ въ катакомбахъ и т. д., относятся къ этимъ временамъ. Поэтической и таинственный характеръ подземнаго Рима значительно уменьшается въ слѣдствіе его изученія, но за то открываются много новыхъ подробностей существованія христіанской общины, имѣющихъ немалый интересъ.

Надо также прибавить, что если иногда катакомбы дѣлались мѣстомъ убѣжища для живыхъ, то они не могли скрываться тамъ продолжительное время въ значительномъ количествѣ. Что христіане въ періоды послѣднихъ гоненій, когда ихъ собранія сдѣлались невозможны на поверхности земли, находили въ катакомбахъ болѣе удобное и безопасное мѣсто для совершенія религиозныхъ обрядовъ, проникая туда изъ копей поццоланы или черезъ другія потаенныя отверстія, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Престолы, кресла епископовъ въ комнатахъ относительно большихъ размѣровъ и самое расположеніе и сгруппированіе кубитуловъ доказываютъ намъ это; очень вѣроятно также, что вѣрующіе, которыхъ особенно искали гонители, епископы Рима и ихъ приближенные могли укрываться въ катакомбахъ непродолжительное время въ періоды преслѣдованій, равно какъ при торжествѣ секты Арія въ 4-мъ столѣтіи и при смутахъ сопровождавшихъ избраніе пѣвоторыхъ папъ; но ниванымъ образомъ нельзя предположить, что христіане массами обитали тамъ, это физически невозможно, не только потому, что они задохнулись бы въ узкихъ ходахъ и небольшихъ комнатахъ, лишенныхъ воздуха, но и потому, что снабженіе при такихъ условіяхъ многочисленнаго собранія съестными припасами и всѣмъ необходимымъ для жизни представило бы непреодолимая трудности. Притомъ до сихъ поръ въ катакомбахъ не нашли и слѣда приспособленія ихъ къ продолжительному пребыванію христіанъ. Все въ этихъ подземельяхъ, какъ мы уже говорили, устроено прежде всего для погребенія мертвыхъ и потому для совершенія религиозныхъ обрядовъ, тогда какъ напротивъ, ничего въ нихъ не указываетъ, что они когда либо служили жилищемъ людей.

XV.

Собрания христіанъ происходили также съ самыхъ раннихъ временъ и внѣ подземелій. Первоначально они соединялись у богатыхъ братьевъ по вѣрѣ, въ ихъ домахъ. *) Послѣдніе, превратясь въ базилики, сохранили имя и иногда были посвящены памяти тѣхъ благодѣтельныхъ людей, часто мучениковъ, въ жилищахъ которыхъ, совершались первыя сходы христіанъ. Многіе церкви Рима, какъ напримѣръ, св. Цециліи, св. Пуденціаны и т. д. имѣютъ это происхожденіе. Въ скоромъ времени потомъ надъ семейными христіанскими ипогеями появились зданія, служившія также мѣстомъ собранія. Они назывались *cellæ* въ Римѣ дымчесвомъ, у христіанъ иногда *memoriæ martyrum* и имѣли видъ небольшихъ храмиковъ; вѣроятно въ нихъ помѣщали саркофаги и кругомъ устраивали гробницы. Эти зданія постепенно разширялись и послѣ Константина сдѣлались великолѣпными базиликами; **) нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ стоятъ въ окрестностяхъ Рима.

Въ періодъ существованія общины вѣрующихъ, какъ *collegia funeraticia*, у христіанъ явилась возможность совершать религиозныя об-

*) Въ верхней, удаленной части, въ мѣстѣ называемомъ *coenaculum*.

**) Базиликами (*Basilicae*) начали называть христіанскія церкви только со временъ Константина; въ мирѣ классическомъ базилика была мѣстомъ пребыванія царей и верховнаго судища. Эти зданія имѣли форму продолговатаго четырехугольника, обыкновенно раздѣленнаго въ длину колоннами на три отдѣленія (корабль, *navis*, и *sf*), изъ которыхъ среднее было шире и выше остальныхъ и означивалось съ противоположной отъ главнаго входа стороны полукруглой нишей, она называлась абсидой или трибуной, и въ ней на возвышеніи сѣдали судья. Надъ боковыми отдѣленіями находились иногда галереи, открывавшіяся на центральный корабль. Подобныя расположенія, какъ нельзя лучше, соответствовали требованіямъ христіанскаго служенія и были очень удобны для помѣщенія многочисленнаго собранія людей, которое должно было видѣть совершеніе таинствъ и церковную службу, для раздѣленія певцовъ и т. д. Вѣрующіе помѣщались въ трехъ отдѣленіяхъ базилики и въ галереяхъ, шумчаны отдѣльно отъ женщинъ; а духовенство заняло абсиду, передъ которой ставили престолъ. Христіане строя свои церкви давали имъ форму базиликаль, но впоследствии дѣлали въ нихъ различныя измѣненія; самое главное состояло въ томъ, что поперечное отдѣленіе, нѣсколько выступающее съ обѣихъ сторонъ, пересѣкло базилику въ томъ мѣстѣ, гдѣ центральный корабль соединялся съ абсидой, что придавало всему зданію форму престола. Форму небольшихъ базиликъ вѣроятно также иногда имѣли тѣ зданія, которыя христіане воздвигали до торжества церкви надъ катакомбами. До нашихъ дней на западѣ строятъ церкви на подобіе базиликъ.

ряды въ мѣстахъ ея собранія. Вообще подъ видомъ зданій и храмиковъ семейныхъ гробницъ, *cellae* или какъ *schola* товариществъ, христіане могли имѣть церкви до полученія этого права, въ первой половинѣ третьяго столѣтія.

XVI.

Съ Константиномъ наступила новая фаза существованія катакомбъ; но можно сказать, что торжество христіанской религіи принесло имъ больше вреда, чѣмъ пользы, и повело скорѣе къ разрушенію, чѣмъ къ сохраненію ихъ.

Значительныя работы были произведены въ подземномъ Римѣ вскорѣ послѣ прекращенія гоненій; крипты всего болѣе пострадавшія поправили, тѣ, въ которыхъ лежали мученики, расширили и украсили, потолки ихъ укрѣпили каменными сводами, провели къ нимъ широкія трубы съ поверхности земли, и устроили новые входы и удобныя лѣстницы. Но все это измѣнило первоначальный характеръ катакомбъ. Главною причиною ихъ раззоренія было построеніе базиликъ надъ прахомъ особенно уважаемыхъ мучениковъ. До сихъ поръ въ нѣкоторыя катакомбы спускаются изъ церквей, воздвигнутыхъ надъ ними. Обыкновенно при этомъ не трогаютъ самой гробницы святаго, которая часто находилась въ одной изъ галерей низшихъ этажей, и не переносили его мощей, но строили такъ, чтобы престолъ церкви былъ помѣщенъ прямо надъ его могилою; цѣлость послѣдней была сохранена, но при постройкѣ фундамента зданія, почти постоянно довольно обширнаго, разрушали тысячи другихъ сосѣднихъ гробницъ. Иногда для этого приходилось срѣзывать или уравнивать холмъ, въ которомъ развивалась катакомба, и такимъ образомъ уничтожали нѣсколько ярусовъ ходовъ и комнатъ со всѣмъ, что въ нихъ находилось; и теперь еще можно видѣть, какъ велики были эти раззоренія и сколько ихъ интересныхъ памятниковъ они насъ лишили.

Такъ были построены базилики св. Петра, *) св. Агнѣи, св. Севастіана, св. Лаврентія и т. д. Но исключая большихъ базиликъ, вскорѣ послѣ торжества церкви христіане воздвигли надъ катакомбами множество незначительныхъ церквей или часовенъ, которыя, не будучи такъ крѣпко и тщательно сложены и въ послѣдствіи исправляемы какъ базилики, не имѣли судьбу послѣднихъ, и почти всѣ разрушились съ теченіемъ времени. G. B. de Rossi открылъ нѣсколько подобныхъ зданій, измѣненныхъ поздними пристройками и болѣе или менѣе уцѣлѣвшихъ. Одно изъ нихъ находится возлѣ дороги Ardeatina, и долго служило складомъ вина, но сохранило свои первоначальныя формы. По мнѣнію римскаго археолога оно было построено не раньше 3-го и не позже 5-го вѣка,

*) Сущестующій теперь соборъ св. Петра былъ построенъ въ 16-мъ столѣтіи на развалинахъ древней базилики, посвященной тому же святому и воздвигнутой императоромъ Константиномъ на мѣстѣ цира Нерона, гдѣ согласно преданію, этотъ апостолъ принялъ мученическую смерть. Катакомба выкопанная въ сѣзднѣмъ Ватиканскомъ холмѣ, заключающая первоначальную гробницу св. Петра и представлявшая, какъ легко себѣ можно представить, не малый интересъ, уже сильно пострадала при постройкѣ первой базилики и была уничтожена окончательно болѣе обширнымъ зданіемъ новаго собора. Не только все, что заключало это кладбище, погибло, но невозможно даже опредѣлить теперь его форму и величину. Три христіанскія эпохи стоятъ тутъ одна надъ другой, и если нельзя не сожалѣть о разрушеніи фресокъ и другихъ памятниковъ Ватиканской катакомбы, то также невозможно подумать равнодушно, что древняя базилика, построенная Константиномъ и величаво украшенная имъ мозаиками, которую папы, постоянно обогащая въ продолженіи одиннадцати столѣтій, превратили въ настоящій музей христіанскаго искусства, что это неоцѣненное въ археологическомъ отношеніи зданіе было сорвано для постройки новаго колоссальнаго собора, — колоссальнаго безъ всякаго сомнѣнія, но не болѣе; взумляющаго столько же своими громадными развѣтрами, сколько и безвкусіемъ архитектурныхъ формъ и украшеній, представляющихъ какъ нельзя вѣрнѣе наглядный примѣръ постепеннаго упадка въ Италіи художественнаго вкуса въ концѣ эпохи возрожденія. Вѣдѣшіе этотъ соборъ согласятся со мной, что войдя въ него были поражены его громадностію, но не получили никакого пріятнаго впечатлѣнія и не остановились съ удовольствіемъ ни передъ однимъ изъ его архитектурныхъ деталей. Самая замѣчательная часть этого зданія, его куполъ всего лучше представляется въздуи, когда не видна или мало замѣтна остальная постройка. Потери древняго собора св. Петра сдѣлалась еще ощутительнѣе послѣ пожара базилики св. Павла (въ городскихъ стѣнахъ Рима, возлѣ Тибра), построенная также императоромъ Константиномъ, но значительно увеличенная и богато украшенная въ 5-мъ столѣтіи императоромъ Гонеріемъ; она сгорѣла почти совершенно въ 1833-мъ году въ слѣдствіе неосторожности рабочихъ, поправлявшихъ ея крышу; уцѣлѣли только части мозаикъ и нѣсколько другихъ малозначительныхъ памятниковъ. Теперь еѣ снова возстановили въ первоначальной формѣ, но въ новомъ вкусѣ.

и но всей вѣроятности посвящено святымъ Сиксту и Цециліи, потому что стоитъ надъ криптомъ, гдѣ были погребены эти мученики. Развалины подобныхъ же небольшихъ церквей были найдены въ окрестностяхъ Рима, преимущественно у Аппіеваго пути и у входа въ катакомбу Претекстата. Большая часть ихъ принадлежитъ къ первымъ временамъ торжества христіанской вѣры, но нѣкоторые могли быть воздвигнуты раньше Константина, какъ *cellae* и какъ *memoriae martyrum*. Зданія эти представляютъ нѣкоторый интересъ, потому что образуютъ въ христіанской архитектурѣ переходъ отъ подземныхъ церквей къ большимъ базиликаамъ. Они кони, на сколько возможно близки, квадратныхъ *subicula*: во нишѣ полукруглой формы устроено въ каждой изъ трехъ внутреннихъ сторонъ ихъ для постановки саркофаговъ служившихъ престолами, въ четвертой сдѣланъ входъ, — т. е. совершенно то же расположение, какъ и во многихъ катакомбныхъ комнатахъ.

XVII.

Погребеніе въ ипогеяхъ не прекратилось немедленно послѣ побѣды христіанской религіи надъ язычествомъ: нѣсколько катакомбъ, правда незначительныхъ, образовались даже послѣ Константина. Однажды принятый обычай продолжался по традиціи еще довольно долгое время. При томъ эти подземелья, схоронившія столькихъ мучениковъ, гдѣ собирались вѣрующіе, сдѣлались предметомъ особеннаго уваженія, что и повело къ желанію покоиться въ нихъ послѣ смерти.

Большая часть надгробныхъ надписей временъ Константина происходитъ изъ катакомбъ, но въ царствованіе этого императора стали также умножаться и кладбища расположенныя на поверхности земли, которыя уже прежде были въ употребленіи у христіанъ. Базилики, воздвигнутыя изъ около Рима, назывались *coemeteria*; это доказываетъ, что въ нихъ и кругомъ ихъ хоронили мертвыхъ. Уже въ четвертомъ столѣтіи напъ начали предавать землѣ внѣ катакомбъ, около базиликъ, построившихъ

надъ послѣдними; примѣру этому послѣдовали и другіе христіане. При сыновьяхъ Константина катакомбныя эпитафіи уменьшаются и напротивъ возрастаетъ число неподземныхъ. Въ царствованіе Юліана богоотступника, при которомъ положеніе христіанской церкви измѣнилось къ худшему, катакомбныя надписи не увеличиваются. Послѣ него обычай хоронить въ пногеяхъ значительно ослабился. Съ 364 до 369-го г. изъ двухъ погребеній одно подземное. Но въ 370 и 371 году только очень рѣдко хоронятъ внѣ катакомбъ; это объясняется тѣмъ, что въ эти два года много могилъ мучениковъ, заваленныхъ при послѣднихъ гоненіяхъ, были открыты напой Дамазомъ; въ слѣдствіе чего увеличилось почитаніе ихъ и проявилось желаніе быть погребеннымъ въ ихъ сосѣдствѣ. Но вѣроятно устройство гробницъ въ криптахъ представляло больше трудностей, чѣмъ на поверхности земли, потому что послѣ 371-го года употребленіе катакомбъ какъ кладбищъ замѣтно уменьшается. Это произошло не по причинѣ недостатка удобной земли для прокапыванія новыхъ галерей, а въ слѣдствіе измѣненія образа погребенія: ходы проведенныя, но лишеныя гробницъ, loculi назначенныя и не высѣченныя, работы начатыя и не оконченныя доказываютъ это.

Съ 410-го года до середины пятаго столѣтія погребеніе въ криптахъ производится очень рѣдко и послѣ 455-го года прекращается совершенно. Всѣ надгробныя надписи, памятники искусства, находящіяся въ катакомбахъ, когда они не служатъ украшеніемъ гробницъ мучениковъ и комнатъ, гдѣ они находились, принадлежатъ потому къ первымъ четверемъ столѣтіямъ. Если есть исключенія, то они встрѣчаются не часто. Нѣсколько памятниковъ слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ пятаго вѣка, но ихъ не много.

Какой видъ имѣли катакомбы въ пятомъ столѣтіи, можно судить изъ словъ св. Іеронима; вотъ что говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: *) „Когда я былъ ребенкомъ и воспитывался въ Римѣ, то имѣлъ обыкновеніе вмѣстѣ съ другими дѣтьми, моими товарищами, посѣщать по воскресеньямъ гробницы апостоловъ и мучениковъ. Мы спускались въ подземныя галереи, стороны которыхъ наполнены до верха тѣлами умершихъ, и гдѣ царствуетъ столь непроницаемая тьма, что готовъ примѣнить къ себѣ слова пророка: „живые они спустились въ

*) In Eszechiel. c. XL.

адъ. *) Только рѣдко дневной свѣтъ, скудно прониная сквозь отверстія, устроенныя на поверхности земли, которыхъ нельзя назвать окнами, утѣряетъ на небольшое пространство ужасающую мглу подземелья, и когда бродишь въ немъ, ступая шагъ за шагомъ, охруженный глубокой ночью, невольно вспоминаешь стихъ Виргилія: „Всюду ужась вѣстѣ съ самой тишиной пугаютъ воображеніе“ **).

ХVIII.

Катакомбы долгое время посѣщали съ благочестивою цѣлью послѣ прекращенія погребенія въ нихъ. Драгоцѣнныя воспоминанія были связаны съ ними, и богомольцы со всѣхъ концовъ христіанскаго міра приходили въ Римъ молиться у гробницъ мучениковъ. Стеченіе ихъ было очень значительно, и потребовало особеннаго рода работы. Чтобы облегчить имъ входъ въ подземелья прямо съ поверхности земли, проводили двѣ лѣстницы въ мѣсту, гдѣ лежало тѣло святаго: по одной они спускались внизъ, и сейчасъ же находили его; по другой съ противоположной стороны поднимались наверхъ. Широкія луминаріи были проведены изъ криптъ особенно посѣщаемыхъ, и иногда пересѣкали каменными стѣнами сосѣднія галереи, дабы увлеченные любопытствомъ эти богомольцы не удалялись въ подземный лабиринтъ ходовъ, рискуя заблудиться и навсегда остаться въ немъ. Обыкновенно они уносили съ собой какое нибудь воспоминаніе посѣщенія криптъ, или въ изобиліи драгоцѣнныя благовопія въ отверстіе, нарочно сдѣланное въ верхней части плиты *loculus*, и потомъ съ большою заботливостію собирали эту жидкость выходящую внизу черезъ другое отверстіе, тронувъ остатки святаго; или брали масло изъ лампады горящихъ передъ гробницами ихъ и разносили его по всему свѣту. Такъ продолжалось до перенесенія тѣлъ мучениковъ въ церкви Рима.

*) Ps. LIV. 16.

**) *Horror ubique animos, simul ipsa silentia terrent. Aeneid. II. 755.*

Одно изъ самыхъ вѣрныхъ указаній замѣчательнаго мѣста въ подземномъ Римѣ это надписи (graffiti), дѣлаемыя богомольцами. Какъ ни ничтожны кажутся съ перваго взгляда имена, званія и отрывки молитвъ, начерченные ими поспѣшно какими нибудь остріемъ на стѣнахъ кубиковъ, галерей и лѣстницъ, они имѣютъ свое значеніе, и помогаютъ во первыхъ опредѣлять мѣста историческихъ гробницъ, (особенно когда пишущій, молясь и поручая себя покровительству мученика погребеннаго тутъ, упоминаетъ его имя), а во вторыхъ передаютъ чувства религіознаго восторга этихъ наивныхъ, но сильно убѣжденныхъ людей, готовыхъ во всякой гробницѣ видѣть прахъ умершаго за вѣру.

Всего чаще богомольецъ пишетъ только одно свое имя, но иногда смиренно проситъ молиться за него слѣдующимъ образомъ: „Eustathius humilis peccator; tu qui legis, ora pro me, et habeas Dominum protectorem,“ т. е. „Евстацій смиренный грѣшникъ; ты, читающій эти слова, молись за меня, и да покровительствуетъ тебѣ Господь“; или выражаетъ благочестивыя желанія и надежды въ пользу близкихъ, друзей, прося за себя и за своихъ родныхъ живыхъ и мертвыхъ святыхъ угодниковъ, какъ напримѣръ: Святыхъ души (spiritus sancti) *) помяните (in mente habete) Діонисія. Святые мученики, испросите покоя моему отцу и братьямъ; святой Сивста, помани въ молитвахъ твоихъ такого-то. Святыхъ души, испросите благополучное плаваніе для Верекундія и его спутниковъ (ut Verecundus cum suis bene naviget). Можетъ быть подъ словомъ плаваніе понято тутъ земное существованіе. Въ одной надписи набожный богомольецъ называетъ кричить Сивста Іерусалимскомъ мучениковъ. Всего чаще въ graffiti (вообще очень приближающіеся смысломъ и характеромъ къ катакомбнымъ эпитафіямъ ранняго времени) употреблена слѣдующая фраза: такой-то или такіе-то живутъ въ Богѣ, или да живутъ они въ Богѣ (vivas in Deo). У входа въ крипту Lucina, на стѣнѣ при началѣ лѣстницы начерчены были по всей вѣроятности въ 4-мъ столѣтіи нѣсколько разъ слѣдующія слова: „Sofronia vivas in Domino“; т. е. да живетъ Софронія въ Богѣ. Тутъ выражено только упованіе, что Софронія спасена и находится въ вѣчномъ блаженствѣ; вѣроятно написавшій это сошелъ въ крипту и у гробницы мученика укрѣпился въ своей надеждѣ молитвой, потому что съ другой

*) Въ катакомбныхъ эпитафіяхъ третьяго столѣтія душа человека часто названа „spiritum“ вмѣсто „spiritus“.

стороны у выхода начерчено той-же рукой: *Sofronia dulcis, semper viues Deo*; т. е. Софронія сладчайшая ты вѣчно будешь жить въ Богѣ; и еще утвердительно: „*Sofronia vivis!*“ т. е. Софроніи ты живешь въ Богѣ. *)

XIX.

Роковой для Рима 410-ый годъ обозначаетъ также въ исторіи катакомбъ начало эпохи совершеннаго оставленія ихъ. Неизвѣстно, какая судьба постигла христіанскія кладбища и базилики при взятіи Рима Готфами въ 410-мъ году и Вандалами въ 455-мъ году: слѣды того, что произошло съ ними при этомъ, слабы и не ясны. Въ немногихъ надпис-

*) Обычай почитать съ оныхъ родственниковъ и просить за нихъ боговъ, храмы которыхъ посѣщали, существовалъ и у язычниковъ. Graffiti были открыты во многихъ святилищахъ античнаго міра въ Египтѣ, Италіи, Греціи и т. д. Такъ напримеръ около 9 мѣ въ развалинахъ храма Изиды, на островѣ Филе видна надпись, объясняющая что нѣкто Сераніонъ, сынъ Аристоракха, пришелъ поклониться великой богинѣ, вспоминаетъ тутъ въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ своихъ родныхъ для блага ихъ. Многие языческіе graffiti этого рода не имѣютъ религіознаго характера, но писались путешественниками, которые, любяще поматившись и давнишние при этомъ деликатнымъ чувствомъ, вспоминали близкихъ и друзей, какъ бы желая подѣлиться съ ними своими впечатлѣніями и восторгомъ. Въ гробницахъ египетскихъ царей разобрана слѣдующая надпись: „Я Непольбіосъ изъ Гелиополиса созерцаю гробницы царей и вспоминаю всѣхъ своихъ.“ Интересна также надпись одной римлянки, которая возлѣ пирамиды вспоминаетъ своего умершаго брата и пишетъ слѣдующія трогательныя слова: „Я увидѣла пирамиды безъ тебя и это наполнило горестью мою душу. Тутъ и означивала твою участь и въ свидѣтельство моей неоплаченной печали пишу эти слезы“.

Особенно драгоценны для изучающихъ нравы римскаго общества graffiti, открытыя на стѣнахъ храмовъ, общественныхъ зданій и частныхъ домовъ возставшей изъ пепла Везувія Помпеи. Неудовольныя иговыми движеніями изъ ежедневной жизни обитателей этого города, мнѣніе ихъ о томъ или другомъ событіи, о той или другой личности отражаются въ этихъ еразахъ, стихахъ и восклицаніяхъ, начерченныхъ или набудъ остріемъ, написанныхъ углемъ или краскою. Тутъ попадаются и выраженіе любви, рекомендаціи для муниципальныхъ выборовъ, описанія побѣдъ гладіа-

слухъ, указывающихъ работы произведенныя въ подземномъ Римѣ послѣ этихъ событій, не упоминается, что они сдѣлались необходимыми въ слѣдствіе разрушеній причиненныхъ варварами. Очень вѣроятно, что послѣдніе лишили церкви и гробницы мучениковъ тѣхъ цѣнныхъ украшеній, которыя возможно было унести, но многого разрушить они не могли, если бы и желали этого, не имѣя достаточно времени. Конечно больше должны были пострадать катакомбы въ 6-мъ столѣтіи при осадахъ Рима, во время войнъ Велисарія съ Готфами. Несомнѣнно только то, что съ 410-го года начинается запущеніе ихъ. Безпрестанно повторяющіяся бѣдствія, упадокъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ жителей Рима не были благоприятны для предпріятія новыхъ построекъ и поддержанія старыхъ, для украшенія уважаемыхъ гробницъ и сохраненія катакомбъ. Подземная работа въ кладбищахъ, которая уже долгое время была очень незначительна, послѣ взятія Рима Готфами превращается совершенно. Съ 648 папы начинаютъ переносить тѣла святыхъ изъ криптъ въ базилики Рима, потому что Кампанія въ слѣдствіе войнъ предшествовавшаго столѣтія постепенно превращалась въ пустыню. Въ 8-мъ вѣкѣ Лонгобарды разворили многіе крипты и похитили изъ нихъ тѣла мучениковъ; это принудило папу Павла I открыть большое количество гробницъ и раздать остатки, найденные въ нихъ, церквамъ Рима; а преемники его стали разсылать части святыхъ во всѣ концы католическаго міра.

Катакомбы лишились того, что заставляло сохранять, украшать и посѣщать ихъ, и это было главной причиною ихъ забвенія; оно начинается съ девятаго столѣтія и идетъ постоянно возрастая; имена ихъ перепутали, забыли, скоро никто больше не думалъ о ихъ существованіи *). Опустошенныя и оставленныя гробницы мучениковъ обвалились; зданія, стоявшія надъ ними на поверхности земли, обрушались, ихъ развалины упали или были брошены въ *lumina* **).

торовъ, городскія снотки, рисунки-парриатуры, сдѣланныя неопытными руками, и какъ въ христіанскихъ *graffiti* катакомбъ мы находимъ самое негнрое выраженіе благочестивыхъ порывовъ ихъ набожныхъ почитателей, точно такъ *graffiti* Помпеи (которыя было издае уже нѣсколько собраній) передаютъ намъ задумованна чувства и мысли ее жителей.

*) Только въ XVI столѣтіи, какъ мы видѣли, совершенно случайно попали на ихъ слѣды.

***) Кошаты съ трубами, гдѣ теперь открываютъ груды мусора и ваши, сорим конуса, почти всегда слушать указаніе гробницы извѣстнаго мученика.

Входы въ катакомбы заросли или были нарочно завалены въ средніе вѣка крестьянами римской Кампаніи. Въ продолженіи многихъ столѣтій песокъ, влекомый дождевою водою, заносилъ галереи. Мѣстами онѣ обрушились, частію потому что изъ *Ioculi* были вынуты плиты и черепицы, которыя поддерживали сводъ хода и придавали крѣпость его бокамъ, частію въ слѣдствіе землетрясеній, движенія на поверхности земли, воздѣлыванія ея и построекъ. Изъ крѣптъ, открытыхъ случайно, выносили все, что могло идти въ торговлю или быть употреблено какъ строительный матеріалъ, — мраморъ, плиты, кирпичи, и разбивали ихъ гробницы, надѣясь найти драгоценности. Многія галереи, находившіяся въ сосѣдствѣ съ аренаріями, были разрушены работниками при добываніи поццоланы. Большой вредъ подземному Риму причинили также ученые и собиратели древностей прошлаго столѣтія, которые выносили изъ него саркофаги, отдѣляли отъ стѣнъ фрески, отбивали плиты съ надписями и т. д.

Въ слѣдствіе всего этого нужны теперь особенныя работы, чтобы снова проникать въ катакомбы уже открытыя и извѣстныя *). Но не смотря на постоянное опустошеніе этихъ кладбищъ, продолжавшееся многія вѣка, онѣ такъ велики, что мѣстами избѣжали разрушенія и сохранили первобытный видъ. Можно даже сказать, что забвеніе ихъ, потеря входовъ, обвалы, преградившіе въ нихъ дорогу, отчасти способствовали этому, и сберегли многимъ фрескамъ, надписямъ и другимъ памятникамъ цѣлость и неприкосновенность, которыя они вѣроятно бы утратили, если бы тѣ галереи и комнаты, гдѣ ихъ нашли, не были удалены отъ входовъ, потеряны въ лабиринтъ обширнаго подземелья и недоступны всѣмъ опустошавшимъ катакомбы съ различными цѣлями въ предшествовавшіе вѣка.

*) Раскопки въ нихъ, требуя большихъ расходовъ, идутъ довольно тихо, и прерываются совершенно въ лѣтніе мѣсяцы, когда посѣщеніе катакомбъ и всѣ работы въ нихъ дѣлаются невозможными, по причинѣ ливнедождя сарайствующахъ въ окрестностяхъ Рима.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	<i>Напечатано.</i>	<i>Слдуетъ читать.</i>
12	8 и 9,	гражданскія учрежденія	гражданскихъ учрежденийъ
42	12 снизу	агаена	агена
102	5 сверху	частнаго	частаго
109	9 —	новѣй	новѣихъ
121	5 —	Caecili	Caecilia
142	5 —	Flaviae Domitillae	Flavia Domitilla
163	24 —	религіозныхъ властей и считалось	религіозныхъ властей, счита- лось
180	16 —	funereticia	funeraticia